

ПИОНЕР 7

ИЮЛЬ ● 1977 ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ОСНОВНОЙ ЗАКОН СССР

Ты, дорогой друг, родился и живешь в замечательной стране — Родине Октября. Ты ходишь в современную школу. Отдыхаешь в благоустроенном пионерском лагере. Занимаешься в кружке Дворца пионеров. Но часто ли ты и твои друзья по отряду задумываетесь над тем, каким трудом создано все, что окружает нас, — новые школы, заводы, космические ракеты, линии метро? В этом — труд советского народа, старших поколений, которым вы идете на смену. Нашей Родине всего шестьдесят лет, а путь, который она прошла, равен столетиям. Все завоевания Отчизны закреплены в проекте новой Конституции СССР — Основном Законе нашей жизни.

Сейчас по всей стране идет всенародное обсуждение самого главного документа Советского государства. И тебе, наш читатель, предстоит жить по самому человечному Закону на земле, пользоваться всеми правами, соблюдать обязанности гражданина своей великой страны. Ты готовишься к этому, давая Торжественное обещание в день вступления в организацию юных ленинцев, свято выполняя Законы юных пионеров. Партия, наш народ надеются на вас, наследников всего того, что дала нашей стране Октябрьская революция.

МОСКВА. КРЕМЛЕВСКИЙ ДВОРЕЦ СЪЕЗДОВ.
18 ИЮЛЯ. ОТКРЫТИЕ ФЕСТИВАЛЯ
«ПУСТЬ ВСЕГДА БУДЕТ СОЛНЦЕ!»

Фотография
И. ГАВРИЛОВА.

*Всем,
всем
добрый день!*

*«Солнечный круг,
небо вокруг...»*

ЗДРАВСТВУЙ, ФЕСТИВАЛЬ!

Е. М. РЫБИНСКИЙ,

начальник Главного управления
Всесоюзного пионерского лагеря «Артек»
имени В. И. Ленина

«Артек» называют столицей детства, столицей пионерии. Сюда на Всесоюзные пионерские форумы, слеты, детские праздники, спортивные состязания, игры, международные смены собираются лучшие посланцы советской пионерии и их зарубежные сверстники — представители детских и юношеских коммунистических и прогрессивных организаций и союзов многих стран мира. В такие дни над «Артеком» поднимается флаг разно-

Когда весело всем.

Фотографии
В. ПОСТНИКОВА.

Выходит с 15 марта 1924 г.

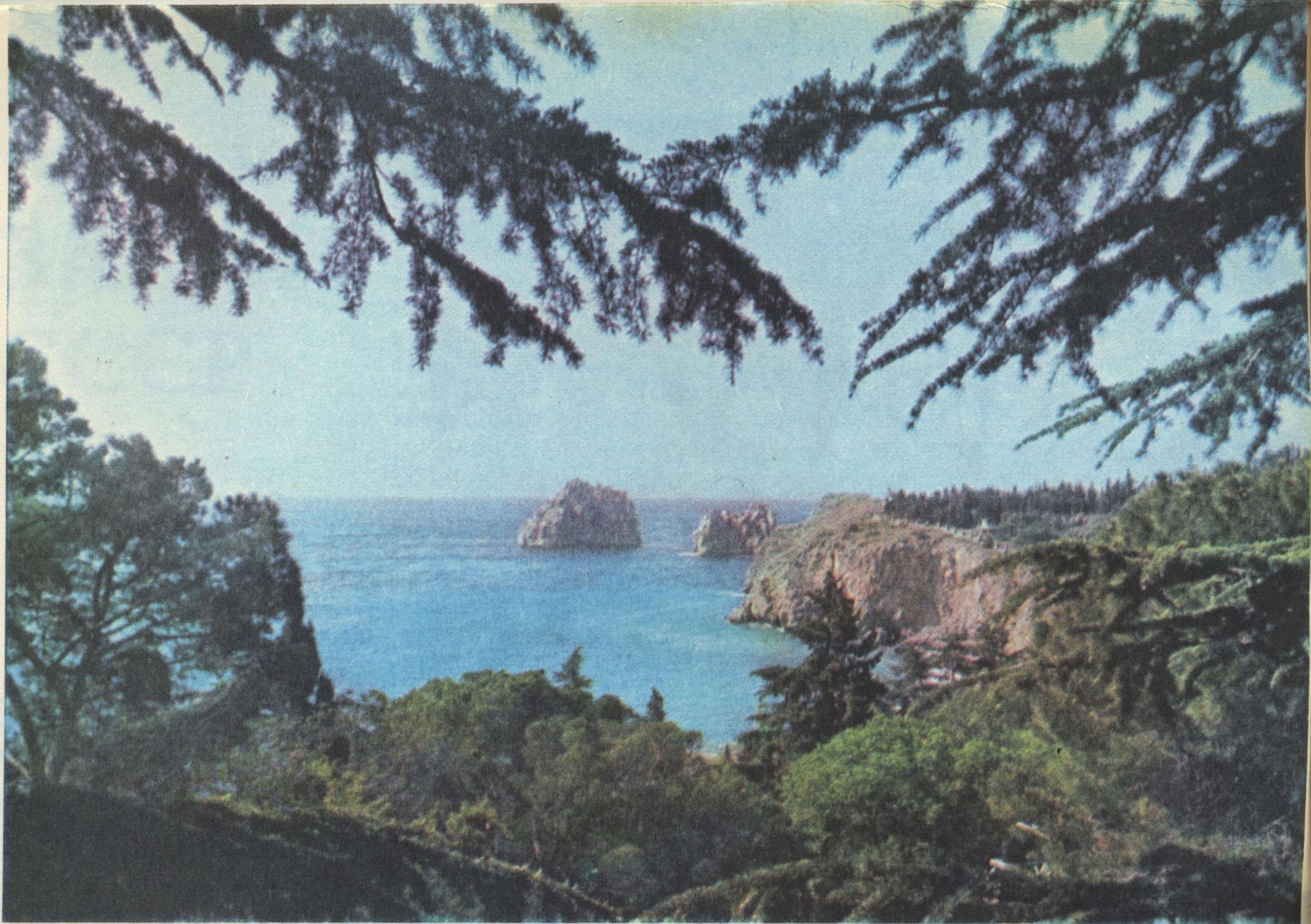
ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ
и Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации имени В. И. Ленина

ИЮЛЬ 7

Москва 1977 г.
Издательство «Правда»

КРЫМ.

«АРТЕК». 31 ИЮЛЯ.

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ЗАКРЫТИЕ ФЕСТИВАЛЯ

цветных галстуков — символ дружбы и солидарности детей Земли. Работают клубы интернациональной дружбы, проходят конкурсы политического плаката и политической песни, митинги дружбы и солидарности с борющимися народами, пресс-конференции, манифестации, яркие праздники братства. От артековских берегов отправляется необычная «бутылочная почта» мира, звучат песни мира, слова дружбы, загораются яркие пионерские костры.

«Артек» всегда рад своим новым друзьям, «Артек» говорит им: «Добро пожаловать в пионерскую республику!»

Еще очень ярки в памяти ребят события VII Всесоюзного слета пионеров, который дал старт новому этапу пионерского Марша под девизом «Идем дорогой Ленина, дорогой Октября».

Началась новая совместная интернациональная акция «Мы дети революции — наследники отцов!».

Сегодня «Артек» готовится к большому яркому событию — Международному детскому фестивалю «Пусть всегда будет солнце!».

Символично, что международный детский фестиваль решено провести в Советском Союзе, первом в мире социалистическом государстве, где забота о подрастающем поколении стала одной из самых характерных черт советского образа жизни.

Проведение фестиваля — это проявление солидарности с народами, молодежью, детьми стран, борющихся против империалистической агрессии, против злодеяний фашистской хунты, против колониализма, неоколониализма, расизма и апартеида, за независимое и национальное развитие, за прогрессивные социально-экономические преобразования.

Поезда «Дружбы» и самолеты доставят участников фестиваля из Москвы, где состоится его открытие, в столицу красногалстучной пионерии.

Каким же будет Международный детский фестиваль в гостеприимной пионерской республике «Артек»?

Откроется несколько международных клубов по интересам: «Клуб разноцветных галстуков», «За антиимпериалистическую соли-

дарность, мир и дружбу», «Экран», «Олимпия», «Игра», «Творчество юных».

В день мира, солидарности и дружбы ласковое артековское солнце зажжет пионерские костры на торжественных линейках. Начнет свою работу детский международный почтамт, где ребята обменяются адресами, напишут письма-призывы, письма-обращения ко всем детям мира, ко всем взрослым планеты: «Крепко возьмемся за руки! Скажем «нет» войне! Скажем: «Пусть всегда будет солнце, пусть всегда будет мама, пусть всегда будет мир!». Агрессоры боятся только сильных. Так сплотим наши ряды, юные борцы за мир! И по старой артековской традиции эти письма будут закупорены в бутылки, и белоснежный теплоход унесет их в нейтральные воды Черного моря. Пройдут митинги солидарности и большая детская манифестация на общеартековской костровой площади.

Девиз следующего дня фестиваля — «САЛЮТ XI ВСЕМИРНОМУ ФЕСТИВАЛЮ МОЛОДЕЖИ И СТУДЕНТОВ В ГАВАНЕ!». В лагере «Озерный» откроется выставка «Гавана — столица XI Всемирного фестиваля». Все гости примут участие в игре-путешествии

На смену «Дню спорта» придет **«День искусства»**. Ребята будут соревноваться в мастерстве пения, танца, игры на музыкальных инструментах. Откроется выставка детского рисунка.

На занятиях клубов ребята встретятся с писателями, композиторами. Вечером на артековской набережной состоится веселый фестиваль карнавал.

День Советского Союза будет посвящен стране — организатору замечательного детского праздника. На пресс-конференциях советские пионеры поделятся опытом своей работы на маршрутах Всесоюзного Марша пионерских отрядов. Откроется выставка «Моя Родина — СССР». Делегаты и гости фестиваля смогут принять участие в конкурсе «Знаешь ли ты Страну Советов?». Вместе с советскими ребятами они будут играть в национальные игры народов нашей страны. А вечером на площадках «Артека» состоится театрализованное представление: «Пятнадцать республик — пятнадцать сестер».

«День труда» пройдет под девизом «Наш труд в фонд солидарности». Участники фестиваля поедут в колхозы, совхозы и на предприятия Крыма. Заложат фестивальную аллею в парке «Дружба». Зажгут костры — «Владыкой мира будет труд».

31 июля Международный детский фестиваль завершит свою работу большим театрализованным представлением на центральном стадионе «Артека».

Когда в «Артеке» поднимет свой флаг Международный фестиваль, многие из вас окажутся в пионерских лагерях. От вас зависит, чтобы и в вашем лагере дни фестиваля в «Артеке» стали фестивальными. Программу вы знаете. Отправьте еще письма солидарности в адрес Международного фестиваля. Лучшие ваши рисунки, если вы пришлете их в Артек, будут экспонироваться на выставке, а различные ваши поделки примут участие в базаре солидарности. Иными словами: «Фестиваль в Артеке — фестиваль везде!».

Тепло
артековской дружбы.

Корабль
счастливых детей.

«Артек — Гавана» и в базаре солидарности. Вечером в Ялте состоится факельное шествие «Салют фестивалю!».

Есть в программе фестиваля **«День спорта и туризма»**. В этот день состоятся «открытые старты», пройдут соревнования по волейболу, баскетболу, легкой атлетике, которые закончатся увлекательной «Спортландией». Многие совершат восхождение на Аю-Даг и Роман-Кош. Там будут водружены фестивальные стяги. В гости к ребятам приедут известные спортсмены — чемпионы мира и олимпийских игр.

На этом глобусе
делегаты
фестиваля
показывают друзьям
свою страну.

— Многие английские девочки и мальчики переписываются с советскими ребятами, рассказывают друг другу о своей жизни, о жизни своей страны. Это очень здорово! Я думаю, что Международный детский фестиваль усилит интерес детей разных стран к своим зарубежным сверстникам.

ЭНДРЮ ПИРСИ,
член национального исполкома
организации «Лесной народ», Великобритания.

— Меня, пионерского работника, очень радует, что на Международный детский фестиваль «Пусть всегда будет солнце!» прибудет так много детских организаций разных стран. Эта встреча ребят разных стран и континентов укрепит международное детское движение.

АЛИ КЕПАНЕ,
член национального совета
Союза молодежи Алжира.

Они долго
переписывались
и вот, наконец,
встретились!

Памятник
советскому
воину-освободителю
на Чехословацкой
земле.

Приветствия Международному детскому фестивалю «Пусть всегда будет солнце!»

Дорогие юные друзья — участники Международного детского фестиваля!

В дни вашего праздника горячо приветствуем вас, желаем вам мирного неба и солнечного детства. За мир и безопасность народов, за ваше светлое будущее борются миллионы женщин разных стран. В этой борьбе активно участвует и наш Комитет советских женщин.

Все больше и больше людей доброй воли вступают в борьбу против войны и угнетения, против несправедливости и насилия. В этой борьбе дети — рядом со взрослыми. Мы верим, борьба эта увенчается успехом, разум победит безумие войны, восторжествуют мир и справедливость.

В год 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции от имени всех советских женщин желаю успеха вашему фестивалю.

Пусть мир и дружба станут девизом всех детей Земли.

Это вам, юные друзья, принадлежит будущее планеты.

В. НИКОЛАЕВА-ТЕРЕШКОВА,
Герой Советского Союза,
председатель Комитета советских женщин.

Я желаю всем детям — участникам Международного детского фестиваля «Пусть всегда будет солнце!» — счастья, радости, веселых игр и серьезных полезных дел. Таким серьезным и важным делом я считаю эту международную встречу детских организаций разных стран мира.

Уверен, что этот фестиваль займет важное место в истории международного детского движения. Дети всего мира активно готовились к нему, проводили митинги солидарности в поддержку борьбы угнетенных народов, в защиту прав детей в капиталистическом обществе.

Фестиваль «Пусть всегда будет солнце!» связан с Всемирным фестивалем молодежи и студентов, который состоится в 1978 году на Кубе. На молодежном фестивале будет день, посвященный детям, где все детские организации выступят единым фронтом за мир, дружбу и справедливость на нашей планете. Наш дет-

ВЫДАЮЩИЕСЯ БОРЬЦЫ ЗА МИР — ПОЧЕТНЫЕ ГОСТИ ФЕСТИВАЛЯ.

ский международный фестиваль поможет провести этот день интересно, показать солидарность детей с борьбой взрослых.

ТАДИ АЛЬФЕЛЬДИ,
Генеральный секретарь СИМЕА
Международного комитета
детских и юношеских организаций при ВФДМ.

Я не первый раз в Советском Союзе, бывала на международных сменах в Артеке. И я вижу, что год от года все большее число детских организаций разных стран вместе готовят и проводят фестивали дружбы.

Фестиваль «Пусть всегда будет солнце!», я уверена, станет большим событием в международном детском движении. Народы мира и их дети лучше узнают друг друга, научатся понимать стремления своих друзей в разных уголках планеты. А это исключительно важно для будущего на земле. Например, и у нас в Соединенных Штатах, накануне фестиваля «Пусть всегда будет солнце!» произошло важное событие: десять детских организаций объединились для подготовки и участия в этом празднике детства.

Желаю делегатам фестиваля сил и бодрости, чтобы ребята смогли выполнить большую и сложную программу своего детского форума.

КЭТРИН РОТШИЛЬД, США,
заведующая отделом молодежи Общества
американо-советской дружбы, член национального
подготовительного комитета фестиваля

В Финляндии, как вы знаете, родилось много мирных начинаний. И мы счастливы, что наши дети любят мир, уважают традиции других народов. В этом мы убедились во время национального конкурса детских рисунков, в котором ребята выразили свое отношение к современному миру и к его будущему. Их светлый оптимизм говорит о том, что будущее планеты будет мирным.

Во время подготовки к детскому фестивалю пионеры Финляндии провели много митингов солидарности. Один из них — митинг солидарности с патриотами Чили, митинг в защиту чилийских детей прошел у нас во время приезда в Финляндию товарища Луиса Корвалана.

Международный детский фестиваль «Пусть всегда будет солнце!» — это важный этап подготовки к Всемирному фестивалю молодежи и студентов в Гаване. Следующим этапом станет для пионеров Финляндии фестиваль дружбы с Советским Союзом, который пройдет осенью этого года.

Я надеюсь, что детский фестиваль придаст нам и нашим детям новые силы для дальнейшего сплочения во имя общих прекрасных целей.

РЕЙО ЛАХДЕНПЕРЯ,
Председатель демократического союза пионеров
Финляндии, председатель национального
подготовительного комитета фестиваля.

Пионеры Австрии
пишут
письмо
для «бутылочной
почты».

— В республике Шри Ланка сейчас все ребята получили право учиться. Но, к сожалению, далеко не каждый может ходить в школу. Семьям не хватает денег на еду и одежду, не говоря уже об учебниках. Мне кажется, что проблема образования остро стоит во многих развивающихся странах. Фестиваль поможет нам согласовать свои действия в борьбе за то, чтобы все дети могли учиться.

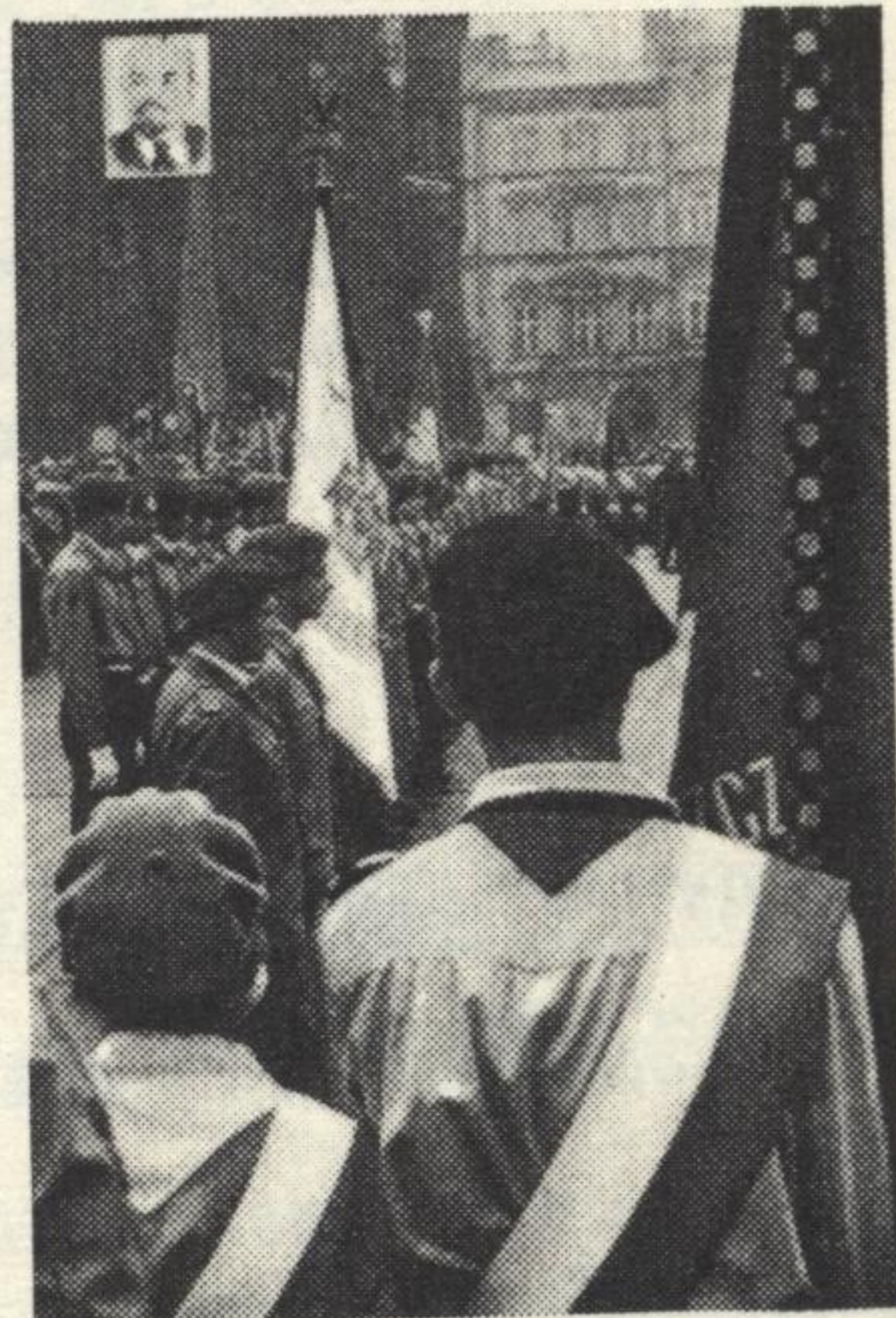
АДИМАЛ ДАЛВИС,
представитель пионерской организации
Шри Ланка.

Польские харцеры горячо приветствуют фестиваль «Пусть всегда будет солнце!».

Наша делегация вместе со всеми будет участвовать во всех мероприятиях фестиваля. Наши ребята покажут свои пляски, споют польские песни, расскажут, как они живут в Народной Польше, как отряды готовятся к 60-летию Октября, величайшего события в жизни народов. В эти дни сотни тысяч ребят идут «ленинской тропой» — по местам, где жил и работал вождь Революции. И всюду звучит девиз харцеров «Чувай!» — «Будь готов!».

ЕЖИ ВОЙЦЕХОВСКИЙ,
начальник Главного штаба
Союза польских харцеров.

Таня и Криста
подружились
на фестивале.

Так торжественно
принимают
польских ребят
в харцеры.

Наша партия,
следуя заветам
великого Ленина,
свято оберегает в чистоте
незыблемые,
проверенные жизнью
принципы пролетарского
интернационализма.

Л. И. БРЕЖНЕВ,
Генеральный
секретарь
ЦК КПСС.

Пусть всегда будет солнце!

*В то время как в Москве и «Артеке»
начинается Международный детский фестиваль
«Пусть всегда будет солнце!»,
на страницах журнала «Пионер»,
в Международном пионерском клубе «Товарищ»
собрались представители пионерских и прогрессивных
детских организаций многих стран мира.
Идет серьезный, откровенный, жизненно важный
**РАЗГОВОР О ДРУЖБЕ, О БОРЬБЕ ЗА МИР, СВОБОДУ,
НЕЗАВИСИМОСТЬ, СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОГРЕСС,
О СОЛИДАРНОСТИ И ПРОЛЕТАРСКОМ
ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМЕ.***

*Пусть тебя не удивляет, что в этом разговоре ребят
принимают участие взрослые —
руководители коммунистических и рабочих партий.
Мы повторяем их слова, сказанные на XXV съезде
Коммунистической партии Советского Союза.
Ты знаешь, что этот съезд нашей партии
еще раз подтвердил и развил **ПРОГРАММУ МИРА.**
Вместе с коммунистами нашей страны, вместе со всем
советским народом эту программу претворяют в жизнь
прогрессивные силы мира под руководством
коммунистических и рабочих партий.
В борьбе за мир, за независимость,
за социальный прогресс рядом со взрослыми самые юные.
Ты и сам поймешь и почувствуешь это,
когда прочтешь все выступления.*

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ПИОНЕРСКИЙ
КЛУБ
«ТОВАРИЩ»

Андрей Поппе, **пионер из Венгрии (г. Будапешт)**

Нет ничего важнее пролетарской солидарности. Солидарность — это выражение единых мыслей и идей, взаимная помощь в борьбе за лучшее будущее народов, за социализм и коммунизм.

Когда вьетнамский народ воевал против американского империализма, мы старались помочь Вьетнаму, как могли. Все венгерские пионеры собирали средства в Фонд помощи Вьетнаму.

На эти деньги, которые собирали пионеры разных стран мира, была построена больница для детей, пострадавших во время войны. И мы еще шили сами лоскутные одеяла для этой больницы.

Теперь война кончилась, вьетнамский народ победил и восстанавливает разрушенное хозяйство, строит социализм. Мы помогаем сейчас строительству Дворца пионеров в Ханое. Каждый пионер взялся собрать столько макулатуры, сколько весит его портфель с книгами. Деньги отправим вьетнамским друзьям.

Помогаем мы и чилийским патриотам. Деньги, заработанные своим трудом, мы отсылаем в Фонд чилийских эмигрантов — коммунистов.

Детям Зеленого квартала (там живут чилийские политэмигранты) мы помогаем изучать венгерский язык, приглашаем их в свои школы, устраиваем для них праздники. В своих пионерских дружинах и Дворцах пионеров проводим митинги солидарности со всеми борющимися народами.

Собираем лекарства и медикаменты для отправки в те страны, где идет еще борьба за свободу и независимость...

Янош Кадар,

Первый секретарь ЦК Венгерской социалистической рабочей партии

Вместе с другими социалистическими странами Венгерская Народная Республика, наша партия и народ делают все в интересах упрочения мира, мирного сосуществования стран с различным общественным строем, для развития плодотворных контактов между ними. В то же время мы полностью солидарны как с прогрессивными демократическими силами, борющимися против диктатуры монополий, так и с народами, сражающимися за свою политическую независимость и экономическую самостоятельность. Мы убеждены, что история идет вперед, что силы прогресса победят и человечество придет в будущее, в котором мир будет всеобъемлющим и прочным.

Йоган Мендаль, **пионер из Швеции (г. Гетеборг)**

Существует такая шведская поговорка: «Друзья познаются в беде». И правда, когда приходят какие-нибудь испытания, еще раз убеждаешься: кто твой друг, надежный и верный.

В «Артеке» мы подружились с ребятами из Народной Республики Мозамбик. Они рассказывали нам, как помогали их борьбе против португальских колонизаторов Советский Союз, другие страны социализма и независимые страны Африки. Народ Мозамбика победил и строит

теперь новую жизнь. Раньше, когда мы в своей северной Швеции смотрели на карту африканской страны Мозамбик, мы видели далекую неизвестную нам страну, обозначенную небольшим цветным пятном на юго-востоке Африки. Теперь мы знаем: там живут наши друзья, добрые и верные.

И нам хочется верить, что их борьба за укрепление независимости и установление демократического строя будет успешной...

Фредерик Бокара, **пионер из Франции (г. Париж)**

Солидарность — это стремление и умение целой страны или одного человека прийти на по-

мощь тому, кому эта помощь больше всего нужна. Кто в опасности, кто борется, если, конечно, эта борьба справедлива.

Во время войны во Вьетнаме все французские пионеры собирали деньги для госпиталя в Ханое. Чтобы можно было купить лекарства, медикаменты или, допустим, кровати для больных и раненых детей. Сейчас мы собираем деньги для детей политзаключенных и политэмигрантов Чили. Наши товарищи делают все возможное, чтобы семьи политэмигрантов, поселившиеся в нашей стране, не чувствовали себя одиноко и обретали силы для борьбы с фашистской диктатурой.

Гастон Плиссонье,
член Политбюро,
секретарь ЦК Французской
коммунистической партии

...Определяя путь к социализму для Франции, мы учитываем также международную обстановку, которая отмечена поворотом в пользу мира, независимости народов, в пользу социализма. Решающая роль в этом отношении принадлежит странам социализма. Борьба рабочего класса и демократических сил в капиталистическом мире, крупные успехи национально-освободительного движения также содействуют ослаблению империализма, вынуждают его идти на мирное сосуществование.

Божена Грешникова,
пионерка из Чехословакии
(г. Прешов)

В советской песне есть такие слова: «С голубого ручейка начинается река, ну а дружба начинается с улыбки».

С чего начинается дружба пионеров разных стран? С рассказов старших о том, как люди разных национальностей сражались вместе в жестокой борьбе с фашизмом. С писем, которые клубы интернациональной дружбы посылают друг другу. С общих пионерских акций солидарности. И, конечно, с улыбки, когда мы встречаемся в «Артеке» и в других международных пионерских лагерях...

Улыбка помогает нам найти общий язык, когда мы не знаем языка друг друга. Улыбка помогает нам подружиться. «Дружба» — это слово понятно всем.

Дружбу, которая связывает детей разных национальностей и рас, можно сравнить с большой стремительной и сильной рекой. Маленькие ручейки бежали через далекие страны, через пу-

стыни и горы и слились в одну реку. Никому не удастся остановить ее движения! Наша дружба навсегда!

Густав Гусак,
Генеральный секретарь ЦК КПЧ,
президент ЧССР

Народы нашей страны, которых за всю их долгую историю не миновал ни один крупный военный пожар в Европе, хорошо сознают, что для них значит Советский Союз — самая значительная сила в борьбе за мир и безопасность на земле.

Джим Зиммерман,
индеец племени Су.
США, Южная Дакота

Отца у меня нет. Мать — безработная. Я живу и учусь в школе для индейцев. Финансирует нашу школу движение американских индейцев. Мы называем ее школой «для выживания».

Некоторые у нас в стране любят говорить о правах человека, о подлинной свободе и демократии. Почему же тогда нам приходится бороться за равные права для всех народов, против дискриминации индейцев, против гонений и угнетения? Целый месяц провел я в Советском Союзе, в пионерской республике «Артек», убедился, что подлинная свобода и демократия могут быть только там, где у власти — народ, в странах социализма. Я жил в одном доме с ребятами разных национальностей, подружился с советскими пионерами и понял, что в вашей стране нет предубеждения ни к какому народу. Ко всем относятся одинаково дружелюбно, гостеприимно. Я решил, что всю свою жизнь буду бороться за свободу и независимость индейцев, за социализм.

Гэс Холл,
Генеральный секретарь
Коммунистической партии США

В то время, как социализм продолжает свое неуклонное движение по пути роста и развития, в то время, как его пятилетние планы реализуются в экономике, в культурном строительстве, в повышении благосостояния народа, в то время, как общий уровень жизни при социализме растет, в капиталистическом мире общие и циклические кризисы оборачиваются усилением нищеты всевозрастающего числа людей, нарушением экономической стабильности, общим падением уровня жизни. Американский монополистический капитал все шире использует политические репрессии и расизм.

Рахаим Элиэзер, **член организации «Дети труда»** **из Израиля (г. Петах-Тиква)**

Мы, члены коммунистической детской организации «Дети труда», работаем под руководством израильского комсомола. Мы хотим, чтобы на Ближнем Востоке всегда был мир. Мы выступаем в поддержку арабского населения. С визитами солидарности мы ездим по деревням, которые пострадали от временной аннексии земель, стараемся помогать арабским детям.

Мы боремся за равные права для арабов и евреев. Мы уважаем право палестинского народа на создание независимого государства. Наша борьба трудная, но мы, члены коммунистической детской организации, знаем: справедливая борьба всегда венчается успехом.

*

Меир Вильнер, **Генеральный секретарь** **ЦК Коммунистической партии** **Израиля**

Мы, израильские коммунисты, вместе с другими миролюбивыми силами боремся за коренное изменение официальной политики Израиля, за политику мира и дружбы между народами нашей страны и Советского Союза.

Мы считаем своей главной задачей борьбу за ликвидацию очага войны на Ближнем Востоке, за установление справедливого и прочного мира на основе уважения прав всех государств и народов нашего региона. Мы выступаем против оккупации арабских территорий, против жестоких репрессий и террора, которым израильские власти подвергают их население, за реальный, справедливый мир на основе выполнения известных резолюций Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН. Мы боремся за вывод израильских войск со всех арабских территорий, оккупированных в 1967 году, за признание законных национальных прав палестинского арабского народа, в том числе его права на создание собственного государства, за обеспечение суверенитета и территориальной целостности всех государств Ближнего Востока, включая, естественно, Израиль.

*

Ставрос Христодуло, **Кипр (г. Никозия)**

После того, как турецкие войска вошли на Кипр, в нашей стране очень тяжелая обстановка. Разжигается национальная рознь между киприотами-турками и киприотами-греками. Часть киприотов-греков вынуждена была покинуть свои дома и уехать на юг и там ютиться в палатках, жить в очень тяжелых условиях.

Коммунисты Кипра, Единая демократическая

организация молодежи (ЭДОН) и ее боевой отряд ПЭОМ (организация учащихся Кипра) всеми силами пытаются разъяснить народу и особенно детям, что киприоты-турки и киприоты-греки не враги друг другу, что вторжение турецких войск — временное событие и нужно делать все возможное, чтобы Кипр снова стал независимой республикой.

Мы стараемся всячески поддержать детей беженцев — киприотов-греков. Мы делимся с ними своими книгами и игрушками, помогаем им заниматься в школе.

Сейчас в нашей стране всем политическим организациям приходится работать в трудных условиях. Это очень опасно, но мы верим, что победим, потому что наше дело правое.

*

Эзекиас Папаиоанну, **Генеральный секретарь** **Прогрессивной партии** **трудового народа Кипра**

Прогрессивная партия трудового народа Кипра и кипрский народ, выражая глубокую признательность славной партии Ленина, ее руководству и советскому народу, высоко ценят поддержку, оказываемую ими кипрскому народу в борьбе за освобождение от иностранной оккупации, за восстановление независимости, суверенитета и территориальной целостности своей родины.

Советский народ, народ великой души, народ-интернационалист, под руководством своей партии во главе с ее ленинским ЦК взял на себя такую ношу, которая непосильна никакому дру-

гому народу. Он возложил ее на себя потому, что думает и действует как интернационалист, потому что его вдохновляют великие гуманистические идеалы марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма.

...Империалистические круги стремились и стремятся представить кипрскую проблему как междоусобицу кипрских греков и турок, тогда как в действительности суть этой проблемы состоит в противоречии между кипрским народом, греками и турками, с одной стороны, и империализмом — с другой.

Элефтерия Манусу, **Греция (г. Афины)**

Наш народ долго и упорно боролся против военной диктатуры черных полковников и победил. Все прогрессивные силы мира, все социалистические страны и, конечно, наш большой друг Советский Союз помогали в этой борьбе.

Доверие, честность и бескорыстная помощь — вот что необходимо для дружбы разных стран и разных людей.

В капиталистических странах трудно говорить о дружбе. Человеческие отношения строятся на конкуренции: надо во что бы то ни стало достичь успеха, обогнать другого, чтобы возвыситься самому. Коммунистическая партия Греции считает конечной целью своей борьбы построение социалистического и коммунистического общества. И нам, детям, понятна и близка эта цель.

Харилаос Флоракис,

**Первый секретарь ЦК
Коммунистической партии Греции**

XXV съезд КПСС отражает чаяния не только народов Советского Союза, но и трудящихся всего мира. Он наилучшим образом ответил всем друзьям и врагам на вопрос о том, что означает подлинная демократия, что означает социализм.

...Тесные узы дружбы давно связывают греческий и советский народы, КПГ и КПСС. Во все критические для рабочего и демократического движения моменты, во все трудные периоды национальной жизни советский народ всегда был на нашей стороне как друг и бескорыстный защитник.

Джованни Льямас,

**член пионерской организации
Колумбии (г. Картахена)**

В нашей стране слово «дружба» пока не в большом почете. В самом деле, какая уж тут дружба, когда нет равного положения для всех людей, когда не всем детям предоставлено право

учиться в школе. Да и те ребята, которые ходят в школу, очень остро чувствуют разницу в положении своих семей.

В нашей организации колумбийских пионеров все помогают друг другу, и всегда действует закон: «Один за всех и все за одного». Но если в школе узнают, что ты пионер, выгонят немедленно...

Хильберто Виейра,

**Генеральный секретарь
ЦК Коммунистической партии
Колумбии**

Колумбийский народ во главе с рабочим классом неустанно борется против инфляции, дороговизны и безработицы, выступая против капиталистического «решения» этих проблем за счет снижения и без того низкого уровня жизни трудящихся. Он борется также за демократические свободы, против репрессивного режима осадного положения; за национальную независимость и суверенитет, против захвата природных ресурсов империалистическими монополиями и против кабальной внешней задолженности. В ходе этих многочисленных выступлений наша партия стремится сочетать все формы массовой борьбы.

Белвон Голлей-Морган,

Сьерра-Леоне (г. Фритаун)

«Декларация прав ребенка», принятая ООН, в нашей стране не признается. Благотворительная организация — Ассоциация детских домов организует для сирот и калек детские дома, больницы, а также праздники и карнавалы. Очень часто в детские дома попадают ребята, которых подобрали на улице. Они долго голодали и упали от голода прямо на дорогу. Но забота об этих детях — частное дело Ассоциации детских домов, государство не заботится о нас.

Аден Мохамед,

пионер из Сомали (г. Могадишо)

Самые маленькие дети в нашей стране понимают, что такое дружба и солидарность. Ребята всех возрастов делают у нас сувениры, а деньги передают в Фонд освобождения борющихся народов. Главную роль в этой работе взяли на себя пионеры. Мы помогали народам Вьетнама и Анголы, Португалии и Чили. Пролетарскому интернационализму учит нас наша пионерская организация, которую основал Секретарь Сомалийской революционной социалистической партии, президент и председатель совета министров Сомалийской Демократической Республики Мохамед Сиад Барре.

Мохамед Сиад Барре,

**Президент Верховного
революционного совета
Сомалийской Демократической
Республики**

Национально-освободительное движение сегодня неудержимо рвется вперед. Сейчас, когда исчезает колониализм старого типа, империалистическое господство проявляется в форме неоколониализма. Борьба против этой новой формы господства намного труднее и упорнее. Для того чтобы нанести поражение колониализму в его классическом виде, вполне достаточно было антиколониального движения за создание независимого государства без коренных изменений внутренней социально-экономической структуры. Однако все мы знаем, что это порождало и опасность: превращение независимого государства в искусственную надстройку над фактически сохраняющимися отношениями угнетения и эксплуатации. Для борьбы с этими явлениями необходимо новое движение, ставящее перед собой цель — вырвать средства производства из рук империализма, покончить со старой формой социальных отношений; другими словами, необходимо социалистическое решение.

Менка Кутис,

**член Лиги молодых социалистов
Австралии (г. Мельбурн)**

Пролетарская солидарность — это значит, люди плечом к плечу стоят рядом в борьбе против фашизма, против угнетения и несправедливости, за независимость и свободу, за мир и социальный прогресс.

Лига молодых социалистов Австралии работает под руководством Социалистической партии, которая занимает марксистско-ленинскую позицию. На демонстрациях, в воззваниях и листовках Лига молодых социалистов выступает против фашизма, против угнетения, против ущемления прав человека. Мы боремся против существования американских военных баз в Австралии. Мы добиваемся того, чтобы больше не урезали средства на медицинскую помощь для нашего народа. Мы поддерживаем борьбу чилийского и других народов за свободу и независимость и стараемся помочь этой борьбе.

Питер Саймон,

**Генеральный секретарь
Социалистической партии
Австралии**

В таком жизненно важном вопросе, как вопрос о мире, Социалистическая партия Австралии играет видную роль, содействуя разверты-

ванию массового движения за разрядку и разоружение. Партия участвует в массовой кампании в поддержку нового Стокгольмского воззвания и выступает за скорейший созыв Всемирной конференции по разоружению.

Федерико Мариани,

**член Ассоциации пионеров
Италии (г. Рим)**

Ассоциация пионеров Италии вместе с Федерацией молодых коммунистов всегда была солидарна с борьбой народов за свободу, независимость и социальный прогресс.

Мы собирали деньги для сражавшегося народа Вьетнама. Мы ходили по улицам и домам и объясняли жителям городов и сел, для чего нам нужны деньги, и тогда они вместо 200 лир давали нам по 1500 лир. Мы отказывались от подарков, которые родители хотели подарить нам к праздникам, мы просили лучше дать нам деньги и отправляли их в Фонд помощи Вьетнаму. Или покупали на них радиопередатчики и радиоэлектронные аппараты, необходимые в военных сражениях вьетнамского народа.

Все время борьбы ангольского народа за свою независимость мы добывали лекарства и медикаменты у врачей-коммунистов и переправляли посылки в Анголу.

Сейчас мы стараемся помочь борьбе народа Чили. Сбор макулатуры, продажа сувениров во время манифестаций и митингов дают нам необходимые деньги, которые мы передаем в Фонд солидарности с Чили.

Энрико Берлингуэр,

**Генеральный секретарь
Итальянской коммунистической
партии**

В современных условиях, как никогда, жизненны и действенны идеи и возможности интернационализма. Обращаясь к опыту нашей страны и нашей партии, мы можем сказать, что новые широкие массы трудящихся и молодежи различной ориентации все активнее участвуют в борьбе под знаменем интернациональной солидарности. Это проявилось в солидарности с народами Вьетнама и другими народами Индокитая, с народами Мозамбика, Гвинеи-Бисау и Анголы. Это проявилось в активности народных масс, выступивших против диктатур, которые угнетали Португалию и Грецию.

Энрике Парис, **Чили**

Великая сила — пролетарская солидарность!

В свое время правительство Народного единства, Коммунистическая партия Чили оказывали помощь сражавшемуся вьетнамскому народу, другим борющимся народам. Наш народ никогда не оставался равнодушным к бедам людей в других странах — мы всегда посылали лекарства и одежду туда, где были пострадавшие от землетрясения или другого стихийного бедствия.

Теперь наш народ постоянно чувствует поддержку других стран и народов, постоянно испытывает солидарность с нашей борьбой против фашизма, за светлое будущее Чили.

Мы счастливы, что Генеральный секретарь нашей Коммунистической партии товарищ Луис Корвалан на свободе. Это великая победа всех сил мира, победа пролетарского интернационализма!

Америко Соррилья,

**Член Политической комиссии
и Секретариата ЦК
Коммунистической партии Чили**

Международная солидарность — важнейший фактор, помогающий народам бороться и побеждать. Чили глубоко прочувствовала силу международной солидарности.

Анибл Мануэл Ферейро, **член пионерской организации Португалии (г. Бонавенту)**

Сейчас у нас в стране проходят манифестации в поддержку чилийских патриотов, против не-

справедливых арестов чилийских коммунистов, против фашистского режима Пиночета. Несколько лет назад чилийский народ, строящий в то время новую, прекрасную жизнь в своей стране, помогал нам бороться с фашистской диктатурой. Это и есть пролетарская солидарность.

Коммунисты Португалии помогали борьбе ангольского народа против португальских колонизаторов. Это тоже пролетарская солидарность, пролетарский интернационализм.

В Португалии теперь проведена аграрная реформа, создаются кооперативы. Они нуждаются в деньгах, в оборудовании. Пионеры Португалии собирают деньги в Фонд помощи кооперативам. В кружках, школах, партийных центрах делают сувениры. Вместе с родителями ребята выезжают на поля, помогают снимать с деревьев фрукты и отвозят их на консервные заводы. Так пионеры помогают своему народу, коммунистам, с борьбой которых они солидарны.

Мы благодарны советским пионерам, которые помогают нам своей акцией «Красная гвоздика». Мы получаем тетради, ручки и карандаши, галстуки, горны и барабаны для наших школ и пионерских отрядов. Мы всегда чувствуем заботу и поддержку советских друзей.

Алваро Куньял,

**Генеральный секретарь
Португальской коммунистической
партии**

Знайте, товарищи советские коммунисты, что вы очень нужны рабочему классу, трудящимся массам всех стран. К сожалению, еще большая часть человечества находится под гнетом империализма. Он готовит новые войны, он эксплуатирует сотни миллионов людей и хочет увековечить свое реакционное господство.

...Само существование Советского Союза, вся ваша деятельность в деле построения первого на земле коммунистического общества, беззаветная борьба за мир и безопасность — это все равно, что свет солнца для нашей планеты.

**Знаменательно, что
Международный детский фестиваль
«Пусть всегда будет солнце!»
проходит в первой во всем мире
стране социализма
в год 60-летия Октября.
Первым декретом Советской власти
был Декрет о мире.
Все шестьдесят лет своей истории
Страна Советов
была БОРЦОМ ЗА МИР,
ИСТИННЫМ
И НАДЕЖНЫМ ДРУГОМ
всех народов, борющихся**

за свободу, независимость и социальный прогресс. Советский народ, советских коммунистов всегда отличало высокое чувство интернационализма, пролетарской солидарности. Интернационалистами росли все поколения пионеров-ленинцев. С великой благодарностью за помощь и поддержку в борьбе говорит о Советском Союзе все прогрессивное человечество. Самую высокую оценку международной деятельности нашей Коммунистической партии дают руководители коммунистических и рабочих партий других стран мира. «Я не выступаю от имени других, — сказал на XXV съезде КПСС Первый секретарь ЦК Коммунистической партии Кубы, премьер-министр Революционного правительства Республики Куба **ФИДЕЛЬ КАСТРО РУС**, — но знаю, что с момента основания Советского государства каждый борющийся народ, будь то в Европе, Азии, Африке или Латинской Америке, мог, как и наш народ, рассчитывать на поддержку и солидарность советских коммунистов. И повсюду, где есть благодарные сердца, где существует чувство справедливости и здравомыслие, это не будет забыто».

ОТ РЕДАКЦИИ. Нам хотелось бы, чтобы твой пионерский отряд, твоя дружина, пионеры твоего лагеря тоже приняли участие в РАЗГОВОРЕ О ДРУЖБЕ, БОРЬБЕ ЗА МИР, СВОБОДУ, НЕЗАВИСИМОСТЬ, СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОГРЕСС.

Напиши нам:

Как прошел этот разговор?

В каких пионерских акциях солидарности в разные годы своей истории участвовала твоя пионерская дружина, твой клуб интернациональной дружбы?

Как понимаешь ты и твои друзья свой долг быть пионером-интернационалистом?

Ждем твоего подробного письма. Будет интересно, если свой рассказ ты проиллюстрируешь фотографиями и материалами КИДа, письмами зарубежных друзей. Лучшие работы мы опубликуем.

На конверте не забудь ставить пометку «ПУСТЬ ВСЕГДА БУДЕТ СОЛНЦЕ!».

Материалы Международного пионерского клуба «Товарищ» подготовлены Л. СИМОНОВОЙ

Вот как встречают в Артеке гостей из других стран.

— Солидарность — могучая сила. Общие цели в борьбе за мир и разрядку международной напряженности будут выработаны на этом детском международном форуме. Социалистов не может не радовать то, что даже дети так близко воспринимают проблемы современности и стремятся помочь взрослым в их решении.

ХИЛЬДЕ ГАРТ ФУРМАН, вице-председатель федеративного правления социалистической молодежной организации «Соколы» (ФРГ).

Они приехали из Гвинеи...

— Дети колумбийских трудящихся, приехавшие на фестиваль в СССР, получают драгоценную возможность увидеть, как живут советские дети; увидеть воочию воплощение тех идей, во имя которых борется Коммунистическая партия Колумбии. Вернувшись на родину, они расскажут об этом товарищам.

КАРЛОС АРТУРО ЛОСАНО ГЕЛЛЕН, член Бюро Всемирной федерации демократической молодежи.

Юные регулировщики уличного движения из Югославии.

Улицы

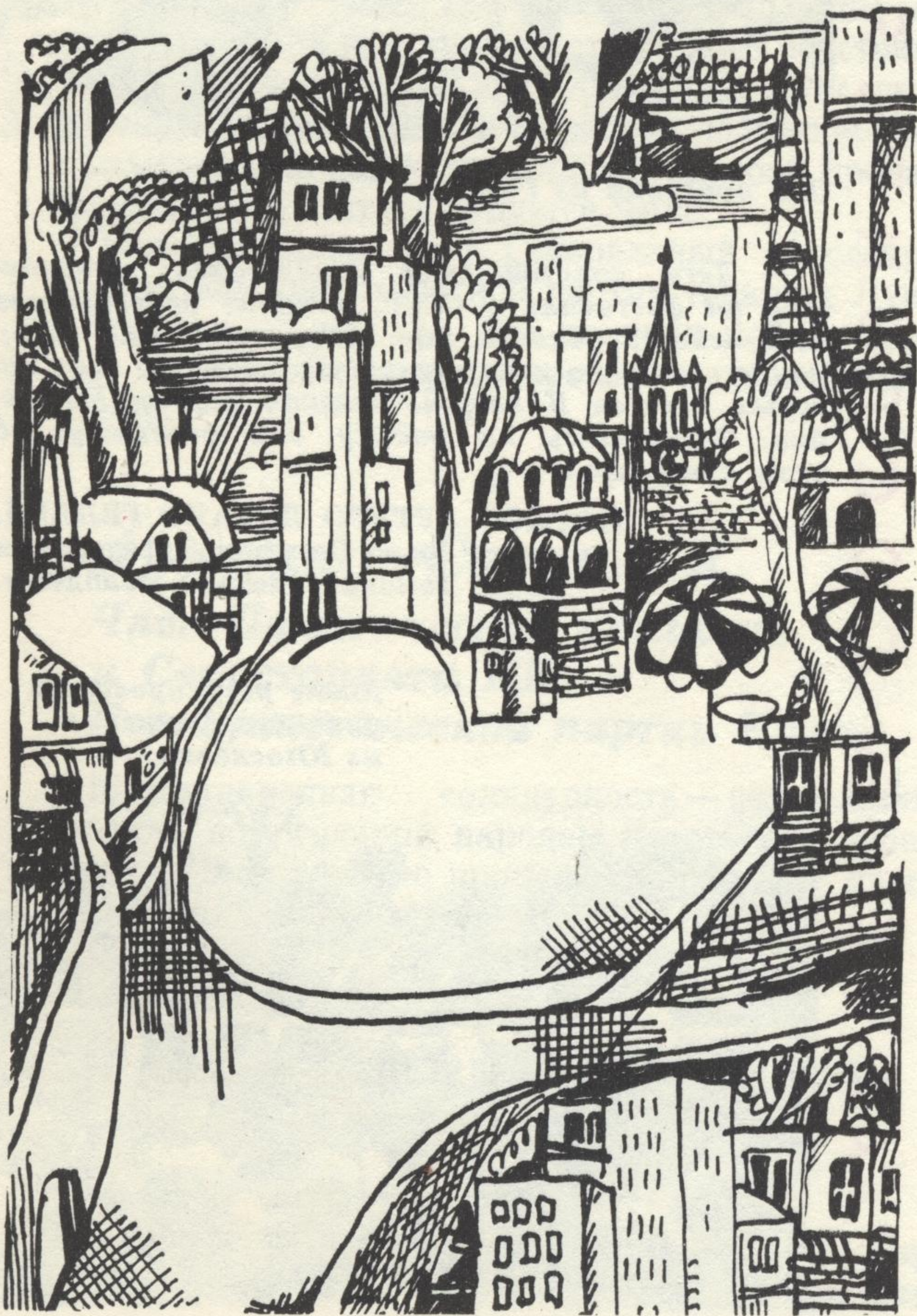
Все улицы мира,
Как дети, похожи.
Их игры, затей
Повсюду понятны:
Зимою снежками
Бросают в прохожих,
А летом на солнце
Им греться приятно.

Куда б ни пошел ты,
Куда б ни поехал —
Полны эти улицы звонкого смеха.

Одни — это новые светлые зданья,
Другие — старинные, словно преданья,
Они одинаково заняты делом,
Расписаны все одинаково мелом.

Как дети, похожи все улицы мира,
Как та, на которой для счастья ты вырос.
У всех одинаковы
Строгость и ласки,
У всех одинаковы
Добрые сказки!

Перевел с сербскохорватского
Леонард КОНДРАШЕНКО

«Вега»

Катерок замедляет свой бег.
Бьются в пирс водяные барашки.
Вся команда — один человек,
Но зато — в капитанской фуражке!

Катерок невелик портовой,
Не диковинка флота морского,
Но зато он — почти как живой,
О гигантах не скажешь такого.

Пусть не гордый, не белый, как снег,
Но — живой, прозывается «Вега»,
А внутри у него —
Человек,
Словно сердце
Внутри человека!

Летом

Так рано поднимается светило,
Как будто на ночлег в свой главный дом
За горизонт совсем не уходило,
А просто прикорнуло за холмом.
И вот, прервав короткую дремоту,
Петуший крик заслыша вдалеке,
Уже выходит снова на работу
С травинками, прилипшими к щеке...

Гора, которая называется «Ю»

Узнал я только лишь вчера:
В заснеженном краю
Над Индигиркой есть гора,
Она зовется «Ю».

Гляжу впервые я на Ю,
Гордясь, что в день весны
Еще кусочек узнаю
Моей большой страны.

Она — моя, в ней все края
Люблю я и пою,
Как говорят, от А до Я,
Включая гору Ю!

АВТОР ДОБРЫХ И ВЕСЕЛЫХ КНИГ

Мария ПРИЛЕЖАЕВА

Вы, конечно, знаете книги писателя Владимира Лукьяновича Разумневича, такие, как «Чапаевцы шутить не любят», «Сердце Чапая», «Чапай и чапаята», — о знаменитом начдиве, герое гражданской войны. Или «Пароль «Стрекоза», «Про нашу Наташу», «Веснушки от хорошего настроения» и многие другие.

Хорошие книги. Разные, не похожие одна на другую, но живое, полное серьезной мысли и веселого юмора дарование писателя вы узнаете в любом его произведении.

Вл. Разумневич пишет для совсем маленьких читателей и для подростка и юношей. Он пишет рассказы, повести, критические статьи и целые исследования о писателях — Носове, Барто, Михалкове, Мусатове...

Вл. Разумневич — внук чапаевца из саратовского села Сулак, где формировались полки легендарной Чапаевской дивизии. Все сулакские крестьяне, бедняки и середняки поднялись как один под командой Чапаева защищать Советскую власть от белогвардейцев.

Сколько захватывающих рассказов героев гражданской войны наслушался после школьник и пионер Володя Разумневич! Пылкое мальчишеское воображение нарисует картины боев, где он, конечно, рядом с самим Чапаевым, с шашкой наголо скачет на тачанке или верхом на коне против белых.

Понятно, что Володя Разумневич стал хорошим пионером, потом активным, боевитым комсомольцем, теперь он коммунист, выполняющий честно задания партии на любом посту.

Деревенское военное детство Вл. Разумневича было нелегким. Бедность, нужда, ранний, не по детским силам труд. Сорок первый год. На нашу страну нападают фашисты. Как во время гражданской войны дед Разумневича поднялся воевать с белогвардейцами, так и отец его ушел защищать родную землю от фашистов. И не вернулся. Похоронен в могиле Неизвестного солдата под Ржевом.

Когда Вл. Разумневич стал писателем, он написал очень хорошую книжку, ее нельзя читать без волнения. Называется она «Письма без марок». Вы, сегодняшние пионеры, может быть, даже и не знаете, что такое письмо без марок. А это письма с фронта. Солдат напишет письмо, свернет листок треугольником и так и посылает на домашний адрес без марки. А дома жена или тринадцатилетний парнишка, дрожа от волнения, развернет треугольник письма... Один из таких треугольников принес скорбную весть: отец убит на поле сражения.

Прошло тридцать лет. Писатель Вл. Разумневич надел на спину

вещевой мешок, позвал свою дочь Наташу, и они пошагали пешком по маршрутам войны, где сражались за Родину, за вас, ребята, за нашу жизнь Володин отец и миллионы других советских воинов. Так они пришли к месту гибели отца, где высится памятник Неизвестному солдату, отцу. Поклонились низко.

Неприменно прочитайте эту книжку, ребята, и вы по-новому поймете, какое великое дело совершает наша партия, правительство, весь народ, борясь за мир, чтобы никогда, никогда, никогда не было больше войны.

Есть у Вл. Разумневича и такие книги, где он рассказывает о вас, пионеры, о ваших радостях и заботах, играх, дружбе, учении. Писатель отлично знает детство и отрочество. Наверное, вы не раз в рассказах и повестях Вл. Разумневича находите и свои мысли, слышите свои разговоры, но много и нового откроется вам, чему вы удивитесь, чем увлечетесь. Иногда задумаетесь и не раз расхохочетесь. Например, в одной книге следом за повестью «Про нашу Наташу», милую, любопытную, ласковую девочку, напечатанная другая веселая повесть — «Волшебник без бороды», где живут братишка и сестренка Булкины. И все-то они спорят, и о чем бы ни спорили, один всегда скажет «да», другая всегда возразит — «нет». И вам смешно, но вы не сердитесь на Булкиных, в общем-то они безобидные ребята. А вот враля и хвастунишку Петьку Кулемина не полюбите, вам не захочется с ним дружить. Кому охота брать в товарищи враля и хвастуна!

В этом номере Вл. Разумневич вернет вас в далекие времена, к началу Октябрьской революции, славное шестидесятилетие которой мы в этом году будем с гордостью отмечать. Он поведает вам о том, как серьезна и значительна жизнь и как надо ее ценить, как надо беречь и любить людей.

Я давно знаю Владимира Лукьяновича Разумневича. Он одаренный, благородный, добрый и веселый человек.

Рекомендую вам его новое произведение и надеюсь, что вы прочитаете его с интересом и пользой.

ЛЕТО на колесах

ПОВЕСТЬ

Владимир РАЗУМНЕВИЧ

Рисунки И. УРМАНЧЕ

Жаркий полдень

Если бы у Васи Климова спросили, зачем он на чердак взобрался, Вася бы ответил: «И не чердак это вовсе. Наблюдательная вышка! Я — часовой на посту!»

Дом стоит на пригорке, у самого края села, и сверху, с чердака, Васе далеко видно.

Сразу же за околицей начинается поле. Оно беспокойное, волнистое. Желто-зеленые волны бегут наперегонки все дальше и дальше к горизонту, где мерцают над землей белесые струйки горячего воздуха. Солнце до того раскалилось в полдень, что и глянуть на него опасно — ослепнуть можно. Если и дальше будет так припекать, то скоро все поле станет золотым, и тогда начнут косить рожь. Колхозные комбайны, как объяснил Васе отец, уже «в полной боевой готовности».

— А когда приказ о наступлении поступит? — спросил позавчера Вася отца.

— Вот рожь поспеет, — ответил он, — и председатель колхоза товарищ Морозов даст команду: «Поехали!» И мы двинемся в наступление.

— Я тоже хочу наступать.

— Нос не дорос, — засмеялся отец и легонечко щелкнул сына по носу. — Пусть еще немного подрастет.

— У Сеньки Морозова нос меньше моего, а ты его в прошлом году к себе на комбайн брал.

— Как было не взять, коли председатель за сына поручился.

— А ты за меня поручись. Я же твой сын.
— Что верно, то верно, — засмеялся отец. — Придется, видно, и за тебя похлопотать.

И Вася начал готовиться, как приказал отец, к «битве за урожай».

Прежде всего он разыскал в дедушкином сундучке огромные комбайнерские очки с резиновой тесемкой. Левое стекло было треснуто, но и в таких очках Васю не узнать. В один миг превратился в комбайнера, а может, даже и в летчика.

Потом Вася достал из сундучка огромный медный бинокль. Он уцелел у дедушки с гражданской войны. Вася повесил бинокль на грудь и подошел к зеркалу. Теперь он ясно увидел, что похож на Чапаева. Чтобы окончательно укрепить сходство с прославленным полководцем, Вася нахлобучил на голову дедушкину папаху-чапаевку. В папаше было жарко, но Вася мужественно терпел.

Второй день взбирается Вася по лестнице на чердак и наблюдает в бинокль за дальним краем желтеющего поля. Там стоят и комбайны. Видно, как зеленые островки, разбросанные вокруг них там и тут, бурют под солнечными лучами, сливаются с желтизной поля.

Наверно, комбайны вот-вот пойдут в наступление. Почему же тогда отец не зовет его на помощь? А что если он один, без него, Васи, решил управиться?

От нетерпения и досады Вася отчаянно ударил грязной пяткой по лестнице, приставленной к чердаку. Лестница накренилась и гулко рухнула на землю.

Вася от неожиданности вздрогнул. Подобрал ноги. Испуганно посмотрел вниз.

«Чердак высоко,— подумал он.— Прыгнешь — костей не соберешь. Эх, если бы раздобыть канат и на нем спуститься, как альпинист с горы, прямо под навес...»

Глянул — под навесом, вокруг клушки, возятся пухленькие, словно одуванчики, цыплята. Что-то выискивают своими розовыми клювами. Пестрая клушка настороженно вертит головой. Высматривает — не зарится ли кто на цыплят?

«Стоп!..» — Вася отчаянно шлепнул себя ладонью по голове.

Вчера еще под навесом стояла дедушкина тачанка, старая, как говорится, выдавшая виды, боевая тачанка, а сейчас ее нет. Куда она подевалась?

Была тачанка, и нет тачанки

Вася с грустью смотрит с чердака на то место, где еще совсем недавно стояла тачанка. Пусть у нее не было колес, поблекла масляная краска на спинке, поржавели металлические пластинки, которыми она была обита изнутри, все равно и такая гравилась она Васе. Частенько забирался он на нее и, махая руками, визжал и подпрыгивал на месте, воображал, что его трясет от быстрой езды. Кузов тачанки отлично сохранился. Передняя часть поднималась высоко и была просторной. При желании там могли бы уместиться сразу три езовых. На деревянную спинку, разрисованную неизвестным художником, Вася смотрел, как на картину в музее, всегда восторженно. Рядом с потемневшим, в мелких трещинках солнцем на спинке сияла крупная алая звезда. Лишь она сохранила свою яркость, потому что была нарисована позже. От звезды, как и от солнца, струились прямые, стрелообразные лучи. У солнца лучи наполовину выцвели, а у звезд сияли во всем своем блеске, отвесно падая на цветущую урожайную землю, которую изобразил художник.

Вася не раз водил под навес своих дружок-приятелей и показывал им раскрашенную тачанку. Ребята жалели, что нет колес. Каждому хотелось прокатиться на ней по степной дороге. Васе тоже хотелось. Но без колес не покатаешься! Как-то он спросил дедушку про колеса. Дедушка сказал, были, мол, колеса, да выбросили их из-за непригодности: спицы повыбились, железные ободки поистерлись, старое дерево в ряде мест прогнило, того и гляди развалится. Опасно стало даже по ровной дороге, не то что по кочкам ездить. Пробовал дедушка колеса от других повозок приладить. Да где там! Не тот размер. Вихляют из стороны в

сторону, кособочатся, одна беда с ними. Надо бы по особому заказу колеса смастерить, да столяр отказался: «Зачем старой бричке новые колеса! Послужила, и хватит! Ныне в колхозе иная техника». Так и осталась тачанка без колес... И кому она понадобилась? Разве что на дрова.

Надо немедленно дедушке Анисиму сообщить о пропаже...

Вася заметался по чердаку. Крикнуть бы кому-нибудь, позвать на помощь. Но на улице и во дворе ни души. Разгар дня. Все на работе. Лестницу поднять некому.

И тут Вася увидел соседку чернокошую Тому Бесхатневу. Она, что-то напевая себе под нос, бодрым шагом, как солдат, маршировала по улице.

— Тома! Тома! — закричал Вася. — Спаси!

Тома Бесхатнева открыла калитку и, обжевав дом, увидела на земле упавшую лестницу, а в проеме чердачной двери — Васю. На голове дедушкина папаха, на груди бинокль, за поясом деревянная сабля. Вид, однако, у него далеко не героический.

— Приставляй лестницу, скорее. Не то прыгну без парашюта.

Тома подняла лестницу, прислонила ее к глиняной стенке дома.

— Слазь, пока голова цела. Я подержу.

Вася стал быстро-быстро спускаться. Спрыгнул на землю, спросил:

— Том, ты знаешь, тачанку похитили?!

— А ее никто не похищал, — спокойно ответила Тома.

— Как так — не похищал? Была, а теперь нет.

— Спohватился! Ее вчера вечером со двора увезли.

— Кто увез?

— Дяденьки из мастерской приходили. Измерили повозку вдоль и поперек. Погрузили на телегу и увезли.

— Куда увезли?

— А я знаю! Может, качалку для детсада из нее сделают. Может, еще что. Без колес какой от нее прок!

— Так тачанка же эта — героическая! Дедушка никому бы ее не отдал.

— Как бы не так! Дедушка Анисим сам помогал грузить тачанку на телегу.

В это время на тропинке показался третьеклассник Сенька Морозов, председательский сын, по прозвищу «Дед Мороз». Он солидно вышагивал с походной сумкой на боку. Увидев Васю, Сенька остановился. Сморщил маленький, похожий на редиску нос и ехидно засмеялся:

— Тоже мне «Чапай»! С деревянной саблей...

— Ну и что! — отозвался Вася. — А у тебя и такой нет!

— Зато у меня есть тачанка! — Сенька гордо поднял свой нос-редиску. Настоящая! С лошастью!

— Ха! Так я тебе и поверил!

— А не веришь — и не надо! Сам еще попросишься на мою тачанку!

Сенька тряхнул сумкой и скрылся...

Во сне и наяву

Дедушка Анисим спросил Васю, отчего он такой угрюмый.

— Тачанка наша пропала, — хмуро ответил Вася.

— Как это пропала? — удивился дедушка. — Я ее в ремонт отправил. Обещали, будет как новенькая.

— И скоро?

— Через день, два...

Тут Вася не выдержал и рассказал про Сенькину тачанку.

— Хвастун твой Сенька! Дразнит тебя, — сказал дедушка. — Услышал от отца про тачанку и решил подразнить. А ты и поверил!

— У нас же тачанки нет...

— Нет, так будет!

Дедушка прошелся рукой по усам. Они у него русые, со вздернутыми кончиками. Похожи на чапаевские.

— Когда я вырасту, — сказал Вася, — я тоже буду с усами!

Дедушка усмехнулся:

— На Чапаева можно быть похожим и без усов. Не в них дело!

Вася и сам знает: дело не в усах. Главное — быть храбрым. Вася не трус. Он ни собак, ни лягушек не боится. Если, чего недоброго, враги снова войной пойдут на Страну Советов, Вася так им всыплет, что они разбегутся, как разбегались беляки от чапаевской тачанки. Вася сто раз видел и Чапаева на тачанке, и его бойцов с ружьями, и удирающих белогвардейцев. В кино показывали. А однажды он сам себя в настоящем бою увидел: Вася строчил из пулемета, а Чапаев рядом ему рукой указывал, куда стрелять надо. Белый офицер саблей рубанул. Упал Вася на землю, глядит — локоть в крови. «Дедушка! Ранили меня!» — застонал Вася. И только тут заметил, что лежит на полу. Над ним — дедушкины усы. «Какой там ранили! — топорщились усы. — Протри глаза, вояка! Это ты с кровати ухнулся...»

На другой день Вася улегся пораньше, чтобы зарубить того белого офицера, который его ранил. Но он ему не приснился. И самого себя на тачанке Вася больше не увидел. Такая досада!

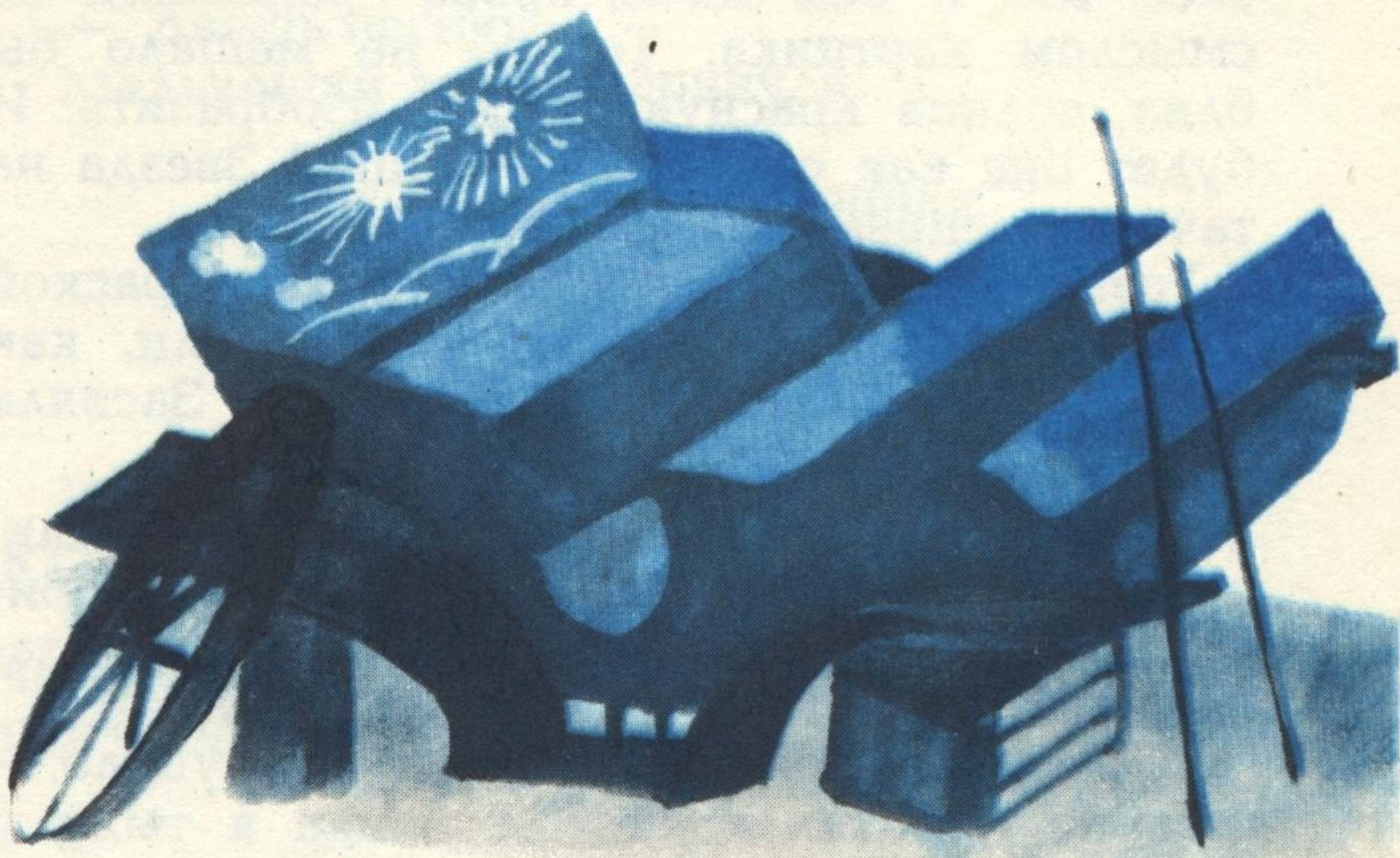
Утром, проснувшись, Вася спросил дедушку:

— Если бы война была, взял бы меня на тачанку?

— Почему бы и не взять! Парень ты лихой, на чапаевских детишек похожий. Помню, как я их однажды, еще в гражданскую, на свою тачанку посадил.

И дедушка Анисим рассказал про тачанку:

— Не сразу и не вдруг наша тачанка боевой стала. Когда-то была она просто-напросто крестьянской бричкой на четырех колесах и с легким кузовом. Сельские мужики на ней сено с лугов возили, дрова из леса, на ярмарку за товаром ездили, мальчишек по селу на праздник катали. И птице за ней не угнаться. Стремительная, легкая, на высоких рессорах. Когда революция грянула, Чапаев эту особенность двухпарной брички — ее разворотливость и быстроту — в военных целях стал использовать. Бойцы на бричку пулемет поставили, и стала она тачанкой. Пуще дьявола страшились белогвардейцы красноармейской тачанки. Пытались они ее в степи выловить. Да где там! Ни для сабли, ни для пули она недосыгаема. А стоит белой коннице приблизиться — пулемет тут: «тра-та-та, тра-та-та». Никакого подступа! Оттого и жаловал Василий Иванович

Чапаев тачанку, засега ее впереди строя пускал, когда в атаку шли.

Она, тачанка-то, в дивизии нежданно-негаданно оказалась. Выбили мы, значит, белоказаров из деревни, и тут, слышу, кто-то меня окликает:

«Эй, паренек!»

Мне тогда, как и боевому дружку моему Андрейке Желтову, шестнадцать стукнуло. Мы с ним по одному годку себе надбавили, чтобы в Красную Армию попасть, и не любили, чтобы нас вот так, «пареньками», окликали. Обернулся я, гляжу — старичок. Седенький такой, густобровый. Морщинки по лицу. Рубаха на груди цветочками вышита. Оказалось, переселенец украинский, мастеровой.

«Не нужна ли тебе, юный товарищ, — спрашивает, — бричка на рессорах? Без дела она стоит. Сын в Красную Армию подался.

Лошадь взял, а бричку оставил. Кому она, без коня-то, надобна? У вас же вон сколько лошадок! Есть кого в парную бричку впрячь — берите. Пригодится в бою».

Глянул я на бричку и обомлел — высокая и статная, спинка и грядки по бокам лаком покрыты, разноцветными красками расписаны. На дощатой спинке, над колесами, лето нарисовано: лучистое солнце, зеленый луг, цветы и высокий сноп пшеницы в поле. Красотища — лучше не бывает! «Спасибо, — говорю старику. — Уважил. Забираю твою тачанку для сражения за мировую революцию».

Принял я от старика упряжную сбрую, и тут же мы с Андрейкой расседлали вороных коней своих, впрягли в тачанку. Только выехали, глядь — Чапаев навстречу. Остановились. Оглядел он тачанку со всех сторон.

«Ход пружинистый, на рессорах! — одобритительно сказал. Потом, прищурившись, стал картинку на спинке смотреть: — Размалевано что надо! — оценил радостно. — Вот за такую красу земную, за счастье рабоче-крестьянское мы в бой идем, кровь проливаем. Со смыслом картинка. Только не мешало бы близ солнца красную звезду изобразить. И будет она как солнце революции! Звезда на тачанке непременно должна быть!»

Разыскали мы в деревне богомаза, краской у него разжились, звезду нарисовали, как Чапаев велел. По всем правилам. Засияла она на тачанке пуще солнца вешнего.

Утром, когда мы мимо штаба проезжали, окликнул нас Чапаев, к себе позвал. Видим — не в духе он. Лицо почерневшее, озлобленное. Кончики усов нервно дергаются.

«Сообщение от разведки поступило, — говорит, — белогвардейская банда в тылу у нас объявилась, к Вязовке приближается. У меня там жена с детишками. Схватят — не помилуют. А я не смогу помочь. Приказ получен — дальше врага гнать, на Уральск наступать. Мы всей дивизией вперед пойдем, а вам даю такое задание: мчитесь на тачанке в тыл. В Вязовке мужиков предупредить надобно. Сообща будете действовать. Тогда бандитам несдобровать. Задача ясна?»

Отвечаем с Андрейкой в один голос:

«Так точно, ясна!»

Исполнили мы чапаевское поручение по всем правилам. Еще на подступах к Вязовке, в степи, ошпарили бандитов пулеметной очередью, а затем сельских мужиков на ноги подняли. Разумеется, про чапаевскую семью не забыли. Жена и детишки его нашему приезду несказанно обрадовались. Младший чапаевский сынок Аркашка на тачанку забрался. За ним — шустрая Клава. Рядом со мной на кучерских козлах уселась. А десятилетний Сашка ни в какую не желал из села уезжать.

«Прыгай, — кричу ему, — живее! Кругом по степи бандиты рыскают. Вот-вот сюда нагрянут».

А он мне категорически: «Папа никогда от белых не прятался. И я не испугаюсь. Езжайте одни, а я белогвардейцев бить буду».

Я ему:

«Чем же ты их бить-то будешь? Палкой, что ли? У тебя же ни ружья, ни сабли».

Саша не растерялся, схватил у крыльца крестьянскую косу и над головой вскинул.

«Коса острее сабли, — закричал. — И близко не подпущу!»

Вижу, парень не шутит. Готов всех бандитов, какие есть, покосить. Как же мне его в дивизию к отцу доставить? И тут Андрейка Желтов верный подход к мальчику нашел.

«Чем косой махать, — говорит, — лучше на тачанке из пулемета стрелять. Садись рядом. Будешь за пулеметчика».

Саша ему:

«А не обманете?»

Андрейка поклялся:

«Честное чапаевское!»

Саша косу в траву бросил — и к нам, на тачанку. Помчались мы, а вместе с нами — мужики на конях. Нагнали белобандитов. Андрейка из пулемета строчил, а Саша ленту с патронами подавал.

Понравились мне чапаевские детишки. Что Саша, что Аркашка, что Клава — все стойко держались. Пули над головами свистели. А им хоть бы хны. Бесстрашные. В отца, видать, пошли.

Когда мы с вязовскими мужиками с бандой покончили и чапаевскую семью в штаб доставили, Василий Иванович нам благодарность в приказе объявил. Про нашу тачанку он так сказал:

«Лихая тачанка! Революционная! Недаром красная звезда на ней горит. Пусть и дальше так же отважно революционному делу служит!»

В каких только переплетах не побывала наша тачанка, а выдержала. И после войны не переставала людям служить. Пришлось, правда, заново перестроить тачанку, чтобы можно было запрягать в нее не две, как прежде, а одну лошадь. Каждую осень колхозники отвозили на повозках собранный урожай. Впереди хлебного обоза непременно шла наша тачанка. Над ней развевалось шелковое красное знамя, полученное колхозом за ударный труд. Потом, когда стали возить зерно на грузовиках, пришлось поставить тачанку на заслуженный отдых. Вот с той поры и стоит под навесом. Гляну на нее и прошлое вспомню. Что и говорить — героическая тачанка.

Все четыре колеса

Неделя прошла, как Вася впервые взобрался на чердак, а комбайны в поле как стояли, так и стоят. Вася ждать устал, когда они работать начнут.

Спать все эти дни он ложился поздно и заснуть долго не мог. Все о тачанке думал — о том, как помчится он на ней, заново отремонтированной, в дальний край поля, к отцовскому комбайну. Отец увидит Васю с дедушкой на тачанке и спросит удивленно: «Откуда диво такое? Она же без колес была. Видно, для важного дела ее починили»? А Вася ответит: «Наша тачанка не только боевая, а еще и трудовая! На ней колхозники когда-то хлеб возили! Вот и мы будем помогать тебе!»

Однажды Вася до того размечтался, лежа в постели, что и не заметил, как рассвело на дворе.

Щелканье кнута и мычание постепенно становились все глуше и глуше, пока совсем не стихли где-то за селом.

И вдруг... что такое?

Васина кровать стояла возле открытого окна, и он раньше, чем дедушка, услышал топот лошадей, голоса мальчишек, щелканье кнутов. Вася выглянул в окно. На улице никого. Но откуда-то, видно, из степи, доносился тревожный шум.

— Дедушка! Дедушка! — затормошил Вася спящего деда. — Что это в степи?

Дедушка спросонок никак не мог сообразить, в чем дело.

— Побежим посмотрим! — Вася схватил со стола бинокль и потянул за собой дедушку.

Они сбежали с крыльца и заспешили в степь, откуда доносился шум.

У самого горизонта вздымалась к небу и висела над дорогой высокая пыльная завеса.

— Дедушка, да это же тачанки! — разглядел Вася. — Да не одна...

Тачанки неожиданно сошли с проселочного тракта и, миновав желтое поле, выскочили на ковыльный простор, круто развернулись и замерли.

Пыль постепенно улеглась, рассеялась, и их ровный строй в степи стал отчетливо виден. Лошади в оглоблях били копытами, норовя сорваться с места. Кучера, привстав на козлах, не выпускали вожжей из рук, сдерживали рысаков. Одна из тачанок вырвалась из строя, повернулась круто, и белоголовый, щупленький владелец ее, придерживая лошадь, стал что-то говорить собравшимся. По тому, как он заносчиво вскидывал белобрысую голову и не уставая рубил руками воздух, Вася безошибочно угадал:

— Да это же Сенька — Дед Мороз! Чего это он так руками машет?

— Откуда же у него тачанка? — удивился дедушка.

И тут Вася от изумления вытаращил глаза, схватил дедушку за рукав:

— Ты только взгляни, дедушка. Наше лето на тачанке!

— Какое такое «лето»?

— Да вон же, на Сенькиной. Под пулеметом. На спинке нарисовано.

— А ведь верно. Наша тачанка. Как есть наша! Все четыре колеса на месте. Отремонтировали, выходит. А солнце-то! Солнце-то! Сияет как тогда, в гражданскую. Подновили, видать, краску-то. Омолодили мою голубушку.

Вася был несказанно обижен: кто это мог тачанку Сеньке отдать?

— Должно быть, от председателя все идет, — резонно пояснил дедушка Анисим. — Не иначе как он.

— Если бы одну. А тут вон сколько тачанок. Целых пять штук! Откуда все это?

— Ума не приложу, внучек. И каждая — вот что удивительно! — по виду на нашу смахивает...

Трескотня совсем смолкла, и стало так тихо, что слышно было, как кузнечики в траве стрекочут.

Сенька снова поднялся на козлы и крикнул:

— Даешь песню!

Мальчишки дружно грянули:

*Эх, тачанка-ростовчанка,
Наша гордость и краса,
Пионерская тачанка,
Все четыре колеса!*

Вздымая пыль колесами, они свернули в сторону от села.

Вася, сорвавшись с места, побежал за умчавшимися повозками. Но они вместе с песней были уже далеко-далеко.

Тут есть что-то таинственное

Вася переживал. Он считал, что Сенька — Дед Мороз поступил несправедливо. Тачанка дедушкина и, значит, по закону должна принадлежать дедушке. Надо забрать ее у Сеньки! Знать бы только, где он держит ее. Не у себя же под навесом! Скорее всего там, где ночуют лошади, — на колхозном конном дворе.

Вот туда и отправился Вася.

Все пять тачанок стояли вдоль забора, возле конюшни. На конном дворе он увидел не только Сеньку, но и других ездовых. И Тома Бесхатнева с ними.

Вася испугался, что его заметят, и залез под одну из тачанок. Стал следить за Сенькой и его друзьями.

Все школьники были в новеньких рубашках, с пионерскими галстуками на груди. На левом рукаве у Сеньки пришита голубая тряпичка с большими буквами «П» и «Т». Вышитые золотыми нитками буквы радужно поблескивали.

В руке Сенька держал бумажку, он поднял ее выше головы и торжественно сообщил:

— Вот оно, ответственное задание!

— От кого? — крикнул кто-то.

— Я же только что сказал — от Чапаева!

Вася от изумления высунул голову из-под тачанки и чуть было не ойкнул.

Сенька между тем продолжал:

— Мой отец с Чапаевым в одной дивизии служил. Прошлый раз в День Советской Армии послал ему телеграмму. Поздравил с праздником. А тот в ответ большее письмо прислал. Вот это. — И Сенька потряс бумажкой.

Чем дольше говорил Сенька, тем правдоподобнее у него получалось. Оказывается, председатель колхоза, товарищ Морозов, написал будто бы Чапаеву про Сенькино пионерское звено, про то, как ребята за колхозными лошадьми уход ведут и как в минувшем году по-ударному на уборке трудились. Чапаева, если верить Сеньке, дела пионерских коневодов особенно заинтересовали, и он просил всем пионерам привет передать. Сенька возьми да и напиши Чапаеву послание — от себя лично и от своего звена. Содержание этого послания Сенька пересказал ребятам: так, мол, и так, скоро колхоз начнет убирать новый урожай, и они, пионеры, будут по-боевому помогать взрослым. И тогда колхоз «Чапаевец» станет самым передовым.

— А сегодня утром, — сказал Сенька, — почтальон письмо принес. Под расписку. Заказное! Вот оно. — И Сенька снова поднял над головой бумажку. — Конкретное задание для наших тачанок! Чапаев пишет, что такие же задания посланы на лето и другим пионерским дружинам. Мы будем соревноваться. А Чапаев потом, когда уборку закончим, приедет поздравить тех, кто победит.

— Не приедет. До нас ли ему!

— Чапаев обманывать не станет, — убеждал Сенька. — Раз написал, что приедет, значит, тому и быть! Если, конечно, мы в соревновании не подкачаем... Велено каждому вот такую эмблему пришить. — И Сенька выставил локоть вперед, показал на рукаве треугольный лоскуток с блестящими буквами «П» и «Т».

— Где ж золотых ниток достать?

— Доставать не нужно. Тома Бесхатнева уже вышила. — И Сенька по-командирски глянул на Тому. — Есть эмблемы?

— Как было приказано, — ответила Тома.

— Ну что ж, — гордо сказал Сенька и провел ладонью над губами, словно там были усы. — Запрягайте лошадей — и на тачанки! Двинемся выполнять срочное задание колхозного правления. Поручено возить огурцы на склад...

Вася попятился из-под тачанки к плетню и, пока мальчишки на конюшне возились с лошадьми, незаметно проскользнул к воротам, выбежал на улицу.

В голове у Васи был полнейший ералаш. Чапаев-то, оказывается, жив! Кто бы мог подумать! Еще несколько минут назад Вася сомневался в этом, но теперь, когда услышал, что Чапаев собирается в колхоз приехать, отпали все сомнения.

Стало понятно, почему в колхозе новые тачанки построили — сам Чапаев приказал! И все же во всем случившемся было что-то таинственное. Как и в тех двух буквах, что на Сенькиной эмблеме...

Герои живут долго

Вася искал дедушку Анисима повсюду: и в правлении колхоза, и на ферме, и в саду за селом. А он оказался на колхозной кузнице. Лицо у него взмокло от жаркого горна. Белесые брови насупились до самых глаз. Распушенные усы торчали в разные стороны, словно соломинки, перекрашенные в темнорусый цвет.

В кузнице было душно и дымно. Дедушка то и дело вынимал платок из кармана брюк и вытирал лоб.

Он не сразу заметил Васю в кузнице, а когда заметил, махнул на него рукой. Он был явно не в духе.

Бородатый кузнец виновато смотрел на дедушку и оправдывался:

— Напрасно Анисим на меня шипишь. Я тут ни при чем. Пришел товарищ Морозов и отдал такое распоряжение.

— Выходит, во всем председатель виноват?

— Ну да. Он самый. Так и сказал: «Как только рессоры починишь, ободки к колесам приладишь, так пионерам тачанку передашь. Пусть они с моим Семеном на ходу прочность колес испытают»...

— «Моим Семеном»... — передразнил дедушка Анисим. — С каких это пор Морозов своего сына в испытатели произвел? Тачанка-то чья? Сам знаешь, с шестнадцати лет я на ней вместе с Чапаевым по белу свету колесил. Значит, мне и испытывать ее после ремонта. Я хотел вот с ним, с Васяткой моим, проехаться. А Морозов, выходит, мою тачанку, как игрушку, на всякие развлекательные игры удружил. Дело ли это?

— У нас, Анисим, не одна твоя тачанка находилась. Нам из столярки еще четыре доставили. Мы и их по всем правилам в металл обули. Пионеры на лошадях тачанки от нас на конный двор увезли. Слышал, у них на счет тачанок какое-то очень важное указание поступило. Будто бы из самой Москвы... Как сказал товарищ Морозов, пионеры будут управлять тачанками.

— И помимо Сеньки, имеются пионеры. Чего ж он сына своего раньше всех прочих на тачанку посадил?

— Звеньевой. Ему положено...

Дедушка с внуком вышли из жаркой кухни на свежий воздух. Вася сказал ему:

— Ты напрасно ругался. Товарищ Морозов и на самом деле не виноват. Он приказ получил — Сеньку и все его звено на тачанки посадить.

— Откуда ты это взял?

— Своими ушами слышал. Всем пионерам приказ на машинке напечатан. Они на тачанках соревноваться будут.

— Кто ж такой приказ издал? Уж не сами Сенька?

— Нет, не Сенька. Василий Иванович Чапаев!

Дедушка Анисим удивился. У него дух перехватило от такого сообщения. Он полез в карман за трубкой. А Вася стал серьезно убеждать его:

— Сенька его письмо ребятам показывал.

— Пустое говоришь. Не может того быть! Василий Иванович еще в гражданскую погиб.

— И я так сперва думал. В кино видел, как он, раненный, в реке утонул. Но, наверное, он выплыл, раз такое дело...

От волнения дедушка никак не мог щепотку табака донести до трубки.

— Понимаешь, Васятка, — после долгого раздумья сказал он взволнованно, — не впервой я от разных людей слышу, что не погиб, мол, Чапаев, доплыл до другого берега Урала. Многие чапаевцы о том говорили. Да и я сам, признаться, долгое время так считал, ибо слыл он человеком сильным и ловким, и к тому ж ни одна пуля его в бою не брала. Думалось мне, что и в том страшном сражении она стороной его обошла, не задела смертельно... Хошь верь, хошь не верь, а Чапаева через много лет после того, как о его гибели стало известно, один наш пастух близ села встретил. Было такое дело. Старик пас стадо. И вдруг видит: странник по степи бредет. Подошел ближе, поздоровался. Потом присел рядом, закурил. Спрашивать стал про всякие сельские новости, про то, как бывшие чапаевцы живут-здравствуют. А пастух смотрит на него и думает: «Чапаев! Обличием и разговором точь-в-точь...» Поинтересовался: «Откуда, странничек?» А тот ему: «Вот оттуда и туда-то». Пастух на новый лад разговор заводит, спрашивает в упор: «Знал, мол, Чапаева-то?» И слышит в ответ: «Ну как же не знать? Знаю, хороший парень был. Ну он себя еще покажет!» Сказал и ушел. А старик пастух бегом в село пустился. Пришел и рассказывает, что Чапаева видел. Мы туда. Но его уже и след простыл. Опоздали. Ждали мы и думали, что придет он. Не верили мы в его смерть. Ведь тела его, как ни искали, ни в реке, ни на берегу не нашли, когда казаков из Лбищенска вытурили. Вот тут, как знаешь, так и думай. Может, погиб. А может, по сей день по белу свету странствует. Легендарные герои, было б тебе известно, живут долго...

Не по Сеньке шапка

Только Вася с дедушкой Анисимом пришли домой, как в дверях показался Сенька — Дед Мороз. Задрал свой нос-редиску к потолку и стал хвастать:

— Видели, как мы на тачанках... То-то! Каникулы будут — держись!

Дедушка не дал ему бахвалиться долго.

— Легок на помине, — сказал он Сеньке. — Я уж было внука хотел за тобой снарядить. А ты тут как тут.

— Чего-нибудь случилось? — забеспокоился Сенька.

— Вот именно, случилось. Ты от нас утаил.

— Ничего я не утаивал.

— От Чапаева письмо было? Сказывай!

— Еще утром.

— Так что ж ты, непутевый, от меня, чапаевца, такой факт скрываешь?

— Я думал, отец вам уже говорил. Он еще зимой начал с ним переписываться.

— С Чапаевым?

— С кем же еще!

— А не врешь?

— Честное пионерское! Папа во время войны в одной дивизии с Чапаевым служил.

— Как же мог твой отец у Чапаева в дивизии служить, если рожден после гражданской войны? Он Чапаева и в глаза-то не видел.

— Как так не видел? Он из его рук свою первую награду получил — медаль «За боевые заслуги».

— Такой медали в гражданскую не существовало.

— При чем тут гражданская? Я же про

Отечественную войну. Отец под командованием Чапаева в артиллерии служил, фашистов бил.

И только тут дедушка понял, в чем дело. Отчаянно ударил себя ладонью по лбу и громко захохотал:

— Вот голова садовая! Как же я опростоволосился?! Думал, ты про Василия Ивановича...

— У Василия Ивановича сын остался, — сообщил Сенька. — Вот он и согласился быть командиром у пионеров...

— Уж не Саша ли Чапаев?

— Он самый. Александр Васильевич Чапаев! — ответил Сенька и с гордостью добавил: — Генерал-майор артиллерии! А вы что, знакомы с ним, дедушка?

— Давние приятели. Пришлось не раз будущего генерала на тачанке катать. Отчаянный был парнишка Саша! Только не пойму я одного, как он вами командовать будет? Он же теперь москвич.

— Ему и надо в Москве жить. Он главный маршал над всеми, какие есть в стране, пионерскими тачанками. Так мне отец сказал. А товарищ Чапаев написал, что, возможно, и к нам приедет. Если мы в каникулы как следует отличимся на колхозной работе.

Сенька не договорил. Увидел в Васиных руках папаху и стал умолять:

— Отдал бы ты, Вася, мне ее на лето. Тебе она ни к чему, а мне без папахи ни то ни се.

— Вот еще! — огрызнулся обиженный Вася. — С тобой я больше не вожусь. Папаху просишь, а на тачанку не взял.

— Я бы с радостью, да приказано: октябрят и близко не подпускать. У нас видишь что. — И Сенька показал эмблему на рукаве.

— «П» и «Т», — прочитал Вася. — Что это такое?

— На тачанку просишься, а не знаешь! «П» и «Т» — это значит «Пионерская Тачанка»! Так Чапаев велел. Он нам важное задание дал!

— Какое еще задание?

Сенька вытащил из кармана тетрадку и помахал перед Васиным носом:

— Вот оно! Только ты все равно не поймешь!

— Покажи-и-и, — с мольбой впился в него малец.

— А папаху дашь?

— Ладно, дам, если дедушка позволит...

— Тогда иной разговор... Смотри!

И Сенька раскрыл тетрадку. Вся страничка вдоль и поперек была исчерчена кривыми линиями и расцвечена синими и красными кружочками.

— Что это? — с робостью спросил Вася. Сенька стал объяснять:

— Вот дорога. И это дорога. По ним мчатся наши тачанки. Красные кружочки — села,

где бывал когда-то Чапаев. Первым делом заглянем туда.

Можно понять, какая зависть заполонила Васю: до конца лета будут кататься школьники!

— Тачанка не для бездельного катания. Понял? — И Сенька показал на ладони мозоль. — От вожжей! Возил на тачанке огурцы с колхозного огорода и свежие газеты по полевым бригадам... Едешь на тачанке не просто так, а по приказу самого Чапаева!..

И Сенька вдруг уставился на дедушку Анисима ошалелыми глазами:

— Эх, а что я придумал!.. Дедушка, вы же чапаевец! Приходите в наш отряд командиром! — Нос у Сеньки стал краснее редиски. — Это же здорово! Во главе пионерских тачанок — настоящий чапаевец! Тогда мы — впереди, остальным не угнаться!

От Сенькиных слов у Васи внутри все так и дрогнуло. Он радостно восторженно, прижался к дедушке и попросил:

— Дедушка, ступай скорее в командиры! И я с тобой! Пусть попробуют тогда прогнать с тачанки!

— Я бы не выгнал, — сказал Сенька. — Да нельзя его, октябренка еще...

— Как нельзя?! — возмутился Вася. — А сам папаху просил.

Дедушка Анисим взглянул на Сеньку вопросительно:

— О какой такой папахе речь идет?

— О вашей, дедушка Анисим. Я пообещал, что и его возьму, если он папаху мне отдаст. Попрошу за него.

— Выходит, — дедушка Анисим сурово нахмурил брови, не дал договорить Сеньке, — ты рассуждаешь так: ты нам, а мы тебе! Таким образом прежде, до революции, купцы да буржуйчики разные поступали. А ты — пионер, тебе так не гоже.

— Я бы о нем и без папахи позаботился. Да нельзя. Запретили октябрят на тачанки сажать.

— Октябренка — будущий пионер, — сказал дедушка Анисим. — Он тоже может колхозу помочь. От пионеров ему, внуку чапаевца, никак отставать нельзя. На комбайн он просился. Но на комбайн ему — что правда, то правда! — еще рановато, хотя отец и обещал. А на тачанку, пожалуй, в самый раз. Да ладно. Коли дело такой оборот принимает, мы и сами с папашей твоим обо всем договоримся. Он Васю в обиду не оставит.

— Неужто в адъютанты его возьмете? Как Чапаев Петьку? А меня куда же?

— Да ведь ты с ребятами уже в деле. Даже и без шапки-чапаевки.

— Значит, согласны нашим командиром быть?

— Ну, это не нам решать. — Старый чапаевец щипнул себя за ус и взглянул на Сеньку

серьезно.— Одно скажу: мне к тачанке не привыкать. У Чапаева-младшего, надеюсь, буду служить не хуже, чем у самого Василия Ивановича. Так что, Сенька, можешь передать в школе эти слова деда Анисима.

«За мной, чапаята!»

Приняв командование тачанками, дедушка сказал Васе и Сеньке:

— Будете моими адъютантами!

Вася не знал, что такое «адъютант». Сенька пояснил, что это самый нужный в отряде человек. Он всегда при командире, как Петя при Чапаеве. Отдаст командир приказание, адъютант обязан исполнить его, не страшась ничего, даже самой смерти. И тут ребята услышали хриловатый голос дедушки Анисима:

— Приготовить тачанки к выезду!

Адъютанты со всех ног бросились исполнять приказ. И другие мальчишки побежали за ними следом ловить лошадей на лугу. Они хватали коней под уздцы и вели на полевой стан, чтобы запрягать в тачанки.

Васе никогда еще не доводилось иметь дело с лошадью. Он не знал, с какой стороны подойти к Буланому. Сенька поглядывал на Васю с ухмылкой и, чувствуя свое превосходство, готовил лошадь к выезду. Подняв хомут, поднес его к голове Буланого. Конь надул ноздри и презрительно фыркнул.

— Ишь, какая фыркалка! — ругался Сенька. — Хомут ему не нравится!

Подошел дедушка Анисим, потрогал хомут на лошади, хмыкнул в усы:

— Болтается. Супонь потуже затяни... Васю учишь, а сам... Непорядок! Если у тебя ботинки расшнурованы, далеко ли убежишь? То-то и оно! Запрягать надобно по всем правилам. На худой сбруе и выезд плохой!

И он стал обучать ребят запрягать Буланого. Потом показал, как править лошадью — без резкого дерганья, без окриков.

На место ездового дедушка сажал то Васю, то Сеньку, то других мальчишек. Берясь за вожжи, они по очереди надевали папаху-чапаевку. А дедушка ходил в стареньком картузе.

Лошади день за днем привыкали к маленьким ездовым, не брыкались, когда их запрягали, и в пути вели себя послушно. Стоило только слово сказать — переходили с шага на рысь, сворачивали куда нужно. И лишь Буланы не любил, когда ему хомут на шею натягивали. Но Вася всегда держал в кармане сахар. И это помогало. За сахар Буланы служил Сеньке и Васе верой и правдой. За ним ни одна лошадь не могла угнаться.

У пионерских тачанок было много разных

заданий, и каждое ребята считали важным, боевым.

Когда понадобились дрова для школы, дедушка Анисим повел отряд в лес, как в атаку:

— Вперед! — скомандовал он. — Отобьем у противника горючее!

Стали ребята сгребать в копны скошенную траву на лугу, дедушка вместе с ними. Работает и приказывает:

— Чапаята! Воздвигнем оборонительный рубеж из сена!

Председатель колхоза попросил отправить в поле тракторные детали. Дедушка распорядился по-военному:

— Доставить «боеприпасы»! По тачанкам!

Такая жизнь мальчишкам нравилась. Они чувствовали себя лихими чапаевцами и старались вовсю. Тачанки носились по степи быстрее ветра. Приказы выполнялись в срок.

Накануне уборки хлеба дедушка Анисим поручил Васе и Сеньке проверить, все ли в порядке на дорогах, по которым автомашины повезут зерно нового урожая. Когда адъютанты проезжали через речку Веселку, осмотрели со всех сторон мост. Он во многих местах оказался гнилой. В тот же день по вызову дедушки Анисима сюда пришла бригада строителей со свежеструганными досками и отладила мост. Вася пожал бригадире руку, и они с Сенькой, довольные, что все так хорошо получилось, покатали на тачанке дальше.

И в километре от речки Веселки дорога оказалась не в порядке. Сплошные рытвины и ямы. Тачанку, как корабль в бурю, кидало то вверх, то вниз. На обочине Вася даже шлепнулся в лужу.

— Здесь машины на элеватор поедут, — сказал он, отряхиваясь. — Ухнут в грязь с разлету, как я сейчас. Зерно во все стороны разлетится.

— Ну, ты молодец, соображаешь, — похвалил его Сенька. — Надо дорожников предупредить.

— А зачем дорожники? Мы и сами можем. Лопат в бригаде сколько угодно.

— Дело говоришь, — снова согласился Сенька. — Позовем ребят, одним не управиться.

И пять тачанок включились в ремонт. С берега Веселки мальчишки привезли булыжник, песок. Вооружившись лопатами, засыпали все ямины на дороге. Потом по совету дедушки Анисима стали ставить дорожные знаки. Перед оврагом, который вплотную подступал к дороге, поставили щит со словами: «Шофер, будь осторожен! Объезд вправо», — а на взгорье у реки появился другой щит: «Впереди — крутой спуск. Водитель, смотри в оба!»

Дедушка Анисим удовлетворенно сказал:

— По-хозяйски поступаете, товарищи адъютанты!

Утром от председателя колхоза поступил

приказ: срочно отвезти фанерные щиты и банки с краской в село Сормовка, где открывался новый клуб.

— В Сормовку проложена окружная дорога, — объяснил дедушка. — Но мы, чтобы сократить путь, по ней не поедем. Повезем клубный груз напрямиком через степь. За мной, чапаята!

Сенька плотно натянул ременные вожжи. Буланый, весело всхрапывая, помчался во весь опор, вынес тачанку на изволок, перемахнул через дорожную обочину и, не сбавляя бега, взял прямой курс в Сормовку.

Не проехали они и половины пути, как вдруг дедушка приказал Васе остановиться возле одинокого дуба в степи. Вася осадил коня, огляделся.

Даль сияла призрачно, заволакивалась дымкой. И Вася подумал, что дедушка затем и остановил тачанку, чтобы полюбоваться степным привольем.

Но дедушка даже не глянул на степь. Слез с повозки, подошел к дубу, снял картуз с головы. Он долго стоял неподвижно и смотрел себе под ноги.

И тут только Вася заметил невысокий обелиск под деревом, в кустах. Из-под каменной серой плиты, заросшей травой, кровавыми крапинками выбивались цветы верблюдника, сверкали седины ковыля.

Ребята молча сгрудились вокруг дедушки Анисима. Он кивнул на обелиск и тихо сказал:

— Могилка дружка моего, чапаевца, ротного запевалы Андрея Желтова...

Дедушка помял в руке картуз, задумчиво огляделся вокруг и стал рассказывать:

— Василий Иванович послал нас в боевой дозор. Мы с Андрейкой затаились тут, под деревом, а другие красноармейцы — вон в той канаве. Сейчас она сплошь заросла, а в ту пору была глубокая. Андрейка прихватил с собой из села гармонь, положил ее рядом с пулеметом, на тачанке. «Я, Анисим, сегодня именинник, — сказал он мне. — Эх, и зададим мы вечером жару гармошке! Все песни перепоем...» Вдруг видим: белоказки впереди. Пыль по степи завихрилась. Андрей мне: «Погодим стрелять, пусть подойдут ближе. А то на всех патронов не хватит...» Смотрим, казаки уже совсем рядом. Слышно, как похрапывают кони, звякают копыта. Справа красноармейцы начали палить густо. Казаки шарахнулись от них в нашу сторону. Я за пулеметом, Андрейка ленту подает... начали... Много беляков покосили мы тогда. Заставили отступить казаков. Но трое как-то прорвались. А нам уже и отбиться нечем — кончились патроны. Андрейка схватил незаряженную винтовку. Размахнулся да как двинет всадника прикладом по голове. Тот и саблю выронил, а сам с коня кувырком. Тут второй подоспел. Андрейка и его прикладом. А третий издали в нас гранатой...

Очнулся я — лежит мой Андрейка, у ног гармошка, мехи разворочены... Похоронили мы его здесь, под дубом, который тогда был таким же молодым, как и Андрейка. Моему другу в тот день исполнилось ровно семнадцать... Да-а-а, много холмиков понасыпала в этой степи война...

Голос у дедушки дрогнул, осекся. Он вынул из кармана кисет и принялся набивать трубку. Пальцы не слушались его. Мелкие крошки табака сыпались на сапоги.

Ребята сбегали в поле, принесли охапку степных колокольчиков, и бугорок под деревом стал лилово-синим.

Сенька взял с тачанки фанерный щит, нарисовал на нем красную звезду, а ниже старательно вывел:

**«Здесь погиб и похоронен юный чапаевец
Андрей Желтов. Слава герою!»**

Дедушка Анисим установил фанерный щит рядом с обелиском. Мальчишки выстроились

в линейку перед памятником и отдали салют. Вася занял место в начале строя, рядом с дедушкой и тоже салютовал по-пионерски.

— За мной, чапаята! — скомандовал дедушка Анисим.

Все сели на тачанки и помчались в Сормовку, где должно было состояться торжественное открытие нового клуба.

Телеграмма самому себе

Вася сидел на крыше полевого вагончика и хорошо видел, как председатель колхоза товарищ Морозов встал перед комбайнами и махнул флажком.

— Поехали! — громко скомандовал он.

Это был приказ о начале наступления — уборки урожая.

По золотым волнам ржи, следуя за комбайном Васиного отца, поплыли с рокотом другие степные корабли. Над каждым из них закружились, замельтешили крохотные обрезки соломы и белесые пушинки. Грузовые автомобили подъезжали к комбайнам, до краев наполнялись их кузова янтарным зерном. Потом зерно укрывали брезентом и грузовики сразу же отчаливали обратно.

На проселочных дорогах, по которым еще совсем недавно летали пионерские тачанки, теперь мчались машины. Они везли на элеватор первое зерно нового урожая. Позади машин пыль тянулась длинным сизым хвостом, поднимаясь чуть ли не до самого неба.

Под прицел Васиного бинокля, который далекое делал близким, попадали и тачанки, выполнявшие дедушкины поручения. Одна из них носилась около крайних домов села, на том участке, где пшеничное поле подступало к колхозному саду. Пионерские дозорные организовали там настоящее гонение — с трещотками и кнутами — на коз и поросят, которые все норовили залезть в пшеницу.

Другую тачанку Вася разглядел у дорожной обочины. Она стояла возле щита с надписью: «Пионерский пост охраны урожая». Там, на перекрестке двух дорог, ведущих в село и на элеватор, пионеры дежурили вместе с дедушкой Анисимом. В руках у одних желтели маленькие флажки. Другие размахивали молотками и длинными рукоятками.

Показался грузовик с зерном. Мальчишка выбежал на дорогу, поднял флажок. Грузовик остановился. Ребята с молотками подбежали к нему и стали осторожно, словно врач больного, выстукивать борта: нет ли где трещины, через которую может просочиться зерно? Дедушка Анисим тоже постучал молотком, и машина поехала дальше. Раз отпустили так быстро, значит кузов у грузовика в полном порядке, вполне «здоров». Зато с шофером другой машины, остановленной на дороге, дедушка Анисим имел суровый разговор. Видимо, ребята заметили что-то неладное: либо борта были неплотно заделаны, либо зерно в кузове ничем не укрыто, либо еще что. Фамилию нерадивого шофера дедушка обязательно занесет в «Книгу беды» — в общую тетрадь, которую Вася подарил ему перед уборочной. Бригада по охране урожая не только вела пионерский контроль за проезжающими машинами, но и помогала шоферам, когда в том была необходимость. «Проверяй — помогай!» — такой у них девиз. Если надо было привезти брезент из села, чтобы укрыть зерно, или же съездить в мастерскую за какой-нибудь запасной частью для машины, если она поломалась в дороге, пионерская тачанка тут же мчалась выполнять задание.

Вася просился, чтобы и его поставили в

дозор у дороги. Но дедушка дал ему и Сеньке другое задание — следить, как идет работа в поле, не остаются ли после уборки колоски на земле или в копнах соломы, не нужна ли комбайнерам срочная помощь, — в таких случаях тачанка посылалась в правление колхоза, чтобы сообщить обо всем председателю, доставить ему сводку о ходе уборки, о передовых и отстающих, — Вася отвозил сводку в конце рабочего дня.

Свою работу Вася с Сенькой проводили вместе с Томой Бесхатневой, которая, кроме того, отвечала еще и за выпуск двух стенных газет. Одна называлась «Молния». Она сообщала, кто как трудится на жатве хлеба. Вторая выходила с веселыми рисунками: «На крючок».

Самой Томе, конечно, было не управиться сразу с двумя газетами. И ей помогали школьники — комсомольцы и бригадный учетчик. Он лучше всех знал, сколько за день скашивается и обмолачивается хлеба, и давал все сведения. Тома их перепечатывала и прикалывала на чистый лист. Получалась стенгазета «Молния». Три раза в день — утром, днем и вечером — Тома вывешивала «Молнию» на стенке полевого вагончика, чтобы каждый мог прочесть, как идет уборка урожая.

А еще Тома придумала печатать на машинке телеграммы и рассылать их с Васей на тачанке. Телеграммы эти составлял сам товарищ Морозов. Они были двух «сортов». Одни — приятные, другие — неприятные. Над неприятными вверху печаталось крупными буквами: «СРОЧНАЯ, ТРЕВОЖНАЯ». Адресовалась такая телеграмма тем, кто отставал. Вася заметил: как только прочитает ее в поле либо тракторист, либо шофер, либо комбайнер, либо еще кто, так уши у него сразу сделаются красными, как петушиный гребешок. Ничего приятного от таких телеграмм не жди. Да и развозить их тоже было мало радости.

Иное дело телеграмма с грифом: «СРОЧНАЯ, ДВУХСТРОЧНАЯ». Прежде чем вручить Васе такую телеграмму, Тома поднимала над полевым вагончиком флаг трудовой славы. Вася получал телеграмму и мчался с ней на тачанке к победителю, вручал двухстрочное поздравление: **«В Вашу честь мы флаг подняли, чтоб всегда Вы побеждали!»**

Васин отец каждый день перевыполнял норму выработки. И Вася отвез ему уже девять телеграмм. На борту его комбайна Сенька — Дед Мороз нарисовал масляными красками девять победных звезд — за каждую телеграмму по звездочке!

За эти жаркие дни Вася загорел и стал похож, как сказал отец, на «солдата хлебного фронта».

— А вот эту телеграмму, — сказала однажды Васе Тома Бесхатнева, — товарищ Морозов просил срочно доставить в село. Улица и номер дома там указаны. Спешите!

Вася не стал рассматривать адрес. Прыгнул в тачанку и галопом погнал лошадь в село. И лишь подъезжая к садам за сельской окраиной, раскрыл телеграмму, чтобы узнать, на какую же улицу сворачивать.

На телеграмме под словами «СРОЧНАЯ, ДВУХСТРОЧНАЯ» были указаны родная Васина улица и номер его родного дома.

«Не может быть! — не поверил своим глазам Вася. — Тома что-то напутала. С девочками это случается...»

Но под адресом четкими буквами было напечатано:

«Вручить Васе Климову — октябрёнку и его маме — лучшей колхозной доярке».

Вася удивленно воскликнул:

— Надо же! Выходит, я сам себе везу телеграмму. Чудо-юдо!

Он не удержался и прочел: **«Благодарим мы Вас, ударную доярку, за Васю Климова и за его тачанку!»**

От смущения уши у Васи вдруг вспыхнули.

Крошка — тоже хлеб

Сенька — Дед Мороз привез на тачанке прямо из сельской пекарни в полевую бригаду пять караваев хлеба.

Караваи были пахучие и мягкие. Когда комбайнеры, а следом за ними и ребята брали их в руки, то чувствовали легкость и теплоту недавно испеченного хлеба.

Дедушка Анисим тоже взвесил каравай на ладонях и сказал:

— Хлеб наш насущный — белый да вкусный! Худ обед, когда хлеба нет.

Он каждому отрезал по большому ломтю, а повариха налила из котла в тарелки мясного супа. Мальчишки хлебали деревянными ложками суп и чмокали от удовольствия.

Комбайнеры, пообедав, отправлялись к машинам, пионеры — перед уходом в дозор на дороги — отдыхали. Вася с Сенькой от нечего делать стали лепить человечков из хлебных остатков.

Вдруг дедушка Анисим грозно стукнул ложкой по столу:

— Ишь, забаву нашли — добро на ерунду переводить. Беречь хлеб надобно.

— Мы же не хлеб. Мы же крошки...

— Крошка — тоже хлеб. А хлеб, было б вам известно, всему голова. Даже крошка хлеба не свалится с неба.

И, обернувшись к Сеньке, хмуро добавил:

— А еще пионер... Хлебный кусок на баловство... Видел бы ты, как в голодный год каждую крошку...

Не договорил. Вынул трубку из кармана. Но курить не стал. Осуждающе взглянул на своих притихших адъютантов и, вздохнув, сказал:

— Представлю, как люди в голодный год жили — и сердце колет... Вовек не забуду... Мы тогда в приволжских да уральских степях белогвардейское войско в пух и прах разгромили. Вышел приказ по армии: всем на трудовой фронт, на борьбу с голодом и разрухой! Вместо винтовок — лопаты. Одни чапаевцы на Каспий-море подались, на нефтяные промыслы. Другие — за Урал, железную дорогу строить. А нашей тачанке веле-но было в родные места возвращаться, хлеб сеять. Выдали каждому на дорогу по десяти воблин и три ржаных сухарика. Воблу-то мы еще в пути съели, а сухарики приберегли для дома, для семьи. Знали, какой страшный голод в Поволжье.... Путь наш вблизи города Балакова проходил. Вспомнили, что там чапаевская семья живет, и свернули к ним в гости. Родителей Василия Ивановича — Ивана Степановича и Екатерину Семеновну — застали в тяжелом расстройстве. Они возле кровати печальные сидели. А в кровати — дети больные: Саша, Аркашка и Клава. «Что с ними?» — спросил я Ивана Степановича. А он вместо ответа показал мне в горсти мякину с опилками перемешанную. Оказалось, что мука в доме еще зимой кончилась и приходится из этой несъедобной смеси лепешки печь. «Нам-то, взрослым, еще ничего, — сказал Иван Степанович. — А детский желудок опилок не переваривает. Им хотя бы крошечку хлебную...» Мы удивились: как же так — дети героя, прославленного полководца, который за новую жизнь в бою погиб, без куска хлеба сидят, опилками питаются?! Не дело это! «Сходили бы, — говорим, — в Совет, сказали бы, кто вы такие есть, — вам бы непременно муки дали. Семьям погибших полагается...» Иван Степанович на это ответил так: «Не один наш Василий голову за Советскую власть сложил, много семей без кормильцев осталось. И каждой семье хлеб полагается. Да где его взять, хлеб-то, в голодный год? В Совете ни крошки. У всех беда, и у нас беда. Не отделяем себя от всех прочих...» Уходя, вынули мы из запечных мешков солдатские сухарики, какие были, и на тарелку положили... Все до единого! Старик Чапаев отказываться стал. Мы настояли. И он сказал: «Себе бы не взял. А дети... Мы с Семеновной на своем веку пожили. А у них вся жизнь впереди. Хорошо, если сухарики ваши внучат на ноги поставят». Тут он взял один сухарик и на ладони взвесил. «Хлеб-то легонький, — сказал, — а великую весомость имеет. Жизнь человеческая на нем держится... Позже стало мне известно — родители Василия Ивановича в голодный год умерли. Но внучат своих уберегли. Выжили они... Сухарики наши, думается, тут не последнюю роль сыграли: хоть малость, да помогли. Истинную правду чапаевский родитель сказал тогда — на хлебе человеческом жизнь держится.

Дедушкина трубка не дымилась, а он все сосал и сосал ее, забыв обо всем.

Вася с Сенькой сидели с опущенными головами и не знали, как поступить им теперь с хлебными человечками. Оба чувствовали себя виноватыми.

— Нет нам прощения за это! — взволнованно сказал Сенька — Дед Мороз.

А Вася пролепетал смущенно:

— Честное-расчестное, не будем больше. Ни одной крошки!

— Нет позора хуже, — сказал дедушка, — чем потерять собранный хлеб — либо колос в поле, либо крошку за столом. Человек своим трудом дает хлебу жизнь, и хлеб каждому из нас прибавляет сил. Поэтому и считают люди, что есть на земле две самые священные клятвы. Одна — «Клянусь матерью!», другая — «Клянусь хлебом!». Кто забывает священную клятву, тот низкий человек и недостойн уважения, — дедушка указал взглядом на хлебное поле и добавил с нежностью: — Видите, какой низкий поклон нам хлеб отдает. За работу благодарит. И надеется, что ни единому зернышку в колосе не дадим погибнуть. Не так ли?

— Так точно, дедушка Анисим! — ответил Сенька. — Клянусь хлебом!

И Вася тоже сказал:

— Клянусь хлебом!

Искры костра

После того, как рожь была убрана, председатель колхоза товарищ Морозов сказал деду Анисиму:

— Бросаю твоих чапаят на картошку. Как смотришь?

— На картошку так на картошку! Чапаята ко всему привычные.

Ребята раз пять ездили из села на поле за картошкой, пока не вывезли на склад последние мешки.

Дедушка Анисим решил «по случаю победного, — так выразился он, — завершения картофельной операции» попотчевать своих юных друзей печеной, с пылу, с жару картошкой. Ездовые распрягли коней, оставив тачанки возле леса, а сами стали на поле сгребать в одну кучу ненужный мусор — картофельную ботву, хворост, солому и бурьян. Куча образовалась огромная, и костер получился на славу.

— Зарница, — сказал дедушка, — красна всполохами, а костер — искрами.

Он то и дело шевелил палочкой раскаленные угли в костре, бросал в горячую золу картошку за картошкой.

Чем ярче разгорался костер, тем гуще темнело небо. Ночь, отступая дальше от огня, делалась мрачнее, непрогляднее. Но вот замерцали машинные фары на дороге, слышалось рокотание мотора. С каждой минутой свет приближался, а рокот становился

громче. И вдруг фары угасли, смолк и мотор.

Машина остановилась где-то совсем рядом. Но разглядеть ее в темноте было невозможно.

Послышались шаги с хрустом подминавшие под себя сухой бурьян. Вскоре на свет костра вышел плечистый человек. Да это же председатель колхоза! Ребята обрадовались. Утром они видели его в замасленной тужурке, а теперь он был одет по-праздничному. Хромовые сапоги поблескивали зеркально. Было видно, как на них лихо плясало отраженное пламя. Медали на груди словно ожили, играли золотом и серебром.

Он выкатил из костра самую крупную и самую обгорелую картофелину и, перебрасывая ее с ладони на ладонь, весело сообщил:

— На весь район прогромыхали своими тачанками! Даже Москва услышала! — Он, обжигаясь, чистил картошку, и медали на гимнастерке весело подпрыгивали и позвякивали. — Генерал Чапаев только что в правление телеграмму прислал, едет к нам... Районный парад тачанок решено провести в нашем колхозе. Так что будьте готовы!

Не было предела мальчишескому ликованию. И костер в поле запылал еще радостней. Потрескивая, он бросал в черное небо пригоршни искр.

Ребята ели вкусную картошку и, как бывалые чапаята, говорили о своих недавних походах и сражениях.

Каждому вспомнилось что-то необыкновенное...

Вася то и дело перебивал пионеров, выкрикивал:

— И я там был... И я это видел! Дайте и мне сказать!

Дедушка шутливо щелкнул внука по носу:

— Помолчал бы, адъютант! Вот скоро пойдешь в школу, посмотрим, чем ты тогда похвастаешься...

Он выхватил из костра горящую хворостину, раскурил трубку, вздохнул:

— Да-а-а... Лето пролетело, как тачанка по степи... Жалко мне разлучаться с вами, чапаята! В школу податься, что ли? Поучил бы вас чему-нибудь, как бывало Василий Иванович учил детишек своих.

— А как он их учил? — спросил Вася.

— По-всякому. Уроки его не только им, но и мне на всю жизнь сгодились. — Дедушка Анисим подбросил в костер сушняка, и огонь запрыгал веселее. — Выросли чапаята похожими на своего отца. Младший сын Василия Ивановича — Аркаша его звали — летчиком стал, да с ним несчастье случилось еще перед войной — погиб он при выполнении важного задания. Ну а старшего сына, Александра Васильевича, скоро сами увидите. Я-то его босоногим мальчонкой помню. Вот таким, как Вася мой. Мечтал усы завести, как у отца... Меня, поди, и не признает. Сколько го-

дов-то прошло! Я дедом стал, а он — генералом... Да, день долог, а век короток...

Он крутанул пальцами кончики усов. Они весело поднялись к щекам, и дедушка стал совсем-совсем как Чапаев.

Парадом командует Чапаев

На небе сияло солнце. А на земле играли шустрые лучики-светлячки. Они ослепительно лучились в окнах домов, бегали по узорам конских сбруй, резвились на медных трубах духового оркестра.

Неподалеку от оркестра, впереди толпы, стоял человек в генеральской форме. Светлячкам он особенно нравился. Они забирались к нему на погоны и прыгали по орденам и медалям на груди.

Вася Климов сидел на козлах тачанки рядом с Сенькой — Дедом Морозом и во все глаза смотрел на генерала: «Раз, два, три, четыре... — считал Вася. — Вот это да! Десять орденов!»

Вчера, когда готовились к параду тачанок, председатель колхоза товарищ Морозов рассказал ребятам о том, как воевал генерал. Александр Васильевич все время был на фронте — от начала до самого конца войны. Фашисты несколько раз ранили его, а он снова и снова возвращался на передовую. Однажды чуть было не замерз в лесу, а когда часть попала в окружение, повел солдат через минное поле. Гитлеровцы считали это место непроходимым, но минеры-разведчики расчистили дорогу и помогли выбраться из вражеского кольца.

Вася Климов смотрел на генерала, у которого вся грудь в орденах, и думал: «Неужели это тот самый Саша Чапаев, о котором рассказывал дедушка Анисим? Конечно, он! Дедушку он еще утром узнал, когда приехал, и они теперь стояли рядом». Дедушка разглаживал усы, что-то говорил Александру Васильевичу и кивал в сторону Васиной тачанки. Генерал слушал внимательно и поглядывал на Васю. Взгляд у генерала веселый, губы улыбаются. Густые темные брови то сходятся ближе к переносице, то разбегаются. Сухощавое, продолговатое лицо генерала кажется Васе удивительно знакомым.

Пионерские тачанки торжественным строем двигались мимо генерала Чапаева, мимо праздничной шеренги людей, мимо духового оркестра, который не уставал играть песню про тачанку-ростовчанку, про четыре колеса...

Позади тачанок шагали с флажками в руках малыши из детского сада. За ними —

пионеры и комсомольцы со знаменами, которые прибыли на парад прямо из похода по местам чапаевской славы и не успели еще сменить запыленных курток, снять вещмешки с плеч.

Ребята шагали по той самой дороге, по которой мчалась когда-то чапаевская конница. Да, вон там, возле крайней избы, стоял тогда Василий Иванович на тачанке и подбадривал своих товарищей перед боем. Его речь слушал и Васин дедушка, слушали и другие чапаевцы. Поседевшие и принаряженные, стояли они и теперь у обочины дороги.

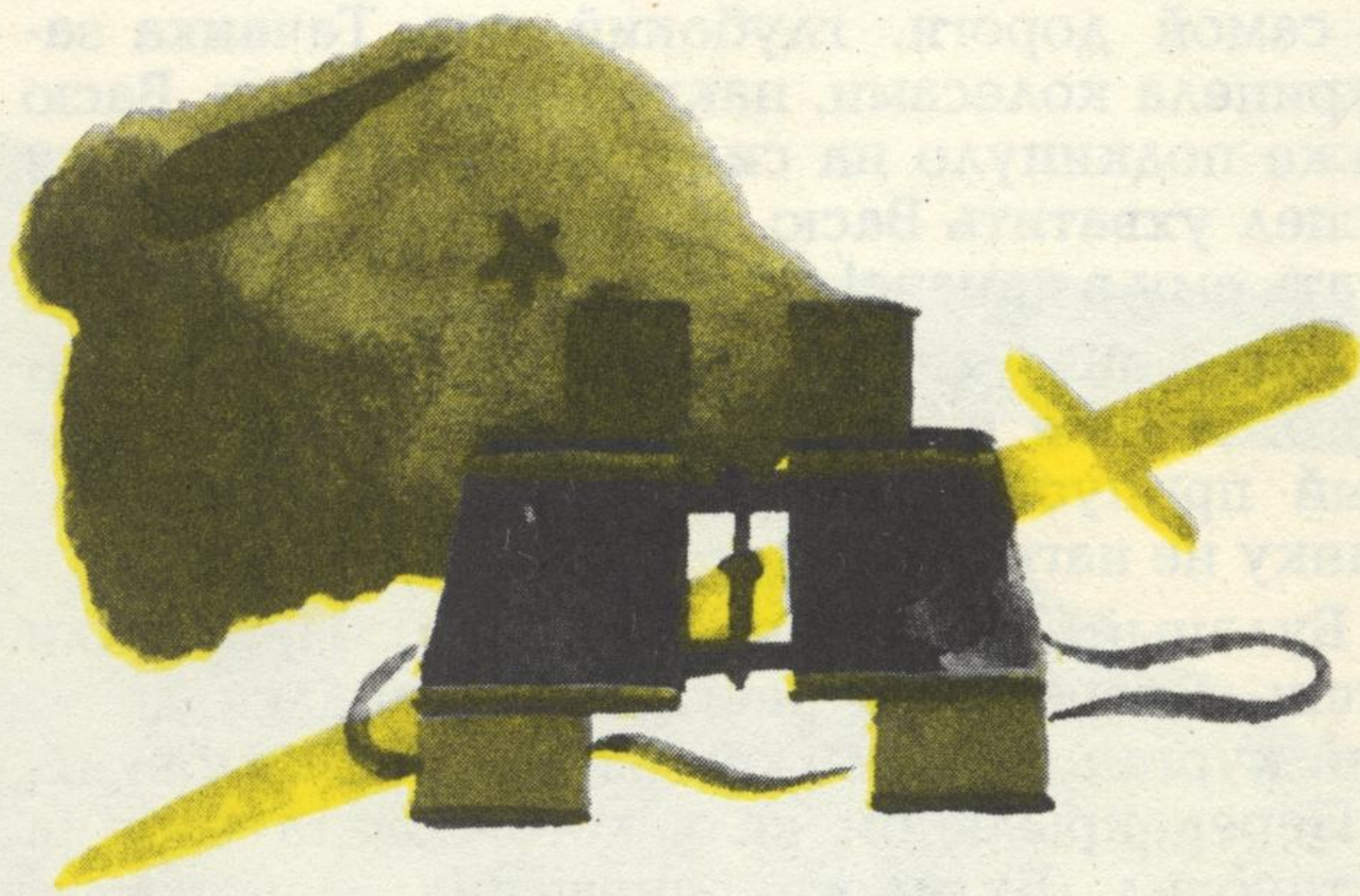
И снова, как тогда, громыхали тачанки и ржали кони, трубил горн и бил барабан, шелестели на ветру алые знамена.

И вот зазвучал голос Александра Васильевича Чапаева:

— Юные друзья! К борьбе за нашу могучую Родину, за счастье трудового народа будьте готовы!

И звонкие голоса ответили ему по-пионерски:

— Всегда готовы!

Раздалась команда построиться в три ряда. Начались соревнования пионерских тачанок.

Какой-то круглолицый распорядитель, прибывший неизвестно откуда, метался между повозками и подбежал к Васе Климову. Рассерженно схватил его за рукав:

— Нос еще не дорос участвовать в гонках!

У Васи в глазах слезы. Он шмыгнул носом, крикнул:

— Не уйду! Это моя тачанка!

В эту минуту возле них остановился генерал Чапаев и сказал распорядителю:

— Оставьте его! Это чапаенок Вася Климов. Он будет соревноваться вместе с пионерами.

Тачанки застыли в готовности. Генерал отдал распоряжение:

— В селе Сормовка в сельском Совете лежит срочный пакет. Необходимо доставить

его сюда на тачанке. Победит тот, кто делает это быстрее других.

Распорядитель взмахнул полосатым флажком. Тачанки сорвались с места.

Сенька держал вожжи, а Вася погонял Буланого хлыстом. Лошадь и сама понимала, что надо спешить. Она покусывала удила, тянула шею вперед.

Мальчишки на других тачанках старались не дать Буланому хода. Теснили с боков.

Буланый вначале бежал третьим. Бок о бок с ним звякал подковами гривастый белый конь. Он был весь взмылен. Ему удалось обойти Васину тачанку.

Сенька нервничал, кричал на Буланого. А в это время мимо ураганом пронеслась еще одна тачанка, за ней другая...

— Все! Нам крышка! — чуть не плакал Сенька.

— А помнишь, как мы с дедушкой до Сормовки добирались? — вспомнил Вася. — Прямо по полю...

— Что ж ты прежде молчал! Не обязательно дорогой ехать! Через степь прямее, и никто не толкается...

Сенька повернул Буланого влево. Там, у самой дороги, глубокий ров. Тачанка закрипела колесами, накренилась набок, Васю даже подкинуло на сиденье. Сенька вовремя успел ухватить Васю за шиворот, а то бы лежать ему в канаве!

И вот они уже на просторе. Впереди — никого. Ровная и голая, как стол, степь. Буланый припустился во всю прыть. Теперь тачанку не нагнать!

Буланый все убыстрял бег. Пересекли степь. Впереди, за речкой возвышался древний курган. На отлогом склоне — Сормовка...

Перед крыльцом сельского Совета Сенька остановил Буланого, спрыгнул с повозки, быстро взбежал по ступенькам.

В кабинете за дубовым столом рядом с председателем сельсовета он увидел своего отца. От неожиданности Сенька оторопел. Они перебирали какие-то бумажки. Отец одет был в ту же солдатскую гимнастерку с медалями, что и в прошлый раз, когда пионеры сидели с ним у костра в степи. Запылавшийся Сенька со всего разбега к нему:

— Где пакет на имя генерала Чапаева?

Отец отвел глаза от бумажек, бросил на сына строгий взгляд.

— Воспитанные люди не орут и, войдя в дом, ноги вытирают. Видишь — половик у порога?.. Приехал на тачанке, а порядка не знаешь. — И обратился к председателю сельсовета: — Как думаешь, Михалыч, можно такому пакет доверить?

— Думаю, что нельзя, — сухо ответил тот.

— Как же это, — пролепетал Сенька, — зря, выходит, коня гнал? Вот-вот другие прискачут...

— Им и отдадим. Правила игры для всех равны...

Вася стоял на крыльце и все слышал. Он быстро заправил рубашку в штаны, надвинул дедушкину папаху на лоб. Вбежал в кабинет, отдал честь:

— Здравия желаю, товарищ Морозов. Адъютант-чапаевец Василий Климов прибыл за секретным пакетом...

— Ну, вот это другое дело, — улыбнулся тот и покосился на сына. — Поучись, мол, у своего товарища!

Он выдвинул ящик стола и вынул что-то длинное и узкое, завернутое в бумагу и перевязанное шнурком.

— Получай, адъютант Климов! — протянул он Васе сверток и шлепнул ладонью по столу. — Теперь нам караулить нечего! Можем с Михалычем ехать на ваш праздник. Захватите нас с собой?

Председатель сельсовета и товарищ Морозов спускаются с крыльца следом за Сенькой. Уши, щеки и нос-редиска у Сеньки красные, на лбу капельки пота. Можно подумать, что он только что из бани.

Расстроенный Сенька отчаянно щелкнул кнутом, и Буланый тронулся с места карьером. Слышно, как на соседней улице дребезжат тачанки, кричат, погоняя коней, мальчишки. Они еще не знают, что в сельском Совете больше нет ни секретного пакета, ни самого председателя...

Генерал Чапаев дождался, когда возвратились остальные тачанки, и только потом назвал имена победителей. Солнечные трубы оркестра грянули радостный марш. Народ у дороги загомонил, захлопал в ладоши. На какой-то миг Вася увидел в толпе по-чапаевски подкрученные усы дедушки Анисима, медали на гимнастерке товарища Морозова.

Генерал Александр Васильевич Чапаев со свертком в руках подошел к тачанке, впереди которой по стойке смирно стояли Сенька и Вася.

— Подарок один, а победителей двое. Кому вручать?

И тут Сенька подался вперед:

— Отдайте Васе, товарищ Чапаев. Это все он...

— Ну, что ж, Васе так Васе! Мал, да удал! — согласился генерал. — Возьми, победитель, и разверни. Пусть все увидят почетную награду!

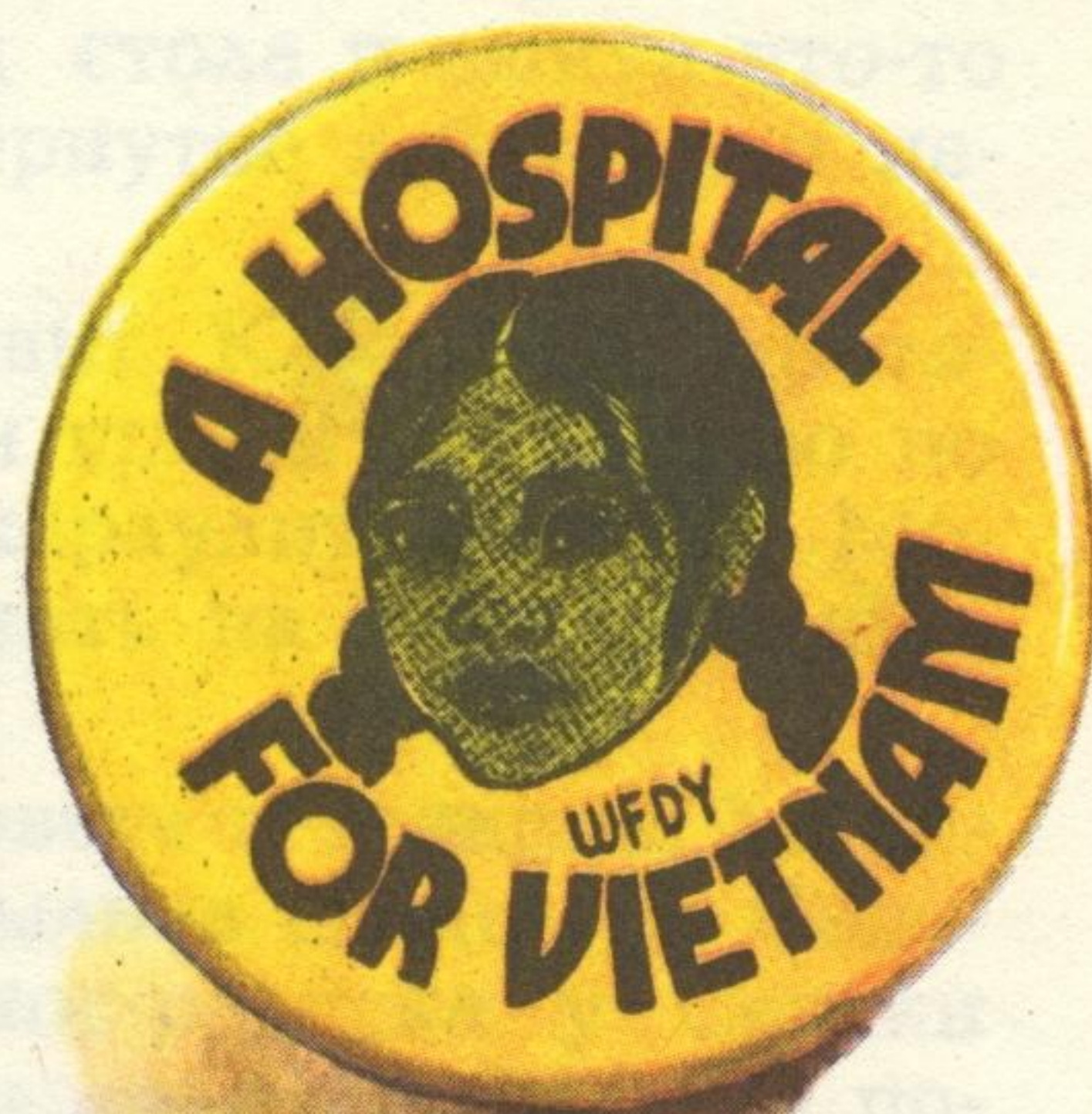
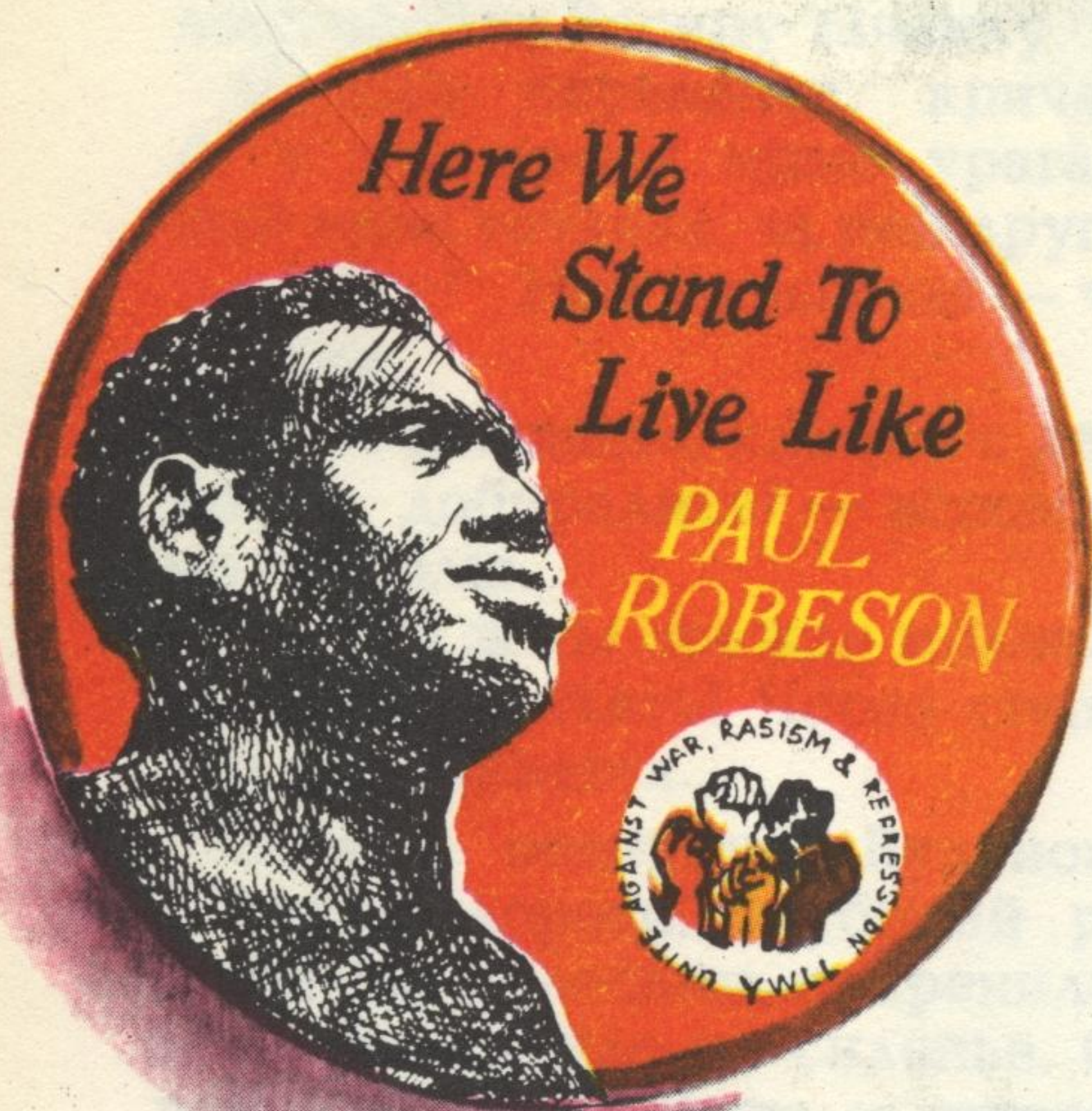
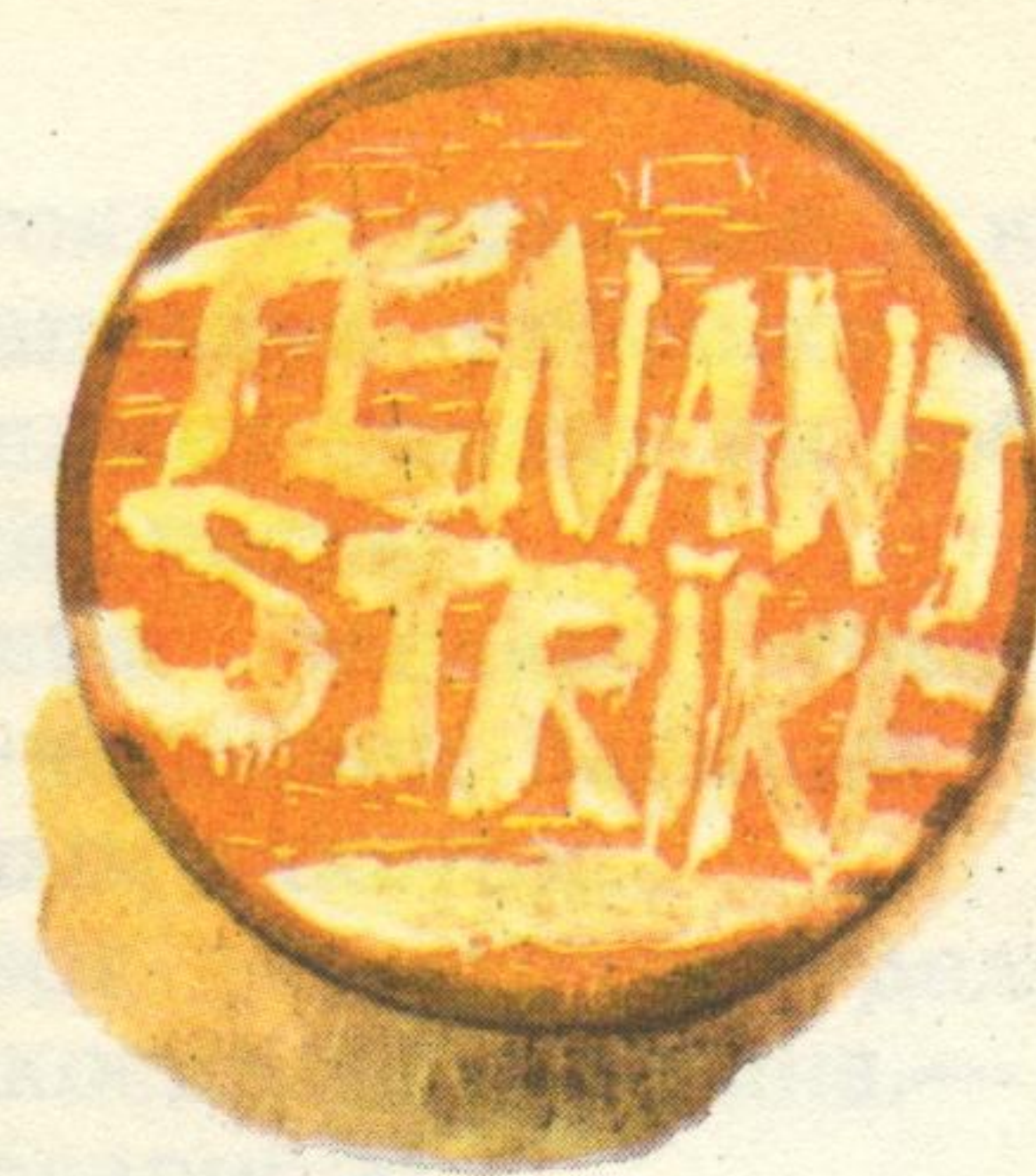
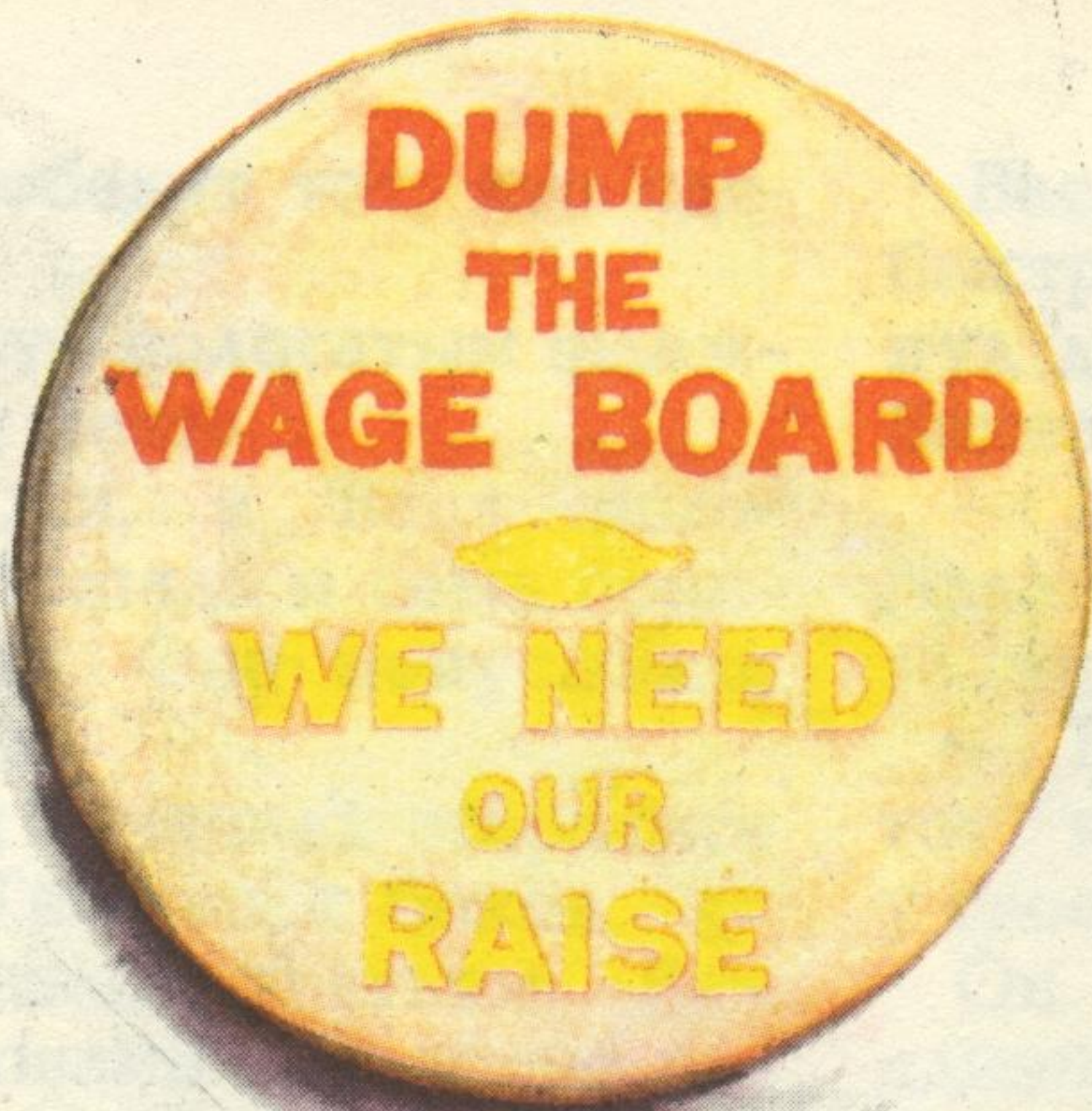
Вася развернул сверток и ахнул: сверкнула сабля!

Маленькая сабля была отлита из настоящей стали и вложена в настоящие ножны. Блеск металла слепил глаза, и Вася не заметил букв на сабле.

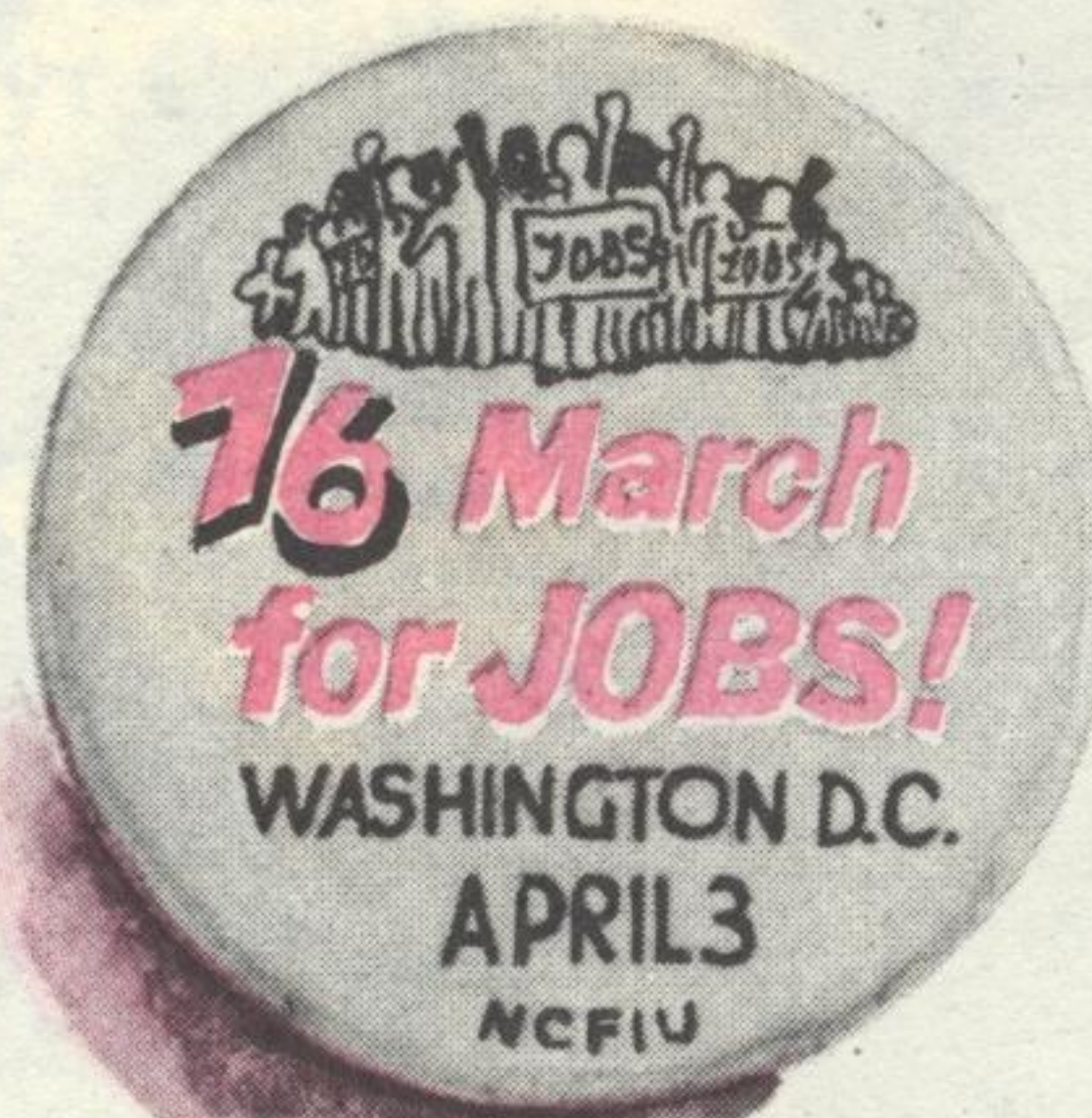
И тогда генерал по-отечески потрепал малыша за вихор и, взглянув на подарок, громко прочитал слова, которые были когда-то выбиты на чапаевской шашке, а теперь на Васиной награде:

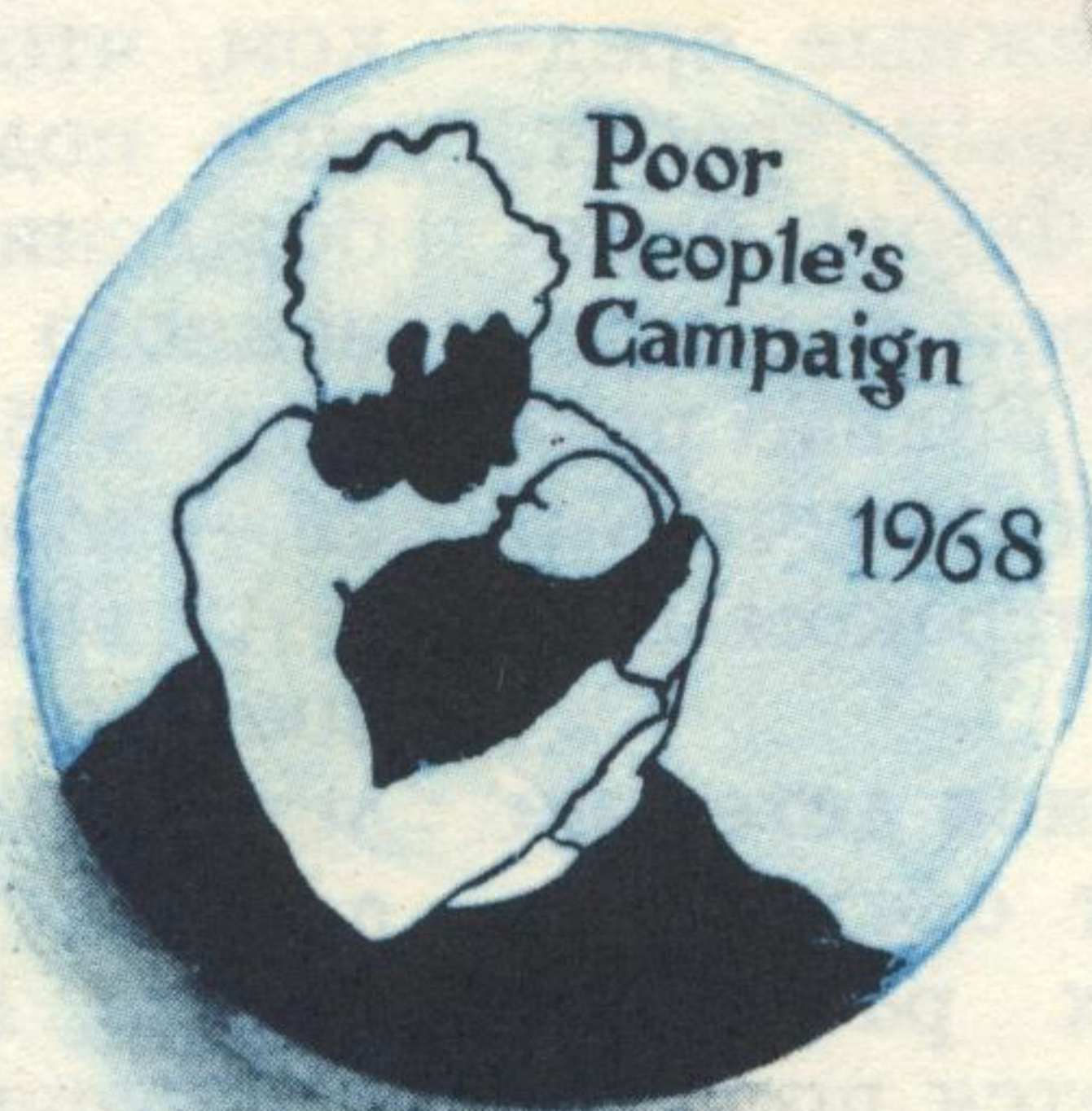
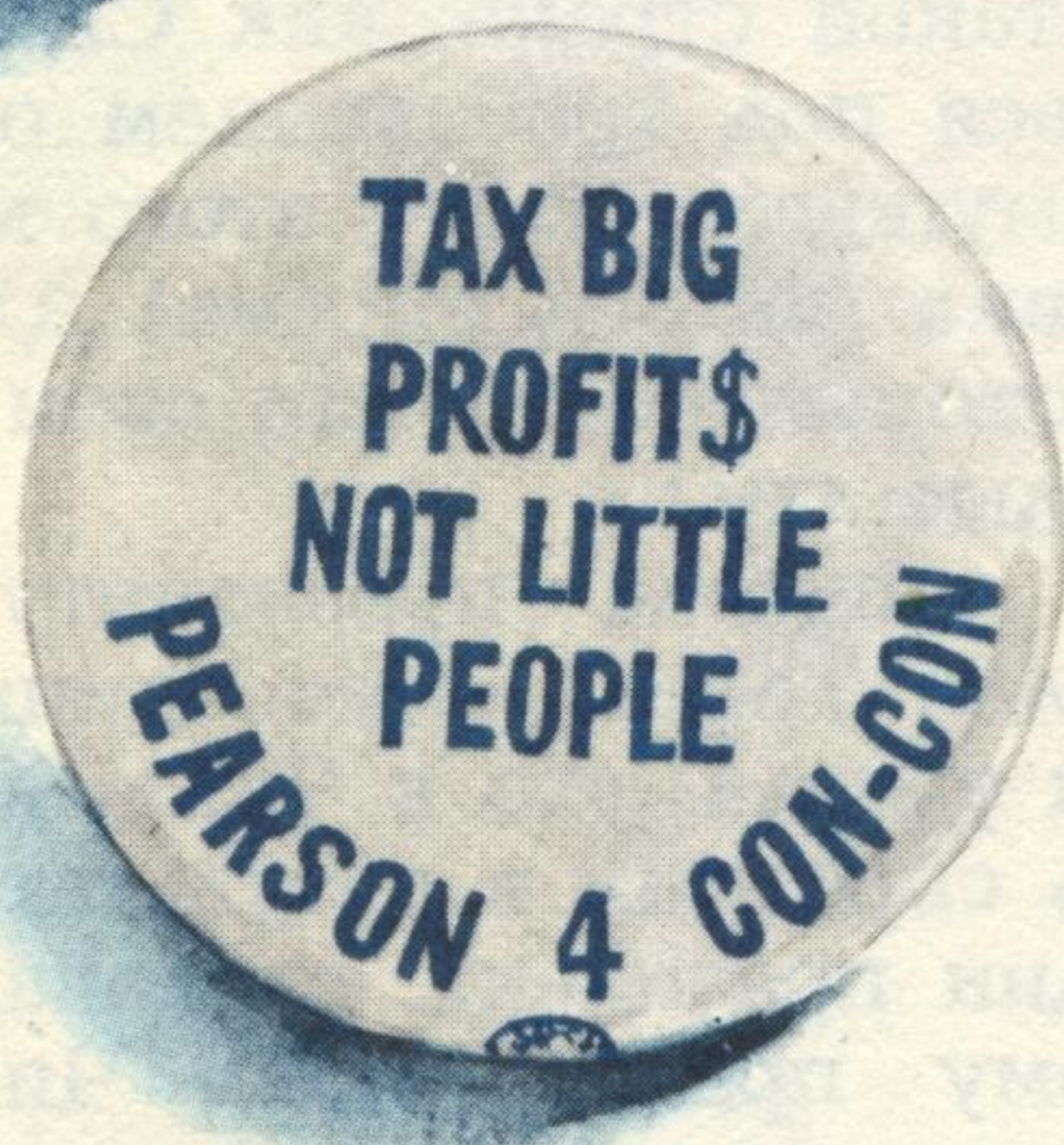
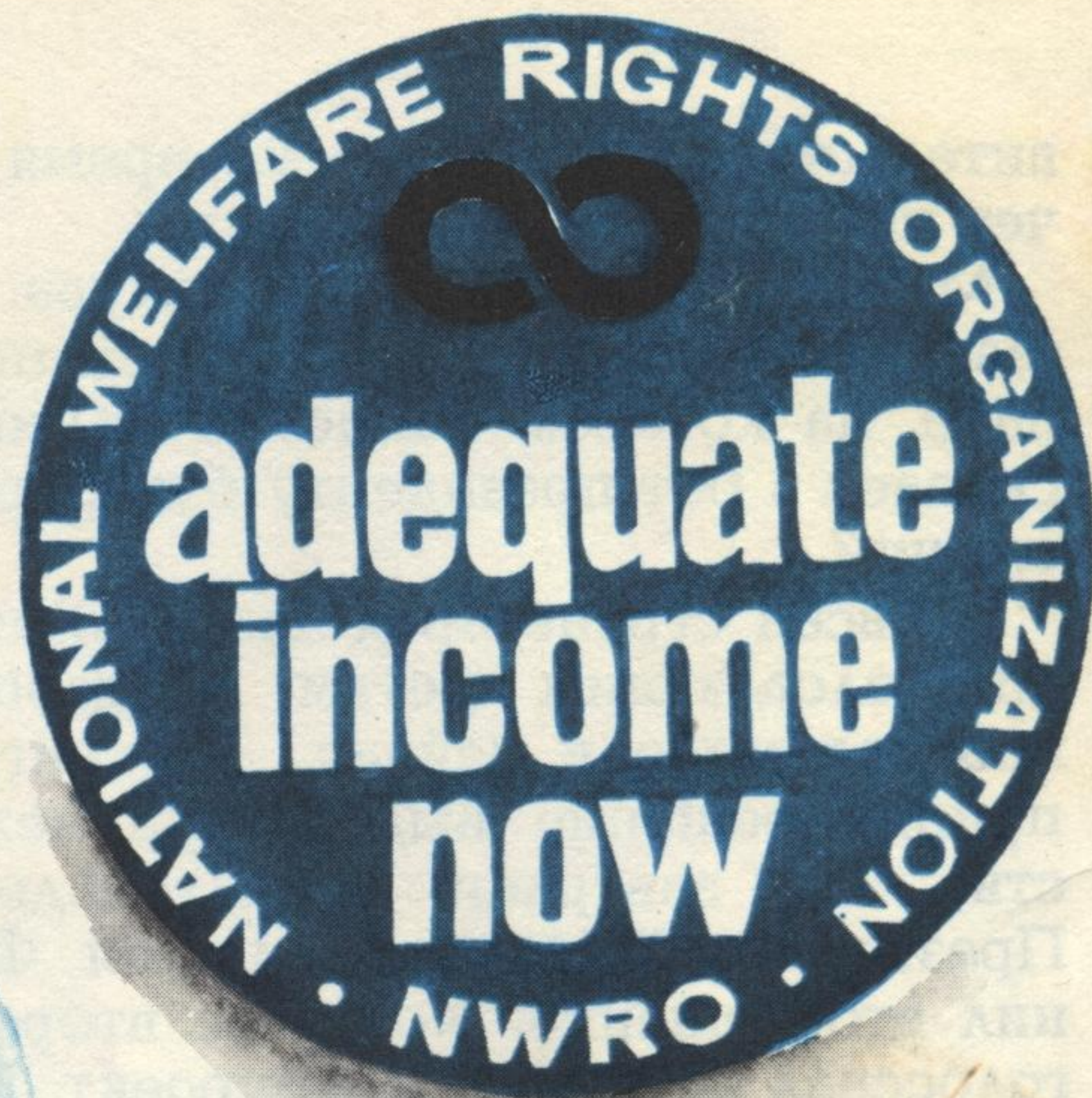
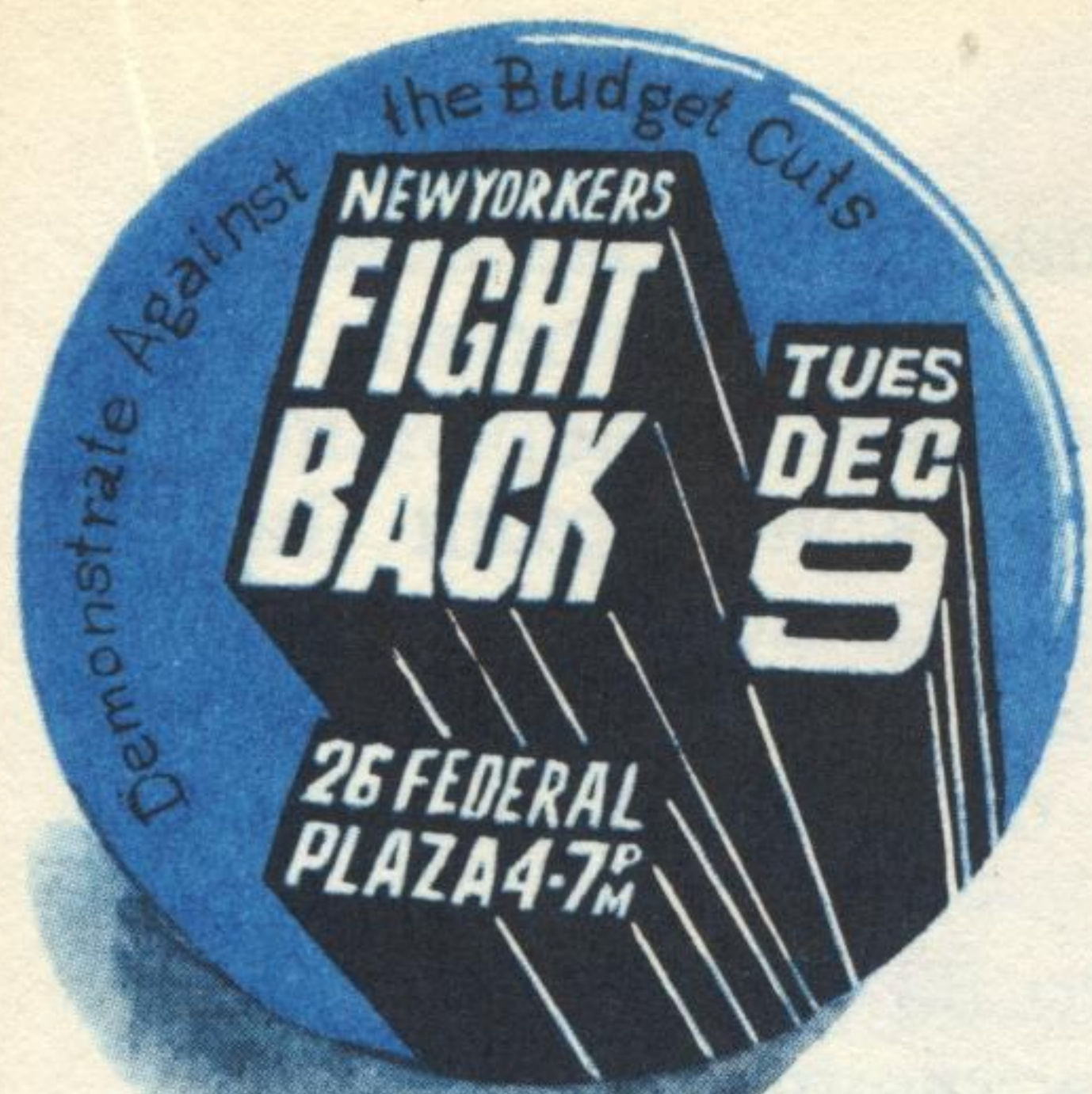
— «Без дела не вынимай, без славы не вкладывай!»

Автор этого рассказа Гарри Айзман — один из первых пионеров Америки. Его отряд действовал в Нью-Йорке в двадцатые годы. Когда в школе стало известно, что Гарри пионер, его исключили из школы. Шесть раз арестовывали, трижды суд для несовершеннолетних осуждал его на разные сроки тюремного заключения. Прогрессивные люди в США и в других странах мира были возмущены действиями американских властей. Советские пионеры первыми развернули кампанию за освобождение Гарри Айзмана. В нее включились пионерские организации других стран мира. Эта мощная кампания солидарности увенчалась успехом: власти были вынуждены выпустить Гарри из тюрьмы и разрешили ему покинуть США. В декабре 1930 года самый юный американский политэмигрант, шестнадцатилетний Гарри Айзман, приехал в СССР. На этой странице ты видишь значки из коллекции Гарри Айзмана, посвященные борьбе за мир и солидарность, против войны и голода.

Снова в Америке: БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Я расстался с близкими мне людьми, с друзьями и родными, когда был чуть постарше вас: мне не было и шестнадцати лет. Сейчас в США живут три мои сестры, брат и другие родственники. Я очень хотел снова увидеться с ними.

Все годы я внимательно следил за борьбой трудящихся США против капиталистов, за выступлениями американской молодежи, за положением детей в стране. Долгие годы я не мог побывать в США. Была война, потом «холодная война», во время которой в Америке жестоко преследовали коммунистов. Когда отношения СССР и США улучшились, наступила, как говорят взрослые, разрядка напряженности, получив приглашение от сестры и визу на выезд, я через сорок три года снова оказался в Америке.

Прежде всего мне захотелось побывать в тех местах, где проходило мое пионерское детство. Увидеть, узнать, как живут американские дети, ваши сверстники.

Я расспрашивал своих друзей: изменилось ли что-нибудь в жизни бедняков Америки с 20—30-х годов? Мне принесли газету «Нью-Йорк таймс». С фотографии на меня смотрел грустный, изможденный мальчик. В его семье еще девять детей, мать и дедушка. Жи-

вут они в ветхом бараке, в одном из маленьких городков штата Алабама. Вся семья постоянно голодает, и нет никакого выхода из этого положения.

Таких голодающих детей в Америке очень много. В газете американских коммунистов «Дейли уорлд» сообщалось, что в Нью-Йорке на Колумбос-авеню ежедневно шестьсот детей бедняков бесплатно получают пищу. Эти деньги собрали прогрессивные организации США и открыли на них кухни, чтобы кормить голодающих детей.

Тяжелое положение детей в бедных семьях стало государственной проблемой в Соединенных Штатах. На совещании, посвященном ее решению, присутствовал вице-президент США. И там маленькая девочка Франсиа О'Доннэл, взобравшись на стул, чтобы ее лучше было видно, обратилась к вице-президенту с такими словами:

— Мы бедные, очень бедные люди. У нас нет денег на еду, нет денег на одежду. У нас нет денег на врачей. Помогите нам!

Я не мог и предположить, что положение настолько серьезно: сейчас в США 25 миллионов человек живут в нужде, ежедневно 9—10 миллионов детей приходят в школы голодными. Эти сведения опубликовало пра-

вительство США. В то же время оно не хочет помогать нуждающимся.

Мне вспоминается карикатура в одной из газет. На ней изображено, как повар в колпаке, на котором написано «Конгресс», втискивает в рот президенту бутерброд. Что это значит?

По всей стране проходила кампания помощи голодающим детям безработных. (Она продолжается и сейчас.) И конгресс США принял решение выделить денежные средства на завтраки для голодных ребят. Президент США (в то время Форд) отменил это решение. Конгресс второй раз проголосовал за свой законопроект. Только после этого дети безработных стали получать в школах завтраки. Но одним завтраком сыт не будешь...

В Америке более двух миллионов детей не ходят на занятия. У одних нет одежды, у других — обуви. Многие из них работают. Детский труд в США используется широко. За несколько месяцев до моего приезда в Америке вышла книга «Потогонная система под солнцем», целиком посвященная детскому труду в США. В ней есть фотографии семилетних детей, работающих в поле.

В газетах вы читаете сообщения о борьбе трудящихся Америки за улучшение своей жизни. Ребята в этой борьбе выступают вместе со взрослыми. В печати я часто видел снимки, сделанные на демонстрациях. На этих снимках много детей. Например, на одной фотографии мальчик Дэн Маклоу из города Детройта нес большой плакат со словами «Моему папе нужна работа!». На другой фотографии была снята демонстрация учителей и школьников города Трентона. Они возмущались тем, что власти сокращают средства на образование.

Когда я был в Америке, во всех концах страны проходили забастовки учителей, которые требовали улучшения условий их труда и быта. Дети очень помогали своим преподавателям. Школьники Хартфорда, Нью-Джерси устраивали пикеты вместе с бастующими учителями, участвовали в походе за мир. Этот поход завершился массовой демонстрацией перед Пентагоном, военным ведомством США. Съехались около пяти тысяч молодых рабочих, студентов и школьников со всех концов США — из Нью-Йорка и Филадельфии, Лос-Анджелеса и Сиэтла — отовсюду, где бедствуют люди. Школьные оркестры возглавили колонны. Среди многочисленных лозунгов, которые несли демонстранты, выделялся огромный плакат учеников средней школы имени Кардоза: «Мы требуем права на образование, на обеспечение работой всех выпускников».

Пионеры многих стран мира участвуют в кампании солидарности с народом Чили. Мне было интересно, как действуют школьники из Соединенных Штатов.

В одной из американских газет мне попа-

лось на глаза такое письмо: «Недавно я распространил у себя в школе петицию. В петиции я призывал освободить Генерального секретаря Коммунистической партии Чили Луиса Корвалана и других политических заключенных этой страны. Из 115 учеников и учителей, к которым я обратился, 83 подписали петицию».

Вы можете сказать, что 83 подписи — это мало. Но надо быть мужественным человеком, чтобы в такой стране, как США, просить подписаться под требованием об освобождении коммуниста. Зовут этого мужественного мальчика (автора письма) Дж. Уилмор. Ребята, которые поставили свои подписи, — тоже смелые люди.

А вот что написала президенту США школьница Салли Терез: «Мне одиннадцать лет. Недавно я узнала, что в Чили 30 тысяч детей остались сиротами в результате переворота. Господин президент, не давайте денег фашистскому правительству Чили. Помогите лучше сиротам».

Советские ребята очень часто просят меня рассказать о пионерах Америки. Я очень рад, что в Нью-Йорке, Бостоне и Лос-Анджелесе вновь действуют пионерские отряды. Кидовцы Московского Дворца пионеров послали своим юным друзьям красные галстуки, пионерские значки и значки с портретом В. И. Ленина.

Во время моей поездки по Америке я был свидетелем такого случая. Мы с сестрой ехали в машине по Лос-Анджелесу. Вдруг сестра (она сидела за рулем) резко затормозила. Неожиданно нам преградил путь большой желтый автобус с надписью: «Школьный». Его заставила остановиться группа разъяренных расистов. Человек пятьдесят. В автобусе были негритянские дети, и хулиганы начали кидать туда камни, кирпичи, железные трубы. Такие безобразные сцены происходят по всей стране, но власти не наказывают расистов. Наоборот, репрессии часто обрушиваются на негритянских детей, если они оказывают расистам сопротивление. Из одной бостонской школы были исключены 33 ученика-негра за то, что они требовали равноправия с белыми учениками. Недавно Верховный суд США отклонил план введения обязательного совместного обучения черных и белых учеников в школах Индианаполиса (штат Индиана). Во многих других штатах черные и белые дети тоже учатся отдельно, хотя в 1954 году тот же Верховный суд признал расовую сегрегацию в области просвещения нарушением Конституции.

Американские комсомольцы и пионеры призывали и призывают школьников не поддаваться провокациям расистов, продолжать борьбу за совместное обучение. И борьба продолжается. В ней участвуют тысячи ребят.

Гарри АЙЗМАН

/МАЛИ/

ДАВИД
КАМАРА

/ПОРТУГАЛИЯ/

АЛФРЕДО
СИЛЬВА

Их подружил «Артек»

Однажды на берегу моря мечтали о будущем друзья... Они сидели на теплой гальке, обхватив руками колени, они слушали, как шуршит море у ног, они следили за чайками, улыбались солнышку и вели разговор сразу на трех языках. Они прекрасно понимали друг друга.

Нет, это не начало сказки, это было. Только разговор их я не расслышала, но давайте вместе представим, о чем он мог быть.

Итак, они сидели на берегу Черного моря. Давид Камара из Мали, Альфредо Сильва из Португалии, Алла Жарылгасымова из Казахстана и Миша Супрунук из Ялты. В «Артеке» шла международная смена.

Они мечтали о том, чтобы на всей Земле был мир и никогда не было войн, чтобы все дети планеты могли ходить в школы. Зимой ребята изучали бы разные науки, чтобы потом возводить города, исследовать моря, выращивать сады и строить огромные корабли, совсем как тот, что серебрится сейчас на солнце. А летом все

дети планеты отдыхали бы в лагерях, таких, как «Артек». И, конечно, эти детские лагеря раскинулись бы на берегах теплых морей. Ведь есть же страны, где моря нет, Мали, например. А в северных странах — холодные моря, не купаешься. И еще, чтобы дети Земли никогда не голодали.

Пока они мечтали, на артековский пляж пришел художник Борис Анатольевич ШОЛОХОВ.

Сначала он рисовал море, чаек, серые скалы. Потом к нему стали подбегать ребята, заглядывать через плечо в этюдник, трогать тюбики с красками. Тогда художник раскрыл папку с чистыми листами и зарисовал нескольких пионеров. И Давида, Сильву, Аллу и Мишу тоже. Они получились совсем как в жизни: Алла — смешливая, Давид — чуть насторожен, Альфредо — немножко грустный, немножко застенчивый, а Миша смотрит исподлобья. Но он добрый!

М. МАТВЕЕВА

АЛЛА ЖАРЫЛГАСЫМОВА /КАЗАХСТАН/

МИША СУПРУНУК /ЯЛТА/

Фонд Мира

23—25 октября далекого 1923 года, когда пионерская организация нашей страны делала свои первые шаги, в Германии, в Гамбурге, началось знаменитое восстание рабочих. На борьбу их вел отважный сын немецкого народа Эрнст Тельман. Три дня и три ночи рабочие героически сражались на баррикадах. Не хватало оружия. Мало было патронов. Но рабочие стойко обороняли свои рубежи. Восстание потерпело поражение. Начались преследования тех, кто боролся против власти капиталистов. И тогда во всем мире развернулась кампания помощи германским трудящимся и их детям. Вот что писал журнал «Пионер» в марте 1924 года в своем первом номере: «Пионер, спеши! Теперь, когда голод гуляет среди детей Германии и вырывает сотни ребят из рядов, мы должны оказать им помощь. Материальную помощь голодающим детям уже начал оказывать Международный

миссии, приступили к осуществлению этой задачи.

Нужно всем пионерским фронтом двинуть дело помощи.

ТАК НАЧИНАЛАСЬ ПЕРВАЯ МАССОВАЯ КАМПАНИЯ СОЛИДАРНОСТИ ПИОНЕРОВ СТРАНЫ СОВЕТОВ.

В этом же номере «Пионер» сообщал: «Москва, Хамовнический район. Советом вожатых звеньев района организована фондовая комиссия из 5 лиц. Комиссия начала работу с того, что закупила 2 тысячи жетонов — значков вождей революции. От продажи жетонов выручила 5 червонцев...»

ПЯТЬ ЧЕРВОНЦЕВ — ВОТ КАКОВ БЫЛ ОДИН ИЗ ПЕРВЫХ ВЗНОСОВ СОВЕТСКИХ ПИОНЕРОВ В ФОНД ПОМОЩИ ГОЛОДАЮЩИМ ДЕТЯМ ГЕРМАНИИ. А затем со всех концов страны начали поступать средства для рабочих Германии и их детей — от ребят Пензы, Харькова, Брянска...

комитет помощи рабочим. В рабочих районах Германии открыты столовые для детей и т. д.

Юный пионер!

Помни, что этой помощи, которую оказывает Международный комитет помощи, несмотря на ее огромное значение, недостаточно. Нужна помощь всех сознательных трудящихся. Некоторые звенья и отряды уже поняли необходимость помощи и, создав ко-

С тех пор прошло много лет, но твоя пионерская организация (а значит, и ты) верна интернациональной дружбе, активно участвует в международных акциях солидарности. Когда героический народ Вьетнама сражался против американских агрессоров, все люди доброй воли протянули много-страдальному народу братскую руку помощи. И дети мира — тоже. Пионеры Франции собрали

пять миллионов франков. Дети Венгрии отправили в Ханой велосипеды и транзисторы, ребята Чехословакии — пять вагонов школьных принадлежностей. Советские пионеры — два теплохода с подарками, лекарства для детского госпиталя в Ханое.

А теперь запомни вот этот адрес: **МОСКВА, КРОПОТКИНСКАЯ, 10, ФОНД МИРА.** Вот уже много лет почта приносит сюда тысячи писем. Вместе с ними денежные переводы, ценные посылки, бандероли. Шлют свои трудовые сбережения шахтеры и строители, металлурги и ученые. По этому же адресу поступают переводы от пионерских дружин и отрядов. Каждый месяц в Фонд Мира поступала зарплата легендарного Александра Матросова. Его включила в свой коллектив бригада строителей Красноярской ГЭС из Дивногорска. Рабочие выполняли норму за Александра Матросова, а заработанные деньги переводили в Москву. Такими же вкладчиками являются бригады, в которых числятся по списку: Юрий Гагарин, Зоя Космодемьянская, Сергей Тюленин, Дмитрий Карбышев, Рубен Ибаррури...

Советский Фонд Мира помогает народам Вьетнама и Чили, арабских стран, демократическому движению в Азии и Африке. Советские теплоходы доставили во Вьетнам продукты, медикаменты, санитарные машины, ткани, купленные на средства Фонда Мира. Арабские беженцы получили палатки, а население Перу, пострадавшее от землетрясения, — целую улицу из сборных домов. И деньги, заработанные твоим отрядом и перечисленные в адрес советского Фонда Мира, идут на помощь тем, кто борется за свободу и независимость, пострадал от стихийных бедствий.

Сейчас многие пионерские лагеря, участвуя в акции «Солидарность», проведут «трудовые десанты», субботники и воскресники. Напоминаем, что заработанные средства можно перечислить по адресу: **МОСКВА, УПРАВЛЕНИЕ ПО КАССОВОМУ ИСПОЛНЕНИЮ ГОСБЮДЖЕТА СССР, СПЕЦСЧЕТ ЦК ВЛКСМ 700409.**

Акция «СОЛИДАРНОСТЬ» продолжается!

ПОЧТА ДРУЖБЫ!

Н. БЕЛОВ

1625 ПИСЕМ! На русском и испанском, короткие и длинные и самое главное — искренние, от всего сердца. И везде: «Здравствуй, дорогой друг!», «Давай дружить!». О чем бы ни писали ребята: о своем городе, отряде или КИДе, — всюду, в каждом письме желание установить дружбу, для которой ни дальние километры, ни расстояния не помеха. «Хочется представить то счастливое будущее, когда людям не нужно будет решать вопросы о международной разрядке, о гонке вооружения, о ненападении одной страны на другую. И чтобы весь национальный доход каждого государства использовался только для блага народа в мирных целях. А чтобы узнать о делах, например, своих кубинских друзей, достаточно было нажать кнопку компьютера...» Это строки из письма тобольского пионера Сергея Дорохина.

Вместе с письмами ребята посылают кубинским друзьям подарки. Они не куплены в магазинах, а сделаны своими руками. Видно, что ре-

бята хорошо подумали о том, какие поделки могут порадовать кубинских друзей.

Лена Антонова из Липецка прислала куклу, наряженную в форму кубинских пионеров. Форму Лена сшила сама. Интересный подарок сделали ребята из Иркутска. Они поняли, что на Кубе, где никогда не бывает зимы, вероятно, не все представляют себе, что такое Сибирь с ее суровой природой, что такое кедрач и кедровые орехи, и, наверное, никогда не видели сибирской белки. Вот и смастерили сибиряки белку, очень похожую на настоящую. Она как живая. мех у нее серебристый, а на груди белый галстучек. Она сидит на суке кедрача, и перед ней — кедровая шишка. Кажется, белка вот-вот схватит ее своими лапками.

Света Первухина из Тюмени искусно выжгла на фанере картину штурма казарм Монкадо. Барбудос атакуют бастион. Впереди с карабином в руках Фидель Кастро Рус.

В своих работах ребята передают чувство ува-

жения и любви к кубинскому народу, к своим сверстникам — кубинским пионерам. Вот почему с радостью отсылаем мы все письма и подарки советских пионеров делегации кубинских пионеров, которая приедет к нам в Со-

ветский Союз на Международный детский фестиваль «Пусть всегда будет солнце!». Несколько самых интересных писем из Почты Дружбы мы печатаем в этом номере, чтобы и ты мог с ними познакомиться.

Я живу на Украине...

В городе Донецке. В этом году ему исполнится 107 лет. Он вырос из старого маленького поселка Юзовка и стал большим научным и культурным центром Украины. Донецк — красивый город. Улицы широкие и чистые. Площади просторные. Много памятников, декоративных и скульптурных ансамблей. Во дворах — спортивные площадки, корты, стадионы...

На главной площади, она носит имя Владимира Ильича Ленина, целая плантация роз. Скульптура Владимира Ильича установлена на высоком черно-сером гранитном постаменте. На гранитной ступеньке всегда живые цветы. К памятнику Ленина приходит много людей. У фонтана любят играть дети...

Город продолжает строиться и расти. А наши донецкие шахтеры прославляют его своим трудом. Вся страна помогает нашим шахтерам давать на-гора́ как можно больше угля. Донецкие шахты получают крепежный лес из Сибири, мостовые краны — из Узбекистана, аппаратуру — из Риги. И это самый убедительный рассказ о дружбе народов в нашей стране.

В нашем городе живет много Героев Советского Союза и Героев Социалистического Труда. Мы приглядываемся к их жизни, к их работе и стараемся быть похожими на этих людей, которые любят свой труд, борются за мир, правду и свободу на всем земном шаре.

Оля Буровцева,
г. Донецк.

Мы из Воронежа...

Из того самого города, который полностью был разрушен и сожжен фашистами в годы войны. Когда наши войска освободили Воронеж, враги, убираясь восвояси, хвастались, что на его восстановление потребуется 50 лет. А наши отцы и деды отстроили город заново за пять лет. И он стал еще краше, чем был раньше.

У нас есть большое водохранилище, мы на-

зываем его Воронежским морем. Много парков, зелени и цветов. Чуть ли не на каждой улице школа или техникум, различные профессиональные училища и институты, а в нашем университете учатся студенты со всех континентов. Поэтому Воронеж называют еще городом студентов. Понравился он и Фиделю Кастро, когда он приезжал вместе с Алексеем Николаевичем Косыгиным в 1972 году посмотреть атомную станцию — Нововоронежскую.

Через два года на Кубе гостил Леонид Ильич Брежнев. Когда Леонид Ильич вместе с Фиделем Кастро приезжали на торжественное открытие вашей прекрасной школы-интерната, он передал в дар кубинским ребятам оборудование для учебных кабинетов. И выразил уверенность, что выпускники школы имени Ленина будут достойными продолжателями дела своих отцов и матерей и приумножат социалистические завоевания своей прекрасной Родины.

Дорогие друзья! Мы знаем, что по приглашению Леонида Ильича пятьдесят отличников вашей школы ежегодно приезжают к нам в Советский Союз и после отдыха в пионерских лагерях посещают некоторые города нашей страны. Мы приглашаем вас побывать и у нас в гостях, познакомиться с нашим городом, с нашими пионерами и комсомольцами. Мы примем вас как самых дорогих гостей.

Таня Мещерина и Олег Соколов,
г. Воронеж.

Мы — с острова Сахалин...

Иногда его называют еще жемчужиной Дальнего Востока. Если внимательно поглядеть на карту, то кажется, что Сахалин очень похож на остров Свободы. Только Сахалин напоминает лососевую рыбу — горбушу, а ваш остров — крокодила. Ни рыба, ни крокодил не могут жить без воды, а мы, ребята, не можем жить без дружбы. Давайте дружить!

У нас на острове есть красивые города: Южно-Сахалинск, Холмск, Макаров. Но больше всех мы любим наш маленький, постоян-

но растущий город Чехов. В каждом городе у нас много школ, библиотек, домов пионеров. Когда на Сахалин приходит весна, мы выезжаем на поля. Там помогаем взрослым сажать картофель и капусту, сеять морковь, а осенью собираем урожай.

В нашей школе есть клуб интернациональной дружбы. Сейчас мы пристально всматриваемся в строки журналов и газет, ищем материалы, которые помогут нам лучше узнать вашу страну и вашу жизнь.

Мы знаем, что на XI Всемирный фестиваль молодежи и студентов съедутся посланцы всех континентов. Сколько интересных встреч произойдет летом 1978 года, сколько будет спето песен! Вся наша молодежь и пионеры готовится к празднику на Кубе. Недавно прошло заседание нашего клуба. Ребята рассказывали о героях кубинской революции: Хосе Марти, Хулио Антонио Мелья, Фигеле Кастро, легендарном Эрнесто Че Геваре... А как вы готовитесь к Фестивалю-78? Напишите. Ждем ваших вестей.

Наташа и Марина Маврины,
г. Чехов, о. Сахалин.

А у нас в Волгограде...

Сейчас лето, и глинные-предлинные улицы и проспекты—все в зелени. По Волге снуют белые катера, проплывают пароходы, на палубах всегда много туристов, все любят лесными берегами великой реки. Над Мамаевым курганом небо синее-пресинее...

Но мы никогда не забываем, что на этом историческом месте сто дней и ночей беспрерывно рвались снаряды и бомбы и погибли тысячи людей, защищавших нашу свободу и независимость. После войны ученые подсчитали, что на каждый квадратный метр этого клочка земли упало около 1200 осколков от снарядов. Говорят, каждую весну, когда на кургане сеют траву и сажают цветы, до сих пор люди находят осколки и гильзы. На кургане всегда тихо, и много цветов, и скорбно звучит реквием Шуберта в Пантеоне славы, как наказ живым — беречь мир.

Мы приходим на Мамаев курган учиться мужеству у солдат, которые здесь сражались с фашистами и победили.

Андрей Фомиченко,
г. Волгоград.

ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!

2315 работ пришло в ответ на викторину «Наш друг — Республика Куба, наши друзья — кубинские пионеры».

Жюри подводит итоги конкурса. Чьи работы окажутся лучшими? Мы сообщим об этом в ближайших номерах «Пионера».

Этот флаг составлен из галстуков пионеров разных стран. Такие флаги поднимают во всех лагерях «Артека» в День мира, дружбы и солидарности.

— Перед американским обществом стоит много проблем. Одна из самых жгучих — расовая и национальная рознь. В своей организации мы стараемся искоренять всякое проявление расовой неприязни. И мы надеемся, что вопросы о равенстве детей с разным цветом кожи будут обсуждены на фестивале в Советском Союзе.

ГЕРБЕРТ ЛОУИ,
помощник директора
по программам Клуба мальчиков.

— Сейчас перед международным детским движением стоят благородные задачи: сплочение детей всего земного шара в борьбе за мир, справедливость, за права детей.

В нашей организации «Весайсет» дети ожидали фестиваль с нетерпением. Они участвовали в конкурсах детского рисунка на тему «Пусть всегда будет солнце!».

Мое пожелание всем ребятам: «Пусть всегда будет солнце!»

РАЙА ХЮВЯРИНЯК, Финляндия,
секретарь детской организации
«Весайсет».

Финские ребята любят зиму, любят снег. Они прекрасные конькобежцы, отлично ходят на лыжах. А когда выпадает много снега, ребята дружно помогают водителям вытаскивать машину из сугроба.

Польские харцеры изучают устройство полевой радиостанции.

ВАШИ ПРИВЕТСТВИЯ ШЛИТЕ ПО АДРЕСУ: КРЫМ. «АРТЕК». ФЕСТИВАЛЬ.

Николай АСЕЕВ

МАРШ БУДЕННОГО

С неба полуденного
жара не подступи,
конная Буденного
раскинулась в степи.

Не сынки у маменек
в помещичьем доме,
выросли мы в пламени,
в пороховом дыму.

И не древней славою
наш выводок богат —
сами литься лавою
учились на врага.

Пусть паны не хвастают
посадкой на скаку, —
смелем рысью частою
их эскадрон в муку.

Будет белым помниться,
как травы шелестят,
когда несется конница
рабочих и крестьян.

Все, что мелкой пташкою
вьется на пути,
перед острой шашкою
в сторону лети.

Не затеваем бой мы,
но, помня Перекоп,
всегда храним обоймы
для белых черепов.

Пусть уздечки звякают
памятью о нем, —
так растопчем всякую
гадину конем.

Никто пути пройденного
назад не отберет,
конная Буденного,
армия — вперед!

1923 год.

ИСТОРИЯ В КАРТИНКАХ

В стихах
и бронзе...

«МЫ — КРАСНАЯ КАВАЛЕРИЯ...»

В стихах и бронзе, в песнях и сказаниях воспел советский народ подвиги Первой Конной армии. А совсем недавно на львовской земле в память о погибших здесь красных конниках установлен вот этот необычный монумент.

...В синеву неба устремились летящие кони с всадниками. Кажется, будто несутся они в атаку с высокого кургана и вот-вот зазвучит над степью песня:

**Мы — красная
кавалерия
и про нас
Былинники речистые
ведут рассказ.
О том,
как в ночи ясные,
О том,
как в дни ненастные,
Мы гордо,
мы смело в бой идем!**

Вспомним историю этого героического боевого соединения — Первой Конной армии.

Шел 1918 год. С юга и севера, с востока и запада наступали на Страну Советов белогвардейцы и их союзники. Англичане захватили Архангельск. Японцы высадились во Владивостоке. Украину заняли германо-австрийские дивизии.

Зимой 1918 года в боях под Петроградом рождаются первые части Красной Армии. В то же время на Украине большевик Климент Ефремович Ворошилов возглавляет 1-й Луганский социалистический отряд. Вокруг него сплываются красногвардейские отряды Украины, Дона, Донбасса.

Вскоре к ним присоединяются стихийно возникшие на Ставрополье добровольные отряды конных партизан под командованием бывшего батрака Семена Михайловича Буденного.

Ряды красной конницы растут стремительно: весной 1918 года в отрядах было

700 бойцов (или 700 сабель, как тогда говорили), к осени — 1800, а через год — шесть тысяч!

Свои боевые качества, свою преданность революции конники Буденного показали уже осенью 1918 года в боях под Царицыном. «Здесь, на подступах к Красной крепости Юго-Востока России — Царицыну, родились, выросли и закалились те бойцы и вожди, которые впоследствии составили ядро 1-й Конной армии. Здесь в жестоких схватках с сильнейшим врагом выработались те приемы и навыки, которые создали славу 1-й Конной армии, луч-

под Воронежем и Касторной, Врангеля в Крыму и в Северной Таврии, польских панов на всем пути от Киева до Львова. Когда Первая Конная прорвала хорошо укрепленный польский фронт, это, по свидетельству главы Польского государства генерала Пилсудского, потрясло всю Польшу. Каждый конармеец знал, за что он борется, знал, что от его успехов зависит судьба великой социалистической революции. И это делало красную конницу непобедимой.

О подвигах Первой Конной слагались народные песни, сказки, даже былины. Неко-

1920 год. Части Первой Конной в походе.
Впереди плечом к плечу два всадника — комиссар и начдив.

шей конницы в мире», — писал Михаил Васильевич Фрунзе.

17 ноября 1919 года Реввоенсовет Республики решил создать на базе конного корпуса Буденного крупное ударное соединение — Первую Конную армию.

Славным был путь Первой Конной. Сокрушительным тараном обрушивалась она на врагов революции, острыми саблями, безудержной смелостью добывала победу и на Южном, и на Кавказском, и на Юго-Западном фронтах.

Бойцы Первой Конной били Деникина на Украине, генералов Мамонтова и Шкуро

которые из них живы по сей день, передаются из уст в уста. Замечательный советский поэт Николай Асеев посвятил коннице Буденного главу из поэмы о гражданской войне. Потом эти стихи стали песней, которую любят и поют до сих пор.

А у памятника Первой Конной собираются сотни людей, чтобы почтить героев гражданской войны. Величественный монумент — символ бессмертной славы тех, кто в тяжелейших сражениях гражданской войны отстоял первое в мире государство рабочих и крестьян.

Э. ГУСЕВА

Ведет
журналист-
международник
Вл. ВАСИЛЬЕВ

МАРШРУТАМИ

В будущем году
в столице
Республики Куба
Гаване состоится
XI Всемирный
фестиваль молодежи
и студентов.
Мы расскажем вам
в очередных
выпусках
«Пресс-центра»
о десяти
Всемирных
фестивалях.

Рядом с отцами—их дети

Демонстрация, которая состоялась в Париже, была необычной: в первом ряду демонстрантов, крепко взявшись за руки, шли дети, и малыши и старшеклассники. На груди у каждого из них плакат со словами: «Дайте работу моему папе!».

Владелец буржуазной газеты «Паризьен либере» миллионер Амори объявил об увольнении пятисот типографских рабочих и тем самым обрек их на голод и нищету. Рабочие в знак протеста заняли типографию, где печаталась газета, и заявили, что не освободят ее до тех пор, пока не будет отменено незаконное решение.

Так два года назад началась самая долгая в истории французского рабочего движения забастовка. Хозяин не раз пытался прогнать рабочих из занятой ими типографии. Однажды по его приказу подожгли здание, где собрались на совет бастующие. Амори подавал на своих рабочих в суд, обращался к помощи полиции.

Бастующих поддержали рабочие других отраслей промышленности. Они собирали деньги в помощь семьям бастующих, проводили митинги и демонстрации. В Париже на демонстрацию вместе со взрослыми вышли дети.

Рабочие типографии «Паризьен либере» продолжают борьбу за право на труд. За ней с надеждой и тревогой следят их дети. Забастовка стала для ребят уроком классовой борьбы.

Е. КАРАСЕВА

В 1946 году сессия Совета Всемирной Федерации демократической молодежи приняла решение о проведении первого Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Париже. Но французское правительство всячески противодействовало этому, и фестиваль состоялся в столице Чехословакии Праге.

Ровно тридцать лет назад на пражском стадионе «Страгов» — во время торжественного открытия I Всемирного фестиваля молодежи и студентов — прозвучала песня Анатолия Новикова на слова Льва Ошанина, ставшая Гимном демократической молодежи.

Дети разных народов,
Мы мечтою о мире
живем,

В эти грозные годы
Мы за счастье
бороться идем.

В разных землях
и странах,

На морях, океанах
Каждый, кто молод,
Дайте нам руки,
В наши ряды, друзья!

Из 71 страны приехали тогда в столицу Чехословакии 17 тысяч юношей и девушек. Труден был путь многих делегатов. Так, например, одному из членов австралийской делегации при-

ВСЕМИРНЫХ ФЕСТИВАЛЕЙ

шлось поступить матросом на грузовое судно и плыть 80 дней от Мельбурна до английского города Ливерпуля и оттуда на заработанные деньги добираться до Праги. Правительства некоторых капиталистических стран мешали поездке юношей и девушек на фестиваль, многие из них приехали нелегально. А египетская делегация так и не попала на фестиваль: ее арестовали.

Фестиваль проходил вскоре после второй мировой войны. Многие делегаты с оружием в руках сражались с фашизмом. Газета «Комсомольская правда» провела анкету среди делегатов, и вот что они ответили на вопрос: «Что вы делали во время войны?».

Леонид Мешков, русский: «Командовал разведывательным взводом».

Бертолини Альмо, итальянец: «Был комиссаром партизанского отряда в Альпах».

Анна Георгиева, болгарка: «Распространяла антифашистские листовки».

Сонзет Альфонс Антони, француз: «Вместе с товарищами горняками сражался в партизанском отряде».

Эти юноши и девушки знали, что такое война, и поэтому не случайно девиз фестиваля был: «Молодежь, объединяйся в борьбе за прочный мир!».

На фестивале проходили митинги солидарности с молодежью Индонезии, борющейся с голландскими колонизаторами, и молодежью Испании, борющейся с фашизмом. Делегаты участвовали в восстановлении разрушенной фашистами дотла чехословацкой деревни Лидице. Тема мира и солидарности звучала в песнях, стихах молодых.

10 июля 1976 года. Жаркий день стоял над Италией. Дети городка Севезо в шортах и майках беззаботно играли на улицах и во дворах. И вдруг на химическом заводе «Икмеза» произошла катастрофа: облако диоксида — ядовитого газа — вырвалось наружу. Газ отравил все вокруг — асфальт, траву, листья деревьев. Но никто не предупредил об этом жителей. Дети продолжали играть, как и раньше.

Прошло пять дней, и сорок детей отравились диоксином. В том числе и четырехлетняя Алиса Сено, которую вы видите на снимке.

Врачи пока не знают, как помочь детям, как спасти их от отравления.

Жить в поселке опасно, так как власти все еще не очистили поселок от диоксида.

Владельцы завода пытаются сделать вид, что они ни при чем. Но жители Севезо настаивают на привлечении их к ответственности. Во время одной из демонстраций триста мужчин, женщин и детей с плакатами и транспарантами вышли на автотрассу Ком-Милан, чтобы привлечь внимание общественности к страшному бедствию, постигшему город.

С. МАКЕЕВ

Гнев Севезо

МАЛЕНЬКАЯ СТРАНА С БОЛЬШИМ БУДУЩИМ

**О Народной
Республике Бенин
рассказывает
журналист-международник,
заведующий редакцией
стран Африки ТАСС
Владимир КОРОЧАНЦЕВ.**

Бенин — маленькая страна на берегу Гвинейского залива, с населением около трех миллионов человек. Когда-то она называлась «Невольничий берег». Десятки миллионов местных жителей колонизаторы обратили в рабство и вывезли отсюда в Америку и Европу. В 1894 году они назвали «Невольничий берег» Дагомеей — по имени одного из находившихся на

его территории королевств — Дан-Оме. Но ничего не изменилось в судьбе населения.

Только в 1960 году Дагомея получила независимость. Но и на этот раз хозяевами страны остались французские и американские капиталисты. Им принадлежали все заводы и земли. К дагомейским президентам и министрам были приставлены советники-иностранцы, которые по

Народная Республика Бенин богата пальмовым маслом. Она вывозит его в другие страны.

своему усмотрению решали все государственные вопросы.

И вот в октябре 1972 года в стране вспыхнула революция, к власти пришло патристическое военное правительство во главе с майором Матье Кереку. Через два года оно объявило конечной целью развития страны социализм. В ноябре 1975 года правительство отказалось от старого названия, наминавшего о колониальном прошлом. Теперь это Народная Республика Бенин.

Я побывал недавно в этой стране и воочию увидел новые приметы жизни. В городе Котону в книжном магазине прямо на моих глазах был раскуплен двухтомник В. И. Ленина. Произведения вождя нашей революции изучают здесь не только в университете, но и в средних школах. А ведь до 1972 года даже

хранение марксистской литературы каралось двумя годами тюрьмы.

С небывалым энтузиазмом трудятся сегодня бенинцы. Щедро вознаграждает рачительных тружеников плодородная земля. Здесь собирают хорошие урожаи риса, арахиса, кофе, сахарного тростника, маниоки, ямса, папайи, орехов кешью, табака.

Все банки, нефтяная промышленность, ряд промышленных предприятий теперь принадлежат государству. Созданы планы разработки известняка, нефти, каменного угля, золота и других полезных ископаемых.

Перемены в Бенине не по вкусу империалистам. В начале этого года они предприняли очередную, пятую за последние пять лет, попытку свергнуть прогрессивное правительство Матье Кереку. Но несмотря на то, что агрессоры

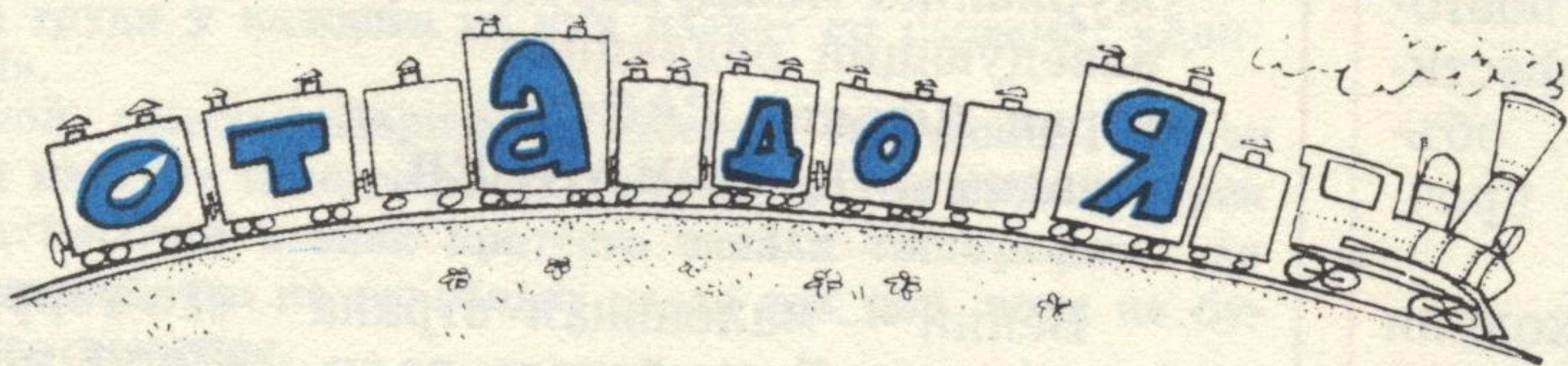
Живой... Шерлок Холмс

«Лондон, Бейкер-стрит, 221-б, мистеру Шерлоку Холмсу». Почти ежедневно по этому адресу почтальоны доставляют письма. Известно, что знаменитый сыщик Шерлок Холмс — литературный герой Конан Дойля. Писатель впервые познакомил читателей с Шерлоком в 1887 году, и с тех пор ему пишут письма, у него просят совета и помощи в раскрытии самых головоломных дел. Несколько жителей небольшого американского городка даже предложили сыщику тысячу долларов, если он возьмется найти таинственно исчезнувшего чиновника местного муниципалитета.

Теперь на Бейкер-стрит, 221-б, помещается контора одной строительной фирмы. И тем не менее корреспонденты всегда получают ответы на свои запросы. Не лишённые чувства юмора руководители фирмы поручили отвечать за Холмса секретарше. Как правило, в письмах она извиняется, что сыщик не может ответить лично, так как «в данный момент находится за границей, расследуя сложное дело».

ры были вооружены самым современным оружием, народные вооруженные силы Бенина обратили их в бегство.

— Наша страна по своим очертаниям похожа на молот. Поверьте мне, это в самом деле молот, поднятый могучей рукой народа против империалистов и их пособников. Мы не выпустим оружия из рук, пока не победим в тяжелой, но благородной борьбе за счастье народа, за социализм, — сказал мне на прощание один из руководителей этой героической страны.

КЛАССОВАЯ БОРЬБА — борьба класса угнетателей и класса угнетенных. В капиталистическом обществе такие враждебные классы — пролетариат и капиталисты. Хозяева фабрик, заводов, земель и банков все свои прибыли получают за счет труда рабочих. Пролетариат всегда боролся за лучшую долю.

Сейчас, когда капиталистическое общество охвачено жестоким кризисом, когда непрерывно растут безработица, повышаются цены на товары и продукты питания, все новые и новые отряды пролетариев вступают в борьбу с эксплуататорами.

ЗАБАСТОВКА — испытанное оружие борьбы рабочих с капиталистами. Забастовщики прекращают работу. Останавливаются фабрики, заводы, транспорт. И тогда рабочие требуют у хозяев улучшения условий труда, сокращения рабочего дня, повышения заработной платы. Капиталисты часто бывают вынуждены идти на уступки. Но не всегда забастовщики добиваются своего. В капиталистическом обществе интересы буржуазии охраняют законы, полиция, армия. Нередко забастовки заканчиваются вооруженными столкновениями с жандармерией и войсками.

Когда на помощь бастующим то-

варищам приходят рабочие других предприятий, забастовка охватывает целую отрасль или несколько отраслей промышленности.

ФЕСТИВАЛЬ — по-латински это слово означает «веселый», «праздничный». Музыкальные фестивали возникли в конце XVIII века в Германии. В наши дни широко распространены ежегодные фестивали музыки, киноискусства, эстрадной песни и другие. С 1947 года проводятся Всемирные фестивали молодежи и студентов — это смотр политического единства и солидарности юных.

Сколько он стоит?

И. ТОКМАКОВА

В гостиничном номере, куда мы прибыли, на 55-й улице Нью-Йорка, на подушку была положена какая-то бумажка. Как странно ее поместили! Обычно всякие объявления и разъяснения, номера телефонов и меню «снэк-баров» выкладывают на бюро, на журнальный столик, на худой конец, лепят на дверь, чтобы не унесли постояльцы.

Я прочла отпечатанный синей типографской краской текст. Он даже был помещен в красивую рамочку. В нем говорилось, что, мол, уважаемые гости, прежде чем лечь спать, не забудьте не только зашелкнуть замок, но и накинуть цепочку. Так безопаснее.

Поскольку дома в Москве я иногда утром обнаруживаю, что вообще забыла хоть как-нибудь запереть на ночь дверь своей квартиры, это воззвание меня обескуражило. Неужели тут такой бандитизм?

Я поспешно захлопнула замок, накинула цепочку... Во втором часу ночи меня разбудили крики, беготня, визг, стук в стену. Мне показалось, что за стеной кого-то убивают. Забыв об осторожности, я кинулась на помощь. Но спасти никого не потребовалось. Оказалось, что это веселятся, беснуются, орут школьники, дети богатых родителей, приехавшие в Нью-Йорк на экскурсию. Я попросила их вести себя «поцивилизованнее». На пять минут воцарилась тишина. Потом все повторилось снова. Я снова вышла в коридор. Они вызвали мое любопытство и недоумение — эти здоровые, откормленные юнцы и девчонки, находящие удовольствие в таком тупом веселье.

Тогда, в ту беспокойную ночь в Нью-Йорке, мне вспомнилась недавно прочитанная, вышедшая в 1970 году и выдвигавшаяся на международную премию Андерсена книга американской писательницы Айрин Хант «Недобрый ветер». В ней рассказывается о США тридцатых годов, о времени жесточайшего кризиса, поразившего в те годы эту страну. На улицах городов — толпы голодных людей, оборванных, измученных беспросветной нищетой, готовых на любую работу. И — затравленные, голодающие дети.

Нет, не потому вспомнила я эту книгу, что Америка 70-х годов на-

поминает Америку 30-х. Сейчас эта страна выглядит по-другому, хотя мне во время поездки довелось разговаривать с людьми, безнадежно ищущими работу, хотя газеты, которые я по утрам просматривала, пишут о растущей безработице, инфляции (обесценивании доллара) и дороговизне. По другим причинам вспомнила я героев этой книги — пятнадцатилетнего Джоша, маленького Джоя, безвременно погибшего нежного и отзывчивого Хови. Голод выгнал их из-под родного крова. Голод ожесточил их даже против родителей. Но он не отнял у них самого главного — они не перестали быть людьми. Они сохранили свое человеческое лицо, и никакие лишения не смогли исказить его и превратить в звериную гримасу.

Духовная сторона человеческой жизни — способность к состраданию, вера в добро, восхищение прекрасным продолжали в них жить. Джош был одаренным пианистом, и духовное это богатство свое — музыку — пронес с собой через все муки и скитания. Маленький Джош свято хранил доставшееся ему от Хови банджо. Он научился на нем играть. И хотя его несчастное маленькое тело было доведено почти что до смертельной грани, музыка продолжала в нем жить. Музыка, которая в данном случае и автору нужна была как символ подлинной духовной ценности человека.

Да, США переживают сейчас экономически не очень благополучное время. Но не потому вспомнилась мне книга «Недобрый ветер», что противное слово «тэкс» — налог — влезает в ваш кошелек и грабит вас дополнительно к цене товара, даже если вы покупаете всего лишь пакетик жевательной резинки. А потому что эти орущие, сытые, сами пока еще ничего не заработавшие юнцы вернули меня мыслью к тем ребяташкам — голодным, но несущим прекрасное в своей душе.

США после того страшного периода депрессии 30-х годов переживали разные времена — и процветания и спадов. В мире капитализма стабильности нет. Но понемногу коммерческий дух все больше и больше завладевал людьми, он вытеснял из их души привязанность к духовным ценностям, заменяя слово «красота» словом «доллар».

Для среднего американца стало важнее купить стиральную машину новейшей марки и застелить немодный паркет модным пластиком, чем насладиться музыкой, ощутить красоту литературного произведения.

О человеке стали спрашивать «Сколько он стоит?», определяя его достоинство по доходам.

И как и тогда, дети опять уходят из дому, теперь уже не потому, что в доме нет куска хлеба, а потому что в атмосфере накопительства душа их умирает от истощения. Проблема бездуховности жизни — это ведь тоже своеобразная проблема «голода». Голода духовного. А это не менее страшно.

Но часто, пока я находилась в США, вспоминалась мне эта книга и благодаря другой ее грани. В своих тяжелых скитаниях маленькие братья-музыканты встречали много добрых, сердечных простых людей Америки. И нам, советским писателям, совершавшим поездку по этой стране, посчастливилось побывать в простых домах, поговорить с людьми, которые хотят знать правду о нашей стране, которые знают, что возможна мирная, добрососедская жизнь на планете. А это значит, что разрядка напряженности, которую всячески стараются утвердить на земле наша страна, имеет в человеческих сердцах крепкую реальную почву.

Недобрый ветер

ПОВЕСТЬ

Айрин ХАНТ

Рисунки Н. ТОДОРОВА

Ссора с отцом

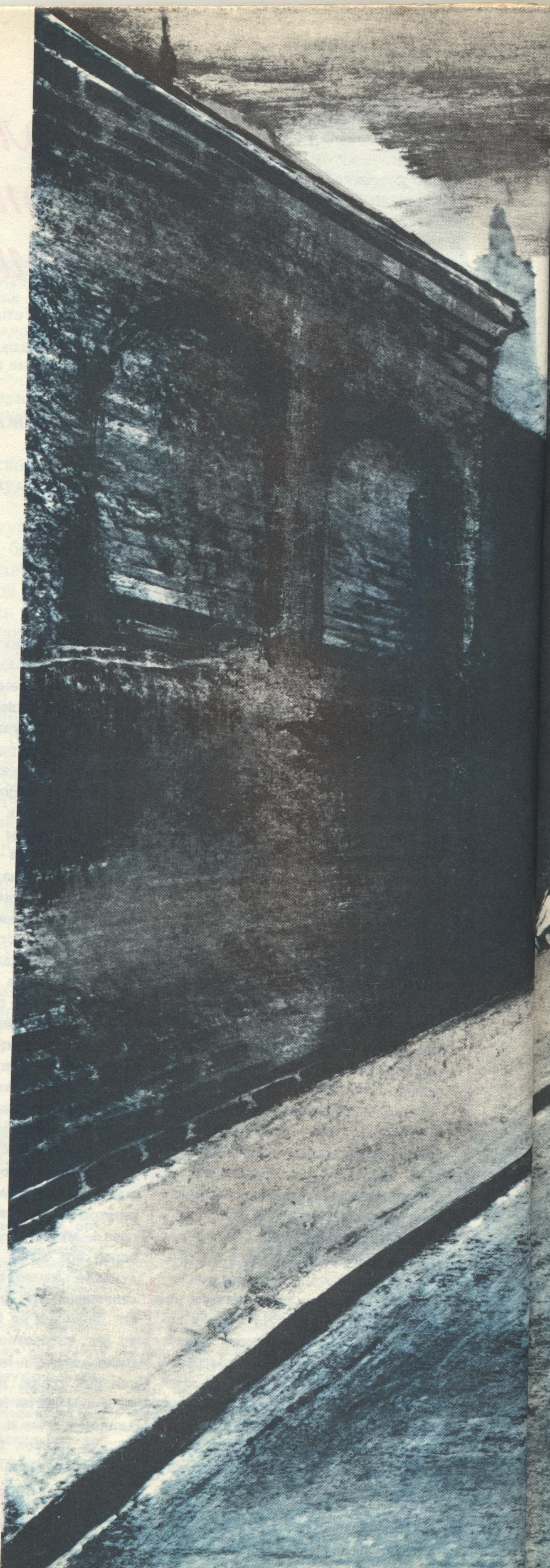
Будильник задребезжал без четверти четыре. Джой заворочался на своей половине кровати и, зевая, спросил:

— Хочешь, я тоже пойду, Джош?

Я потянулся к тумбочке, нажал на кнопку будильника, включил настольную лампу и снова откинулся на подушку. Было начало октября, за ночь подморозило, в кровати холодно и неудобно, с недосыпа настроение скверное. Джой вызвался мне помочь, но какой с него прок — три часа разносить газеты по темным улицам ему не под силу. Он сизмальства был заморышем, хотя упорства и храбрости ему не занимать. Стоит мне сказать, что беру его с собой, и через минуту он будет на ногах.

Но я промолчал. Он вздохнул и отвернулся, жмурясь от света. То ли это вздох облегчения — мол, можно спать дальше, то ли обиды — я ведь ему даже не ответил. Мне стало стыдно, я встал и накрыл его вторым одеялом. Он свернулся калачиком и сразу уснул.

Я оделся и сел в большое кресло у окна, стараясь не задеть скрипучую пружину в спинке. «Всего пять минут, — уговаривал я себя, — пять минуток посижу, пока не пройдет сон».

Наконец я заставил себя подняться. Доставка газет дает гроши, но и они на вес золота. Вот уже восемь месяцев отец без работы. Только вчера уволили по сокращению штатов сестру из конторы, где она проработала почти год. В нашей семье каждый цент на счету. Работа есть работа, нельзя ее терять, нельзя мне опаздывать...

Я спустился вниз, в кухне было темно, но я разглядел силуэт мамы, стоявшей у плиты.

— Зачем ты встала, ма? — сердито буркнул я. — Сколько раз просил...

Она дотронулась до моего плеча.

— Тише, Джош, отца разбудишь. Он всю ночь проворочался, всего часа два как заснул.

Мама протянула мне чашку с горячим молоком.

— На вот, выпей, а к семи часам приготовлю тебе чего-нибудь на завтрак.

Я уже перерос маму, и ей пришлось встать на цыпочки, чтобы меня поцеловать.

— Я так рада, что мисс Краун попросила тебя сыграть на школьном вечере. Молодчина, Джош!

— Приходи на вечер. В последнее время у нас с Хови стало здорово получаться.

— Я знаю. Очень хочется вас послушать, только все равно не смогу, так что уж лучше не говорить об этом. — Она отвернулась к плите и задвигала кастрюлями.

— Если хочешь, останься после уроков порепетировать. Никаких особых дел по дому как будто нет.

Мама дни напролет гладила белье в прачечной на нашей улице. Вообще-то не для нее эта работа. Она прекрасно играла на рояле и раньше давала уроки. Но теперь ни у кого нет денег на такую роскошь, как музыка. Меня она тоже учила, с шести до тринадцати лет, но когда отца перевели на трехдневную рабочую неделю, пришлось продать пианино. Мама знала, как я люблю музыку, и помогала чем могла. Всегда и во всем мама была нам опорой и поддержкой.

Другое дело — отец. Он тоже сильно любил музыку. Это и сблизило их — восемнадцатилетнюю черноволосую ирландку и поляка-вдовца, чуть не вдвое старше ее.

Его родители, оставшиеся в Польше, были музыканты, настоящие музыканты, но они всегда с трудом сводили концы с концами. Отец вырос в бедности и винил в этом моего деда, который предпочитал музыку работе в поле, шахте или на фабрике. Отец презирал людей, которые избирают музыку своей профессией.

— Это руки мужчины, Мэри, — говорил он, показывая маме свои ладони. — Они загрубели от работы, на них царапины и ссадины. Они никогда не порхали по клавишам, зато ты и дети не голодали.

Мама брала меня под защиту.

— Но, Стефан, Джош — тоже рабочий человек. Мальчика, который с десяти лет разносит газеты по морозу, белоручкой не назовешь. Пусть только работа не погубит его талант. Он

способный, Стефан, схватывает все на лету. Мы не должны ему мешать.

В конце концов отец соглашался с ней, хотя и ворчал, но без злобы. Но когда наступили тяжелые времена и работа стала для всех вопросом жизни и смерти, тут уж отец дал волю своему презрению к музыкантам. Мне начало казаться, что он приходит в ярость от каждого моего поступка, любого моего слова.

Год тысяча девятьсот тридцать второй, когда мне стукнуло пятнадцать лет, был невеселым годом. Мало радости — жить под одной крышей с ожесточившимся отцом. В отличие от милого и обаятельного Джоя я не умел нравиться окружающим; я не был тихим и послушным, как сестра Китти. В тот год мы часто ругались с отцом, ссоры становились все свирепее — тяжелые времена не кончались.

Но особые неприятности начались в тот год, когда появился на свет Джой. Мне было всего пять лет. Брат родился болезненным, он чудом выжил. Мама с отцом выбивались из сил, ночами по очереди дежурили у кровати Джоя, спасая его от приступов удушья. Огромные счета от врачей едва не разорили нас.

Если я кричал и хлопал дверью, вбегая в дом, а Джой в это время спал, отец давал мне такую взбучку, что мне вскоре стало ясно: он больше ни капельки меня не любит. Китти не так доставалось от него, она была постарше, да и нрав у нее мягче. Она затевала со мной тихие игры, надолго уводила из дому на прогулки, лишь бы я не потревожил младенца. Я очень любил Китти и, конечно, маму, но между отцом и мной словно кошка пробежала. С годами неприязнь росла. В 1930 году отца перевели на неполную рабочую неделю, а в тридцать втором он совсем потерял место. В довершение всего лопнул банк, где отец хранил свои сбережения.

Раньше он любил поговорить о том, что ему, дескать, никто не помогал стать на ноги; он, бедный иммигрант, прибывший в Штаты в 1910 году, вырос до сменного мастера, купил уютный домик, за который уже почти все выплачено, катал семью по воскресеньям за город в собственном автомобиле, подарил жене на рождество электрическую швейную машину. Он не умнее других, только лоботрясы, транжиры и тупицы ничего не добиваются в жизни.

Но внезапно оказалось, что его трудолюбию, смекалке и умению жить — грош цена. Он стал таким же неудачником, как те, кого раньше презирал: не мог вносить плату за дом, не мог досыта накормить семью, утратил уверенность в себе...

Я понимал, что отцу тяжело, но не мог простить ему беспричинных приступов бешенства. Зачем вымещать свои неприятности на ближних? Мама пыталась утешать меня:

— Потерпи, Джош, все переменится. Он хороший и добрый человек, просто отчаяние затмевает его рассудок.

Она ни за что не признала бы, что отец бывает неправ, и лишь твердила:

— Джош, дорогой, ты должен его понять.

В то утро, стоя возле мамы в темной кухне, я поклялся, что постараюсь быть терпеливым, хотя бы ради нее. Она казалась такой маленькой, согбенной заботами и усталостью. Я испытывал к ней величайшую нежность. Поставив пустую чашку на стол, я погладил маму по плечу.

— Отдохни еще часок, ма. Можешь поспать до шести.

Она кивнула, но я знал — она больше не ляжет из-за страха проспать, не приготовить вовремя завтрак. Мама слишком много работает. Меня это беспокоило. По правде говоря, отца тоже тревожило мамино здоровье...

В последнее время школа стала моим убежищем. Учился я хорошо. Приятелей у меня было не много, и рояль мисс Краун в кабинете музыки после уроков был в моем распоряжении. И еще — Хови всегда рядом!

Играл я, пожалуй, лучше многих своих сверстников. Это потому, что мама — превосходная учительница, и еще оттого, что я люблю музыку больше всего на свете. Я просиживал за роялем часами, подбирая возникавшие в памяти мелодии, иногда спотыкался, фальшивил, но в конце концов нащупывал верный мотив и повторял его до тех пор, пока ноты не начинали журчать, точно ручеек.

Хови разделял мою страсть к музыке, он был на редкость одарен и обладал абсолютным слухом. Он мог напеть любую мелодию и еще что-нибудь присочинить к ней. Нотной грамоты он не знал, зато умел извлекать музыку из пианино, гитары, губной гармошки и даже карманного гребешка. Но его любимым инструментом было старенькое банджо. Он полусути сознался мне, что где-то стянул его. Как бы оно ему ни досталось, Хови очень дорожил им. Струны пели под его пальцами, и уже после нескольких репетиций мы с ним прекрасно сыгрались. Каждый день после уроков мы запирались с Хови в музыкальном классе, и я забывал все домашние неприятности, отцовскую угрюмость, унылые лица обитателей чикагского Вест-Сайда.

Хови рано узнал, почем фунт лиха, но беды не сломили его. Он был всего на несколько месяцев младше меня, а ростом — не выше Джоя. На худом, болезненном лице выделялись большие карие глаза, которые то подергивались печалью, то наполнялись весельем наперекор всему. Отца он не помнил. У него часто менялись отчимы, и никому из них не было до него дела. Мать тратила все деньги на виски; если же бывала трезвой, так и сочилась злобой. Хови никогда не жаловался на жизнь, он любил веселье и шутку, у него был какой-то особенный, смешливый рот, всегда готовый расплыться в улыбке. Я, наверное, потому обратил на это внимание, что сам смеюсь редко, рот у меня неулыбчивый и вид обычно хмурый. Словом, Хови был отличным парнем, в классе я дружил с ним одним.

В тот день мы разучивали мелодию, которую я сочинил. Мелодия была изменчивой, нестойкой, она звучала по-разному в зависимости от

настроения или погоды, выражала то надежду, то отчаяние. Когда мисс Краун впервые услышала мой опус, лицо ее просияло. Можно было не спрашивать ее мнение — и так ясно. Она сразу предложила нам выступить на школьном вечере.

За окном кончался мягкий, сонный октябрьский день, казалось, во всем мире царит покойствие и довольство. Старухе природе все равно, есть ли у людей работа, наедаются ли досыта дети за ужином. Природа делает вид, что детский голод — вещь обычная: навозились, набегались, вот аппетит и разыгрался, ничего тут страшного нет! Если дома ждет вкусный ужин, тогда все в порядке. Когда ешь регулярно, к этому привыкаешь, будто к смене дня и ночи. Раньше я не боялся проголодаться — то был приятный, восхитительный, обычный голод! Но теперь для меня и многих-многих других голод означал совсем иное.

Ни Хови, ни меня совсем не тянуло домой, однако делать нечего — пришлось уйти, хотя чертовски не хотелось.

На улице мы, расстались, уговорившись встретиться вечером в обычном месте — у аптеки на углу, если удастся улизнуть из дому. Все зависит, конечно, от отца: будет не в духе — никуда не отпустит, но Хови ничего не надо объяснять — он знал, как обстоит дело.

— Приведи с собой Джоя, — сказал он. — Я раздобыл для него головоломку.

Я пожал плечами:

— Он у нас рано ложится.

Не очень-то приятно, когда младший брат ходит за тобой как тень, но Хови опекал Джоя — своих братьев у него не было.

Джой, понятно, был любимчиком в семье, родители дрожали над ним. С годами он окреп, но все же оставался довольно хрупким, особенно по нынешним «тощим временам». Он был мальчишка с будто нарисованным ротиком и большими серыми глазами под золотистой челкой. Я невольно любовался Джоем, хотя ревность еще жила во мне. С появлением Джоя на свет начался разлад между отцом и мной. Мне следовало поумнеть, но годы шли, а чувства по-прежнему были сильнее рассудка. Нельзя сказать, что я совсем не любил брата, но любил я его не слишком сильно.

А Джой во мне души не чаял. Я принимал это как должное, как еду, как родительский кров, как поддержку мамы. Джой считал меня совершенством: самым сильным, самым ловким, самым умным. Он старался во всем мне подражать, не обижался на мою грубость, позволял командовать и помыкать собой. Может, Джой думал, что старшим братьям так и полагается. Порой, когда я видел в его глазах выражение беззаветной преданности, мне даже делалось стыдно.

Я наткнулся на него в проулке за нашим домом. В темноте я не разобрал, чем он занят, пока не подошел вплотную. Среди грязи и мусора Джой сидел на корточках над худющей бездомной кошкой, жадно лакавшей из ржавой же-

стяжки. Одной рукой он гладил ее, а в другой держал пятицентовую бутылку молока.

— Она помирала от голода, — промямлил он, чувствуя за собой вину. Джой знал, что молока в доме не хватало. — У нее котята, ей надо их кормить. Ты не злишься?

— Где ты взял деньги? — сурово спросил я.

— Китти дала. Вчера она шла пешком от станции подземки, чтобы сэкономить на трамвае, а пятицентовик отдала мне вместо подарка на день рождения. Честно, Джош, я купил молоко на свои кровные. Кошка так мяукала!..

— Китти тоже хороша! — огрызнулся я. — Осталась без работы и швыряет деньги на ветер. А ты, Джой, лучше бы отдал их маме. Отец тебя по головке не погладит, если узнает, что ты купил молоко паршивой кошке.

Джой явно струхнул. Хотя он и любимчик, но и ему тогда влетало.

— Неужели ты меня выдашь, Джош? Я покачал головой.

— В доме и так полно неприятностей. Смотри, чтоб больше этого не было! Ни-ког-да!

Моя суровость в данном случае была оправдана, и все-таки мне стало не по себе. «Чтобы больше этого не было!» Значит, Джой не должен подкармливать голодных животных. Все его преступление в том, что у него доброе сердце. Когда-то и я жалел бездомных собак и кошек. Просто удивительно, как меняется человек от бедности и голода.

— Ну ладно, Джой, пойдем в дом. — Голос мой заметно смягчился. — Я никому не скажу.

Дома царило уныние. Мама выкладывала вареные картофелины из кастрюли на блюдо. Стаканы с молоком на столе ждали Китти, Джоя и меня. На отцовском месте дымилась чашка с кофе, а на мамином не было ничего. У стула, на котором сидела Китти, стоял отец, мрачный, как туча. Китти плакала.

— Я старалась, — всхлипывала она, — старалась изо всех сил. Ничего так в жизни не желала, как получить это место. Ноги от волнения подкашивались, и вдруг все позабыла, руки так дрожали, что не могла печатать. Поверь, отец, я старалась.

— Видно, недостаточно старалась, моя милая! Не забывай, во что влетело нам твое обучение в школе и потом на курсах секретарш. Завтра снова отправишься на Кольцо и без работы домой не...

Он запнулся и тяжело опустился в кресло. Китти глотала слезы, все это было ужасно.

Не успел я сесть за стол, как он взялся за меня:

— Где это ты шлялся до ночи? Должен сразу после уроков идти домой и помогать маме!

— Я репетировал, — буркнул я, зная, что этим признанием только подливаю масла в огонь.

— Стефан, — пришла мне на выручку мама. — это я разрешила Джошу задержаться в школе. На будущей неделе вечер, ему надо готовиться.

Отец промолчал, нахохлился и уставился в свою тарелку.

Все точно воды в рот набрали. Джой вяло жевал, не поднимая глаз, — думал, наверное, о том, как взгрел бы его отец, если бы узнал про кошку.

И тут я допустил оплошность, которая взбесила отца даже больше, чем взбесило бы сообщение о проступке Джоя. Сделал я это, не подумав, оттого, что был голоден. Но ведь и раньше за ужином я часто задавал этот вопрос:

— Ма, картошки больше не осталось?

Отец так и взвился, словно я его ударил:

— Нет, не осталось! Если не наелся, пеняй на себя. Уж не думаешь ли ты, что твой ничтожный заработок дает тебе право есть больше других? Мама весь день гладит, чтобы купить еды на ужин, но она не просит добавки!

— Стефан, Стефан, — вмешалась мама, — до чего мы дошли? Попрекать детей лишним куском...

Отец с грохотом отодвинул кресло и, ни на кого не глядя, вышел из кухни. Китти убежала в свою комнату, а Джой выскочил на крыльцо. За столом остались только мама и я.

Глаза у нее были сухие — видно, уже все слезы выплакала. Она сидела молча. Я глядел на нее и удивлялся.

Еще два года назад она была такой молодой, такой красивой, а теперь казалась старухой, хотя ей всего тридцать шесть. Как у нее хватает сил сносить все тяготы?

— Наш отец замечательный человек, я всегда и во всем должен брать с него пример, ведь верно, ма?

— Ах, Джош, ему так сегодня досталось. С половины восьмого утра до пяти вечера стоял он в очереди у ворот фабрики на Вестерн-авеню, целый день ничего не ел, только кофе и хлеб на завтрак...

— Но и ты ведь ничего весь день не ела! Она точно не слышала меня.

— ...Он был четвертым в очереди, когда закрыли окошко. Тебе не понять, Джош, что с ним происходит. Он всегда нас кормил, одевал, в доме было тепло и уютно. А теперь он загнан в угол, пришел в отчаяние...

— Как он говорит с нами! Стоит мне сделать шаг, и он уже рычит. А тебя послушать, так он лучше всех на свете, и я должен любить его, чтить, быть терпеливым, верно?

Она выдержала мой взгляд и глаз не отвела.

— Если жена станет на сторону детей, семья погибнет. Твой отец потерял голову от страха. Но я не покину его, что бы ты ни говорил о нем.

— Тогда мне нет места в этом доме. Я сам о себе позабочусь.

Ее лицо исказила страдальческая гримаса, но я будто затвердел внутри и даже не сочувствовал ей.

— Я уйду, ма, — повторил я.

Она чуть заметно кивнула.

— Джош, мне было бы легче умереть, чем сказать это, но ты вынуждаешь меня. Да, думаю, ты прав. В Чикаго нет ни еды, ни работы.

Вам с отцом лучше на время расстаться. Ты сильный, выносливый, смелый. Может, тебе и повезет.

Вот что сказала мама. Я гнал прочь нахлынувшую жалость к себе — родители от меня отказались, выставили за дверь, в суровый мир, пораженный кризисом. Я остался с этим миром один на один, и если он меня одолеет, никому до этого не будет дела.

Что и говорить, положение незавидное. Но я не испытывал страха. Меня вдруг охватило возбуждение. Поскорей бы уйти, порвать все связи с домом, навсегда оставить Чикаго! Я не мог ждать ни секунды, в голове роилось множество планов. Сбежав мимо Джоя по ступенькам крыльца, я помчался по мостовой, не переводя дыхания. Достигнув аптеки, я уселся на краю тротуара и стал ждать Хови.

Побеи

Хови немного опоздал, потому что с полчаса рылся в грудe ящиков на пустыре за продовольственным магазином; он потратил эти полчаса не впустую — опередил крыс, и ему, а не им достался лишь наполовину подгнивший апельсин. Перочинным ножом он отрезал испорченные дольки, а остальное разделил на две части — себе и мне, и теперь улыбался до ушей, радуясь, что может угостить меня таким лакомством.

Я рассказал Хови обо всем.

— Пожалуй, я отправлюсь с тобой, Джош, — сказал он вдруг с такой легкостью, словно я звал его заглянуть в соседний двор.

— Мы не пропадем, верно, Хови?

Тут от его холодности не осталось и следа. Он весь встрепенулся, будто выключатель в нем повернули.

— Конечно, не пропадем. Знаешь, да мы же богачи, у нас есть наша музыка. Хотя времена тяжелые, а музыка все равно всем нужна. Ведь мы музыканты, Джош, сам знаешь. Найдем какой-нибудь ресторанчик или танцевальный зал, и народ так и повалит, чтобы нас послушать.

Я тоже распалился:

— Верно. Айда на Запад или на Юг, там зимы короткие. Всю жизнь мечтал поглазеть на Запад. Поедем в товарном вагоне...

Нас прямо била лихорадка. Сидя на краю тротуара, мы строили планы, перебивая друг друга. Казалось, любые трудности нам нипочем.

Вдруг во мраке выросла маленькая фигурка. Это был мой брат.

— Что тебе надо? — спросил я хмуро.

— Я поеду с тобой, Джош, — сказал он тихим голосом.

— Откуда тебе известно, что я уезжаю?

— Слышал твой разговор с мамой. Я поеду с вами.

— Даже не мечтай. Ты слишком мал, будешь нам обузой.

— Хови, уговори его, — попросил Джой, и тут я понял, что в конце концов уступлю.

Джой неспроста обратился к Хови — Хови был ему другом.

— Почему бы не взять его, Джош? — заговорил Хови.

— Рано ему: силенок у него мало, спутает нам все карты.

— Но ведь он умеет петь. — Хови точно размышлял вслух. — Голос у него приятный и чистый, он почти не фальшивит. Народ охотнее соберется послушать ребенка, чем взрослого певца. Так что Джой себя прокормит.

— Сказал же я — он останется, я не беру его, и точка!

— Тогда, Джой, может, нам поехать с тобой вдвоем? А Джош пусть остается и командует кем-нибудь еще.

Хови подмигнул Джою, и мой брат расплылся в торжествующей улыбке.

Так все решилось, и той же ночью мы с Джоем крадучись вышли из дому со старым фибровым чемоданом, в который уложили кое-какую одежку, рваное одеяло и несколько спичечных коробков. Спичкам я придавал особое значение. Где-то я читал про экспедицию, которая тщательно подготовилась к путешествию, все было уложено, казалось, все учтено. Но она окончилась неудачей только потому, что позабыли такой пустяк, как спички. Я обшарил дом и забрал все коробки, какие попались.

Хови ждал нас в переулке с банджо и узелком под мышкой. Несколько часов мы поспали на скамейке в парке, а на рассвете пошли в столовку Армии спасения. Она только что открылась, и народу пока было мало. Долговязый человек с усталым лицом, покачивая головой, дал нам по миске овсянки, но велел больше не приходить: эта еда — для мужчин, которым целый день стоять в очереди на биржах труда.

Уже в первый день я убедился, что Хови был прав, когда вступился за Джоя. На углу улиц Рэндолф и Уобаш мы впервые попытались счастья перед публикой. Вернее, пытались счастье Джой и Хови.

Джой пел, и золотая челка то и дело падала ему на глаза. Голос его не окреп еще, но был нежен и чист, Хови ему аккомпанировал, точно настоящий артист. Пальцы его бегали по струнам, он то и дело подмигивал Джою. Прохожие останавливались, чтобы поглазеть на них. Кое-кто улыбался, а чьи-то невеселые лица еще больше мрачнели. Многие протягивали руки к кепке Джоя, опускали в нее пятицентовики и другие мелкие монетки.

Хови и Джой закончили представление в сумерки. Они набрали семьдесят восемь центов! Мы купили горячих сосисок и буханку хлеба, и еще у нас оставались деньги на завтрак. Как же пойдут дела, когда мы отыщем ресторан или танцевальный зал! Я буду играть популярные мелодии, Джой — петь. Да, я недооценивал Джоя. Он утер мне нос.

Давно я так не радовался. На углу улиц Рэндолф и Уобаш мы обрели веру в себя, цена ей — семьдесят восемь центов. В наших глазах это — целое состояние.

Когда стемнело, мы улеглись рядышком под лестницей, ведущей на платформу надземки.

Джой и Хови очень устали. Вскоре они уже спали, прижавшись друг к другу, но я не мог уснуть. Порывы ветра заносили под лестницу клочки старых газет и пыль. Над нами то и дело проносились поезда, но вскоре я привык к грохоту и перестал его замечать.

Утром мы плотно позавтракали — дома давно так не ели — и отправились на товарную станцию. У нас оставались деньги на трамвай, поэтому, узнав у прохожих, на какой номер сесть, мы с шиком доехали до железнодорожной станции. Денег мы не жалели. Чего там, уедем товарняком куда подальше, потом Хови и Джой дадут еще одно представление, их выручки нам хватит на пропитание, пока не подыщем настоящей работы. У нас оставалась половина вчерашней буханки — съедем ее в дороге.

На товарной станции мы увидели огромное множество стальных путей. Взад и вперед сновали паровозы, тут же грузили вагоны, сцепляли составы — такое вокруг творилось, не описать! Какая-то разношерстная публика — не железнодорожники, а всякие типы, вроде нас, крутились у вагонов, заглядывали в них, ждали сигнала к отправлению.

Заслышав гудок, они прыгали в открытые двери или на буферную площадку, а с нее взбирались на крышу.

Если в толпе попадалось приветливое лицо.

я осторожно задавал вопросы, пытался выяснить что к чему, но таких лиц было мало. В тот год все мужчины казались одинаковыми — худые, хмурые, злые. Однако нам все-таки попался один довольно дружелюбный человек. Он сказал мне, что уже пятнадцать лет бродяжничают. Мы признались ему, что пробираемся на Запад, и бродяга без лишних расспросов показал нам нужный состав, добавив, что он уходит в Айову после обеда и на следующее утро будет в Небраске. Нам это подходило: во-первых, Небраска — Запад, во-вторых, далеко от Чикаго.

Мы отыскали вагон, груженный мешками с известью, которой фермеры удобряют поля. Среди них можно было легко укрыться. Мы огляделись по сторонам и прошмыгнули в незапертую дверь.

Когда поезд уже набирал скорость, в наш вагон вскочили трое усталых, неприветливых мужчин.

Мы выбрались из Чикаго, уже катили мимо ферм и городков, полей с засохшими стеблями кукурузы, обмелевших от засухи речушек.

Дробный стук колес вскоре убаюкал нас. Говорить не хотелось, мы прислонились к мешкам с известью и закрыли глаза.

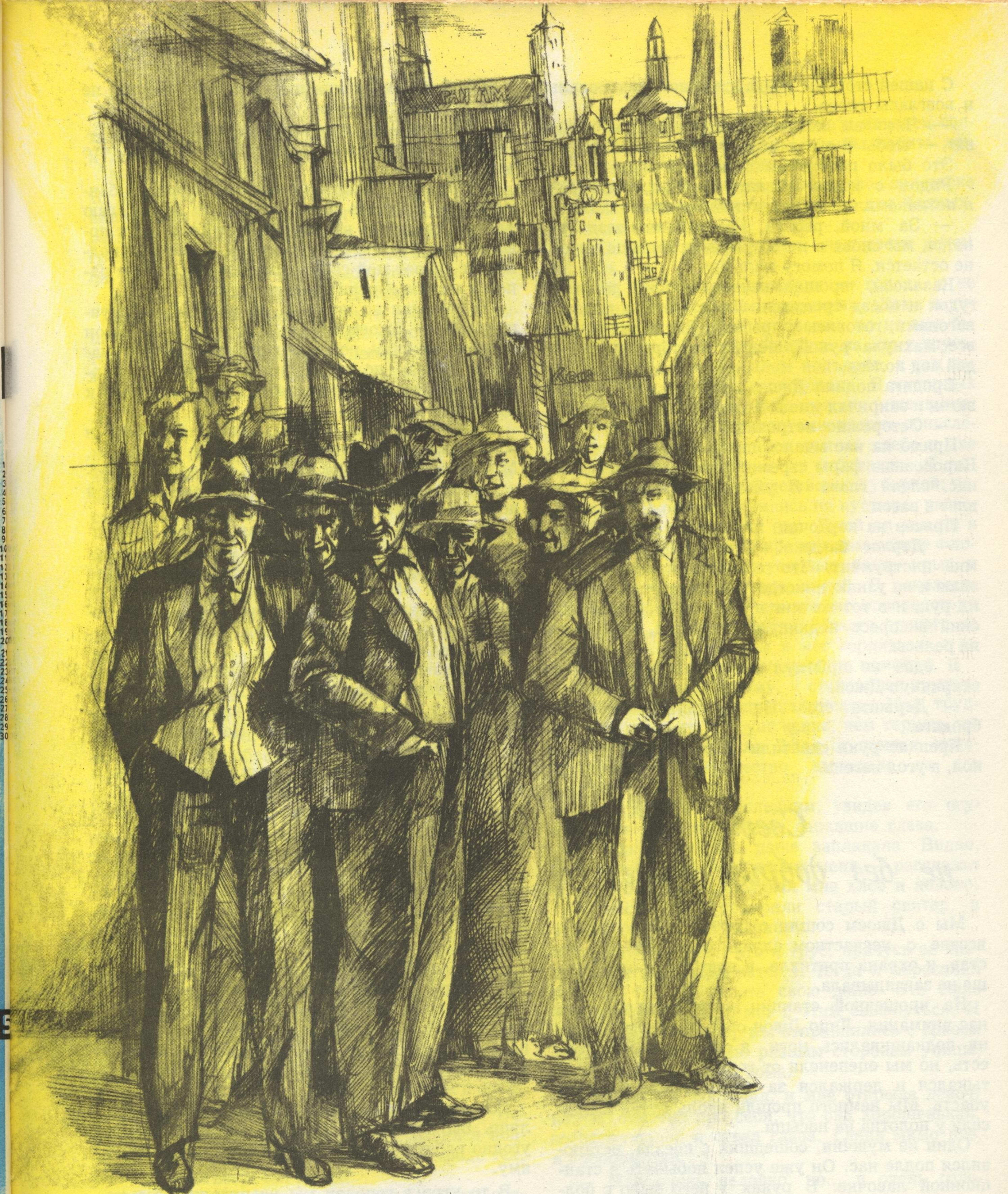
Едва забрезжило утро, в вагон вошли два железнодорожных охранника. Один из них пнул меня в голень, правда, не слишком больно, давая понять, что шутить не намерен.

— Эй, вы, вставайте, через четверть часа вам сходить! И смотрите, больше не попадайтесь.

Один из взрослых «зайцев» в углу что-то крикнул охраннику.

На углу улиц
Рэндолф и Уобаш
мы впервые
попытали счастья
перед публикой.

— Мы выполняем приказ, приятель. Это наша работа. В вагонах полно безбилетников. Обождите следующий товарный состав, может, с ним вам повезет больше.

Когда поезд остановился, мы сошли. Было холодно и темно, только тускло светили станционные огни. Из товарных вагонов выпрыгивали мужчины и подростки.

Пыхтел паровоз, чертыхались люди, копо-

шась у состава. Внезапно со стороны города до нас донесся нарастающий гул. Мы замерли, прислушиваясь, и в предрассветной мгле увидели, что на нас надвигается людская стена. В руках у них были дубинки и вилы, и до нас уже долетали злобные выкрики.

— Эй вы, ни с места! — заорал огромный детина, выступая из толпы вперед. — У нас хватает голодных ртов.

С нашей стороны раздался свист, улюлюканье и возгласы гнева.

— Чего вы хотите, — закричал кто-то в ответ, — чтобы мы под колеса бросились?

Это было похоже на страшный сон.

Рядом с нами оказался бродяга, с которым я познакомился на чикагской товарной станции.

— За мной, ребята. Как только поезд тронется, мы снова в него прыгнем. Больше ничего не остается. Я помогу малышу.

Казалось, прошла вечность, пока раздался гудок и поезд тронулся. Люди бежали рядом с вагонами, готовясь к прыжку. Видно, охрана на все махнула рукой, нельзя же сбрасывать людей под колеса.

Бродяга поднял Джоя, швырнул его в пустой вагон и закричал мне и Хови:

— Осторожно: встречный поезд!

Прямо на нас мчался пассажирский экспресс. Паровозные фары стремительно надвигались на нас, слепя глаза. Я ухватился, подтянулся и влез в вагон.

Присев на корточки, я протянул руку Хови.

— Держи банджо! — крикнул он и подал мне инструмент. Что случилось потом, я не знаю и не узнаю никогда. Банджо коснулось моих рук, и в тот же миг я увидел, что пассажирский экспресс подкинул тело Хови, бросил его на рельсы.

Я едва не прыгнул вслед за ним. Позади вскрикнул Джой.

— Держите его! Не пускайте! — гаркнул бродяга.

Крепкие руки схватили меня и швырнули на пол, в угол вагона.

Свет не без добрых людей

Мы с Джоем сошли с поезда к вечеру. Известие о несчастном случае облетело весь состав, и охрана притихла, в наш вагон она больше не заглядывала.

На крошечной станции никто не обратил на нас внимания. Лицо Джоя опухло от слез, у меня подкашивались ноги, я едва шел. Хотелось есть, но мы оцепенели от горя. То и дело я спотыкался и держался за плечо Джоя, чтобы не упасть. Мы немного прошли вдоль путей и присели у полотна на насыпи.

Один из мужчин, сошедших с поезда, остановился подле нас. Он уже успел побывать в станционной лавочке. В руках у него было с полдюжины консервных банок.

— Мы тут с ребятами надумали готовить ужин, — сказал он. — Пошли с нами, что-нибудь и вам перепадет.

Чистое безумие отказываться от угощения, но Джой отрицательно покачал головой. И я его понимал. Хотелось спрятаться куда-нибудь подальше от чужих глаз, остаться наедине с нашим горем.

Я поблагодарил мужчину и сказал, что мы не можем терять времени.

— А куда вы спешите? В какие края?

Это был уместный вопрос, но я не знал, что ответить.

— Так я и думал, — сказал он и бросил банку бобов к ногам Джоя. — Ну что же, желаю удачи. Проситесь на попутные машины, а к поездам после того, что случилось, близко не подходите. И вот мой совет: возвращайтесь-ка к папам и мамам, ежели они у вас есть!

Он зашагал по шпалам, ни разу не обернувшись. Мы с Джоем смотрели ему вслед, пока он не исчез из виду, потом поднялись и, сойдя с насыпи, пошли полем. Шли молча, крепко держась за руки. Никогда еще Джой не был так дорог мне.

Поле пересекал овраг, заросший травой и сорняками. Через него был перекинут мостик. Мы решили укрыться в овраге от студеного ветра, который хлестал еще сильнее, чем прошлой ночью в Чикаго.

Опустив на землю чемодан, одеяла и банджо, мы сели на ворох опавших листьев. Стемнело, над пустынным полем нависло злое безмолвие. Издалека донесся гудок паровоза и перестук колес. Мы вздрогнули. Наверное, теперь всегда, заслышав поезд, я буду вспоминать гибель Хови.

В ту ночь под мостом мы с Джоем дали волю слезам. Давно я не плакал, с малолетства. Была во мне упрямая жилка — как бы ни было больно, нюни не распускал. Но тут я не мог сдержаться.

Наконец я взял себя в руки. Открыв ножом консервную банку, я разделил бобы поровну.

— Надо поесть, Джой, а потом решим, что делать дальше.

После еды нам полегчало.

Я спал недолго, неглубоким тревожным сном. Ночью подморозило, а к утру нас разбудили холодные капли дождя. Я достал еще одну куртку для Джоя и помог ему продеть затекшие руки в рукава.

Мы собрали наши пожитки и побрели по сырому лугу. Необходимо добраться до ближайшего городка, там должна быть благотворительная столовка для бедняков, да и работа может подвернуться, вроде той, о какой мы мечтали с Хови. Но есть ли на земле местечко, где Джоем и мне будут рады?

Совсем не обязательно играть на пианино, лишь бы заработать на два завтрака! Какую угодно работу: рыть канавы, чистить выгребную яму.

В то утро в городок мы не попали, но к полудню мы набрали на ветхий фермерский дом. Такой развалюхи я в жизни своей не видел, даже в трущобах, где жил Хови. На обнесенном глинобитным забором дворе валялись горы всякого мусора: гниющие доски, разбитая посуда, обломки игрушек, мебели. Единственным живым существом был надменный белый петух. С безразличием поглазев на нас, он зашагал прочь на длинных желтых ногах. Я решил, что

хозяева дома, такие же бедняки, как мы, покинули его, надеясь найти работу в другом месте.

Мы вошли внутрь и быстро все оглядели. В доме хоть шаром покати. Мы очень обрадовались ржавой кухонной плите, собрали во дворе щепки и старые газеты, и вскоре огонь обогрел нас. Высохла сырая одежонка Джоя, и губы его покраснели. Он улыбнулся мне:

— Запах мировой, точно, Джош?

Действительно, пахло уютом и теплом. Я вышел во двор, надеясь отыскать на огороде картошку или репу. Видимо, летом здесь кто-то жил, если петух уцелел. Но на огороде я не нашел ничего, кроме сорняков. И тут меня осенило — петух! Он оказался чертовски любопытным. Подойдя вплотную, он, позабыв об осторожности, изучал меня, в то время как над ним нависла смертельная опасность. В моем воображении возникало аппетитное видение дымящегося куриного бульона.

Я метнулся к петуху, и он дал деру. Мы бежали вокруг дома раз, другой; в конце концов ему не повезло: запутался в мотке проволоки. Тут я его и настиг.

Мы нашли старый таз, и долго варили в нем петуха. Покопавшись в кучах хлама во дворе, Джой отыскал треснутую фарфоровую чашку и подлинное сокровище — солонку, на дне которой сохранилась горстка отсыревшей соли. Мы выскребли соль и посолили бульон.

Этот петух был, несомненно, самым жестким из всех своих собратьев. Мы варили его до вечера, но и в сумерки он был таким же твердым, как в полдень.

Зато бульон получился на славу. Мы пили его по очереди из треснувшей чашки. У нашего петуха оказалась нежная печень, и я заставил Джоя съесть ее.

Скудный ужин показался нам пиршеством. Ночью, когда холодный дождь хлестал по окнам, мы наслаждались уютом и покоем под крышей у огня. Конечно, это чужой кров, в любую минуту может нагрянуть хозяин и выставить нас вон. Но зачем тревожиться раньше времени. Снаружи была непросветная темень, со всех сторон нас окружала голая степь, и мы нежились в тепле, развалившись на мягкой подстилке из одеяла и на скатанных куртках вместо подушек.

Утром на дороге нам попался грузовик. Веселый и добродушный фермер согласился подвезти нас. Значит, не все люди злые, вроде тех, кто с вилами встречал поезд!

Этот славный фермер божился, что мы обязательно найдем работу в ближайшем городке. Времена тяжелые, утешал он нас, но и раньше так бывало и все-таки люди умудрялись выжить. Такие парни, как вы, не пропадут, если работы не боятся.

Хорошо встретить человека, не потерявшего надежду. Я так и сказал ему напоследок. Он довез нас до развилки и показал, куда идти.

Прошло несколько недель, и я заметил, что ни о чем, кроме еды, думать не могу. Надежды

найти работу все уменьшались и наконец совсем исчезли. Мысли о том, чем бы набить живот, неотвязно преследовали меня.

Иногда нам с Джоем перепало по миске жидковатой похлебки в столовке для бедных, при этом нам говорили:

— Больше не приходите, нам своих нечем кормить.

Когда мы совсем ослабели от голода, я не брезговал и мусорными ящиками. Дома я читал о таких бедняках в газетах, но не мог бы поверить, что сам когда-нибудь на это решусь. Я оставил Джоя в теплом подъезде, а сам зашел в проулок позади ресторана. В мусорных баках уже копошились двое мужчин и женщина. Тут же шныряли и крысы, они совсем обнаглели. Я отыскал смерзшийся ломоть хлеба и две необглоданные косточки от отбивных. Я вымыл их под краном в общественной уборной; потом мы с Джоем отправились на пустырь, развели костер и подогрели еду. Джой ел как ни в чем не бывало, но меня при каждом глотке тошнило, — я вспоминал мусорные баки, крыс и стыдливо прячущих глаза людей. Я поклялся, что больше не пойду на это, но впоследствии много раз нарушал клятву. Ничего другого не оставалось. Лишь одним я мог гордиться: я не позволял Джоем ходить со мной на помойки.

Зато, к стыду своему, я становился трусом, если приходилось попрошайничать. Мне труднее было сносить это унижение, чем терпеть голод. И хотя я избавлял Джоя от помоек, ненавистное попрошайничество выпадало на его долю.

Люди делились последним, увидев его осунувшееся лицо и большие запавшие глаза.

— Одна женщина даже заплакала. Видно, ей в самом деле было жалко меня, — рассказал он как-то вечером, подавая мне хлеб и яблоко.

Однажды ему подарили старый свитер, в другой раз — теплую шапку.

И вдруг я понял, что я трус, прячусь за спиной десятилетнего брата! И тогда я пересилил себя и стал добывать свою долю. Это было ужасно. Я так и не мог с этим свыкнуться. И все же каждый вечер мы отправлялись с Джоем на добычу, ходили по разным сторонам улицы, звонили по очереди в дома.

Однажды я постучал, и мне открыла девочка. Я отметил про себя, что она хорошенькая, но засмутился и отвел глаза. Глядя мимо нее, я пробормотал:

— Мне очень неловко, но... я очень голоден.

— Папа, там голодный мальчик, — услышал я ее голос. — Можно дать ему что-нибудь?

К двери подошел высоченный мужчина, оглядел меня.

— Да, Бетси, конечно. Дай ему жаркого, — сказал он.

Несколько минут спустя она вернулась с маленькой картонной коробкой, издававшей восхитительный запах. Я хотел взглянуть ей в глаза и сказать спасибо, но не мог. Взяв коробку,

я стоял как истукан, от смущения готов был сквозь землю провалиться.

Тогда девочка тихо сказала:

— Надеюсь, скоро дела у вас поправятся. Мне стыдно, что у меня есть еда, в то время как мои сверстники голодают.

Никогда не узнаю ее имени и так ли она хороша, как показалось мне. Но одно я знаю твердо: она ободрила меня, помогла справиться с отчаянием.

Не раз я готов был сложить оружие. В холодные ноябрьские дни мне казалось, что нам с Джоем ничего не остается, как выйти в чистое поле и позволить морозу прикончить нас. Но всякий раз в такие минуты кто-нибудь приходил на помощь, мы находили еду, кров и силы, чтобы продолжать борьбу за жизнь.

Однажды где-то в Небраске мы набрали на крошечную ферму, и дряхлая старуха пригласила нас в дом. Она покормила нас ужином. На кухне пылала печь, и из носика медного чайника вырывался пар.

Пока мы ели, она задумчиво разглядывала нас.

— Ты куришь? — внезапно спросила она меня.

Я давно разучился смеяться, иначе принял бы это за шутку.

— Если бы у меня были деньги на сигареты, мадам, я бы потратил их на еду, и не пришлось бы кланяться у вас.

— Тогда можете остаться на ночь. Я спросила, потому что боюсь пожара... — Она с минуту помолчала. — Вам бы не мешало выкупаться, а когда вы ляжете, я постираю вашу одежду.

Купание! Знала бы она, как мы о нем мечтали! С того дня, как ушли из дому, мы впервые мылись горячей водой и мылом. Чистые, распаренные, мы влезли в просторное белье умершего мужа хозяйки и улеглись на пуховые перины, гоня прочь мысли о завтрашнем дне.

Хозяйка не будила нас, и мы спали почти до полудня. Когда мы проснулись, она вошла, мягко ступая, положила нам в ноги выстиранную и отутюженную одежду.

— Бедные малыши, — сказала она, — видно, вы смертельно устали. — Она подняла шторы. — Вставайте и одевайтесь во все чистое. Вас ждет завтрак.

Она приготовила нам великолепную еду — горячую овсянку, гренки, какао. Поев, я почувствовал небывалый прилив сил и уверенности в себе.

Женщине хотелось побольше о нас узнать.

— Родители у вас есть? — спросила она.

Я не ответил, и она повторила свой вопрос.

— Есть у нас родители.

— Они знают, где вы?

— Не думаю.

— Вы убежали из дому?

— Нет. Ушли с их ведома. Во всяком случае, мама знала про меня. Джой решил присоединиться в последний момент.

— Вы чем-то провинились перед ними?

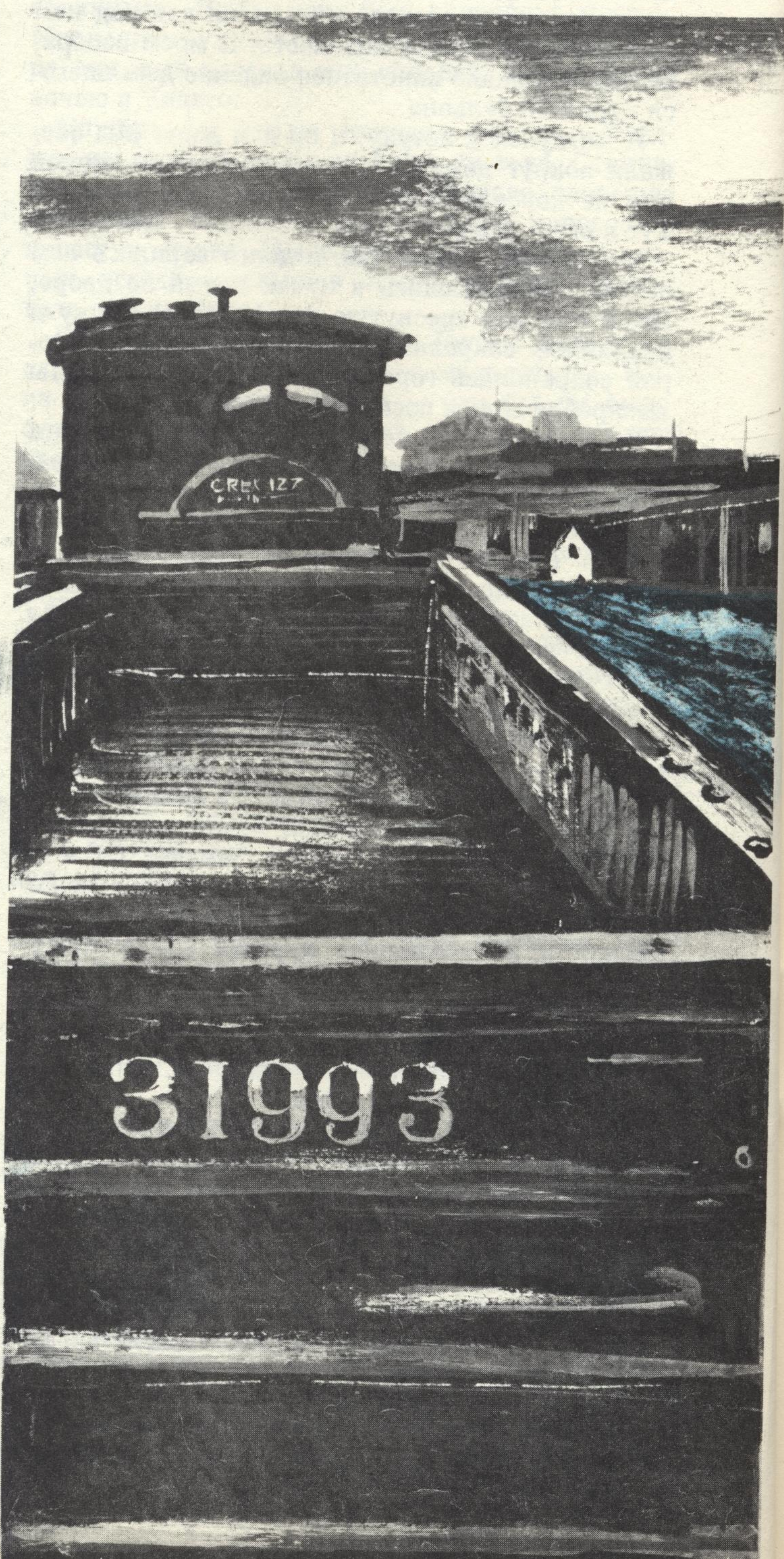
— Да, у нас был слишком хороший аппетит. Она покачала головой и тяжело вздохнула.

— Сколько вокруг страданий! Родители теперь, наверно, места себе не находят, — сказала она после долгой паузы.

Я промолчал. Женщина подошла к столу, достала из ящика бумагу, конверты, марки.

— Садись и напиши письмо маме, — сказала она мне.

— Извините, но я не могу.

*Мы с Джоем сошли с поезда к вечеру.
На крошечной станции
никто не обратил на нас внимания.*

— Ты не умеешь писать?
Этот вопрос меня разозлил: ведь в школе я прекрасно учился.

— Не могу и не... буду.

— У тебя скверный характер, мой милый, — сказала она тихо.

— Наверное, вы правы. Но боюсь, что вы не все понимаете. Мне нечего сказать своим родителям. Нечего. Может, Джой напишет.

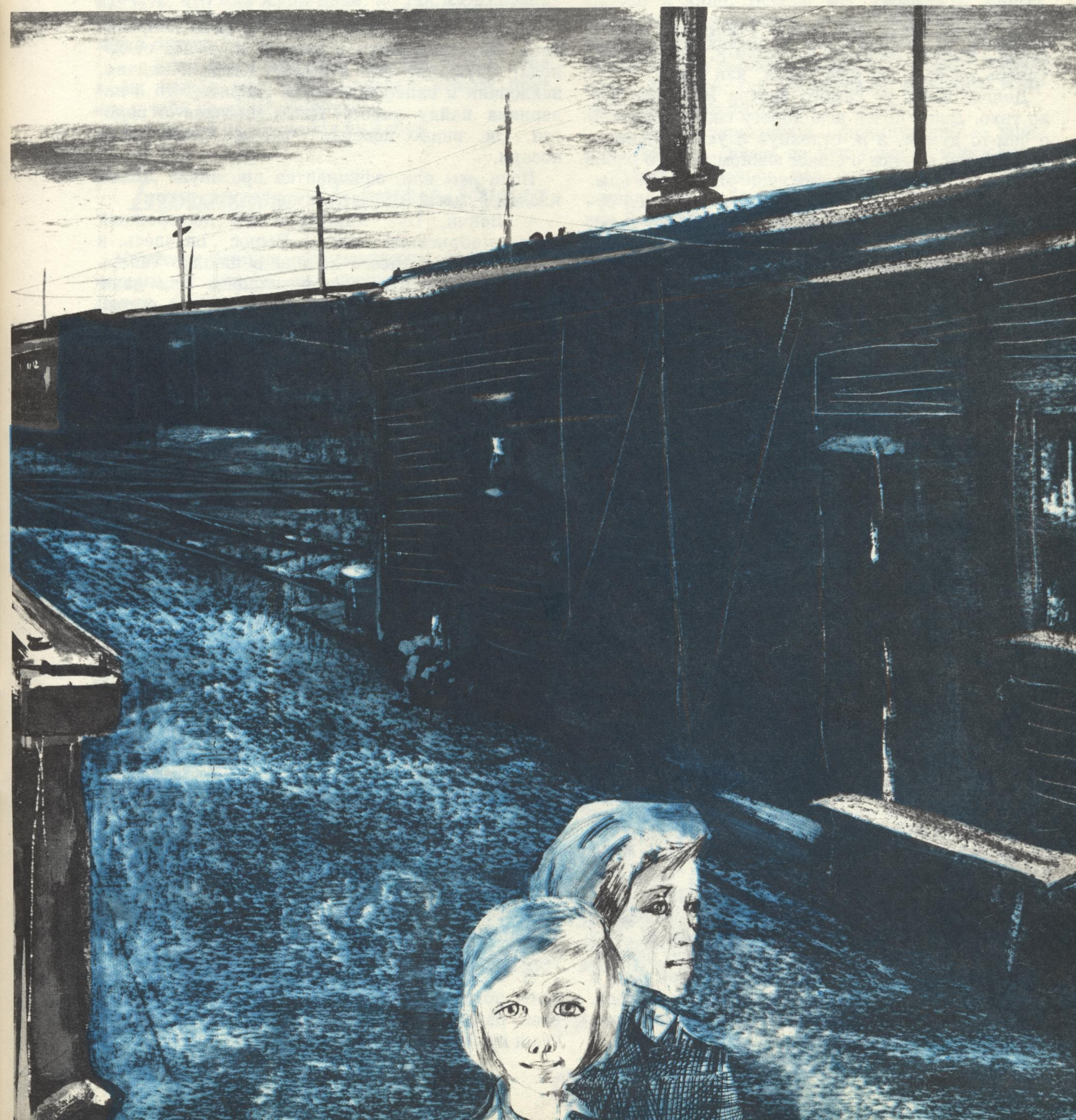
Она повернулась к брату.

— Что ты скажешь, Джой?

— Я напишу, — ответил он. — Но не стану обещать, что вернусь домой. Я Джоша не оставляю.

Встреча с Лонни

Судя по всему, мы попали в полосу удачи. Не успели мы отшагать три-четыре мили по шоссе, как нас обогнал грузовик. Водитель приветливо помахал рукой, мы в ответ «проголосовали», даже не надеясь, что он остановится. Но тут он сбросил скорость и съехал на обочину. Мы побежали к грузовику, не веря в такое чудо. Водитель оказался худым, темноволосым человеком с усталым взглядом. Он улыбнулся нам и спросил сухим, бесцветным голосом:

— Куда вам?

— Все равно куда.

Он не удивился. В те дни многие брели по дорогам без всякой цели.

— Тебе сколько лет? — спросил водитель, когда мы проехали несколько миль.

— Пятнадцать.

— Так я и думал. В каком месяце ты родился?

Мне показалось это странным — какое ему дело, но все-таки ответил:

— В июне, двенадцатого июня.

— Почти точь-в-точь, — сказал он. — Мой малыш родился в апреле того же года. Его звали Дэвид.

— Он умер? — вырвалось у меня, и я сразу пожалел об этом.

— Умер. Пять лет назад. Ростом он был с Джоя, только плотнее, и смуглый, как индеец. Теперь он был бы уже такой, как ты.

Долгие часы до самого вечера в кабине было тихо, Джой почти всю дорогу спал. Водитель о чем-то думал, а я, отдохнув и успокоившись, предавался мечтам о синем южном небе, о работе, о том, что жизнь наконец улыбнется нам.

К вечеру повалил снег. В сгустившихся сумерках мы остановились у маленького кафе. Свет его освещенных окон едва пробивался сквозь круговорот метели.

— Надо бы перекусить, — сказал водитель.

Он прыгнул первый и протянул нам руки. Взъерошив челку Джоя, улыбнулся такой дружелюбной улыбкой, что я почувствовал — ему можно довериться.

И все-таки я беспокоился насчет еды.

— Утром одна женщина плотно накормила нас, — сказал я. — На сегодня хватит.

— Пойдем, пойдем! — Водитель зашагал к кафе.

— У нас нет ни цента! — решил напомнить ему.

— Я уже это слышал. Я не предлагаю вам бифштексов. Возьмем суп и котлеты. За мной!

В кафе его знали. Официантка назвала его Лонни, повар, жаривший котлеты на кухне, высунул в окошко голову.

— Э, да ты не один!

— Как видишь. Со мной ребяташки из «Города ветров». Едут в Луизиану.

Мы сидели за стойкой и ждали, когда нам дадут поесть, и Лонни без умолку шутил с нами, с поваром и официанткой. Когда Джой назвал его «мистер», он сказал, что для нас он просто Лонни.

— Так меня зовет племянница. Я говорю ей: из уважения к моим годам называй меня «дядя Лонни», — но она ни в какую — ей уже четырнадцать, и она чертовски упряма.

Потом Лонни спросил, умеет ли Джой играть на банджо. Мы сбивчиво рассказывали ему о Хови, о наших надеждах найти такую работу, чтобы я мог играть на рояле, а Джой петь и играть на банджо, только ему надо подучиться.

Лонни слушал с интересом. Когда подошла официантка, он спросил:

— Бесси, то старенькое пианино по-прежнему в соседней комнате?

— Конечно. Ты что, занялся сбором утиля?

— Этот парнишка утверждает, будто умеет играть. Давай послушаем его, пока жарятся котлеты.

— Пожалуйста. — Она сделала мне знак следовать за ней в соседнюю комнату.

В маленькой пустой столовой было холодно, и пианино действительно годилось на свалку — официантка была права. Но я два месяца не видел инструмента, поэтому даже этой рухляди обрадовался. Поначалу пальцы словно онемели, но вскоре я уже чувствовал себя довольно свободно, так, будто Хови стоял рядом, а мисс Краун слушала нас с порога. Ко мне возвращалась уверенность.

Музыка была простенькая, но всем понравилась. Они столпились в дверях, и, ежась от холода, слушали, как я играю. Когда я кончил, захлопали и наперебой стали уверять, что я наверняка найду работу. Джой светился от радости. Он, видно, поверил, что все наши беды позади.

Пока мы ели, официантка протянула Лонни клочок бумаги с чьим-то именем и адресом.

— Лонни, Пит Харрис — мой двоюродный брат, — объяснила она. — Вырос он здесь, в Небраске, мы вместе ходили в школу. Теперь он живет на Юге, уже пятнадцать или даже двадцать лет, но нас не забывает. Дело в том, Лонни, что у Пита свои балаганы рядом с Батон-Ружем. Он писал, что едва сводит концы с концами, но иногда все-таки нанимает пианистов. Кто знает, может быть, у него найдется место для мальчика. Ты не будешь проезжать Батон-Руж?

— Могу завернуть туда специально, — ответил Лонни.

— Пит — добрый и славный человек. Он всегда готов прийти на помощь тому, кто попал в беду, можешь мне поверить.

— Эта порода людей почти перевелась, — задумчиво заметил Лонни.

— Что верно, то верно. Не знаю, как у него идут дела сейчас, но уверена, он придумает что-нибудь для мальчика. — Она кивнула мне. — Скажи ему, что тебя рекомендует Бесси Дженкинз: Пит будет рад оказать мне услугу.

Официантка не была красавицей, и голос у нее был хриплый. Но в тот снежный вечер она казалась мне прекрасной и доброй волшебницей. Краснея от смущения, я поблагодарил ее.

Мы устроились на ночлег в крытом кузове, между большими картонными ящиками. Укутались в одеяла, которые дал нам Лонни. Мне часто не спалось от холода и голода, но в ту ночь я не сомкнул глаз из-за охватившего меня волнения. Я вглядывался в темноту и думал о будущем. Оно было неясным, расплывчатым.

Я был уверен, что водитель и Джой крепко спят, но вдруг среди ночи с другого конца кузова раздался голос Лонни. Он, видно, понял, что я не сплю.

— Ты злопамятен, верно, Джош?

Я знал, что он намекает на отца.

— Нет, не очень.

— Сам, что ли, никогда не ошибался? Думаешь, детям можно ошибаться, а взрослым нельзя?

Я не ответил. Он долго молчал, потом я снова услышал его голос:

— Каждый человек ошибается. Я тоже однажды ошибся и до сих пор не могу себе простить. Мой мальчик — я говорил тебе, он умер пять лет назад — однажды ночью пожаловался, что у него болит живот. Мать хотела позвать врача, но я решил, что он либо объелся, либо отравился чем-то. Заставил его выпить несколько ложек касторки. Моя мать всегда так меня лечила. Но Дэви касторка не помогла. У него оказался аппендицит. Он его и прикончил...

Трудно было найти слова утешения. Я хотел сказать, что мне жаль Дэви, но так и не собрался с духом. Впрочем, Лонни, кажется, и не ждал ответа.

— Если бы я встретил сегодня твоего отца, я бы пожал ему руку и сказал: «Знаю, брат, что у тебя на душе творится».

Больше он не проронил ни слова.

Балаганы Батон-Ружа

Короткие зимние дни сменялись долгими вечерами, и вскоре мы крепко подружились с Лонни. Он все уверял нас в том, что мне удастся найти работу.

Даже удивительно, как сильно я нуждался в поддержке старших. А я-то считал себя взрослым, гордился тем, что мне удавалось заботиться о Джое, кое-как кормить его и себя. Теперь ко мне вернулось ощущение безопасности, которое покинуло меня еще задолго до того, как мы ушли из дома; это ощущение возникает, когда взрослый человек по-отечески заботится о тебе. Зимняя стужа стала нам теперь не страшна, она осталась позади, на заснеженных, обледенелых дорогах Небраски. Исчезли заботы, которые раньше неотступно преследовали нас. Десятилетний Джой и я в свои пятнадцать снова почувствовали себя детьми. Лонни следит за дорогой и сворачивает в нужном месте; Лонни разыщет Пита Харриса и его цирк «шапито»; Лонни говорит: «Жареный хлеб, три яйца всмятку. Мальчикам — молоко, а мне — кофе», — когда мы останавливаемся, чтобы позавтракать, и еда не омрачается попрошайничеством.

Однако я не мог снять с себя всю ответственность. На клочке бумаги я тщательно записывал все, что Лонни на нас тратил. Однажды он застал меня за этим занятием и спросил, что я делаю. Я объяснил.

— Джош, все это пустяки — пара яиц или там котлета.

— Пусть так, но мне будет приятно, если я смогу с вами расплатиться, когда найду работу.

— Может, ты и прав, — согласился он. — Но не торопись. Сначала устройтесь как следует, а с этим можешь подождать.

Впервые мы ощутили южное тепло на границе штатов Техас и Арканзас. Лонни купил хлеба, сыра и бутылку молока, и мы позавтракали под деревом. Джой упивался мягким, свежим воздухом; они с Лонни бегали наперегонки, хотали, а потом, запыхавшись, сели к «столу», который я накрыл прямо на траве возле грузовика.

Огромный грузовик снова помчался вперед. Мы въезжали в новый, добрый мир, где Лонни поможет мне найти работу, где все у нас наконец наладится.

Вскоре мы уже катили по извилистым дорогам Луизианы, так непохожим на прямые шоссе Среднего Запада. Мы проезжали старинные плантаторские усадьбы. Раньше я видел такие только в кино. Вскоре мы въехали в долину Миссисипи, заросшую тенистыми соснами, дубами, магнолиями и кипарисами. С деревьев свешивались гирлянды серого, унылого лишайника. В кафе, где мы обедали, мужчины говорили на каком-то странном языке.

— Это испорченный французский, — пояснил Лонни, — здесь на нем говорят повсюду.

Лонни несколько раз останавливался, спрашивал дорогу, и к вечеру мы оказались у цели. Балаганы стояли на просторном лугу всего в нескольких милях от Батон-Ружа. Попали мы туда в разгар представления, ярко горели сотни цветных лампочек, громко взрывались пестарды, смеялись дети, грохотала музыка на карусели, стоявшей в самом центре площадки.

Мы ступали по посыпанным опилками дорожкам и восхищались всем, что окружало нас. Я невольно вспомнил, как отец водил меня на аттракционы в Чикаго, когда я был маленьким. Я вдруг ощутил грусть и одиночество, но с упрямой решимостью прогнал их прочь. Не желаю думать об отце!

Побродив по балаганам, мы наконец отыскали тент, над входом в который краской было выведено: «Пит Харрис».

Пит Харрис был небольшого роста, довольно толстый, с лицом ни дружелюбным, ни враждебным. Пит и Лонни о чем-то пошептались, мы с Джоем ждали в стороне.

Было заметно, что Пит чем-то сильно озабочен.

— Не знаю, — вздохнул он, вытирая потный затылок большим носовым платком. — Не знаю, долго ли еще продержусь. Времена такие, что людям не до развлечений, каждый цент на счету, а многим и считать-то нечего. Вряд ли я имею право кого-то нанимать.

— Понятно, — сочувственно кивнул Лонни. — Компания, где я работаю, каждую неделю увольняет водителей. В любое время очередь может дойти и до меня. Так что я знаю, как дело обстоит. И все-таки хотя бы послушайте, как мальчишка играет. В кафе у вашей сестры все были поражены его искусством.

Пит Харрис взглянул на Джоя, и лицо его немного смягчилось.

— Не робей, приятель, — сказал он, положив руку Джою на плечо. — Хорошо, пошли. Послушать можно, это денег не стоит, а как с работой быть, прямо не знаю.

Пианино стояло за кулисами. Взглянув на Лонни, я увидел, что он волнуется. У Пита Харриса был усталый и недовольный вид. Он нетерпеливо показал на пианино, словно желая скорее избавиться от меня.

Я сыграл несколько модных песенок, стараясь делать это с наибольшим блеском. При этом я улыбался, пряча неуверенность и страх.

Я кончил и повернулся к нему.

— Недурно, — поджав губы, буркнул Пит Харрис.

Лонни с беспечным видом сидел на стуле верхом, лицом к спинке.

— Что верно, то верно, — сказал он. — Джош лихо управляется с этим ящиком. Уверен, что он понравится зрителям. Дело не только в том, что он хорошо играет. Люди любят смотреть, как выступают дети. В его возрасте мало кто так умеет.

— В другое время я бы не задумываясь взял его, — сказал Харрис, — но сейчас такое

творится, хуже некуда. — Он взглянул на Джоя. — Тебе, приятель, поди, тоже досталось?

— Это уж точно, несладко нам было, пока не встретили Лонни. — Джой стоял, засунув руки в карманы, и его тонкое лицо казалось очень взрослым. — Только нельзя нам больше быть ему обузой. В конце концов мы же не его дети.

Все замолчали, в помещении повисла тяжелая, будто свинец, тишина.

Джой был прав. Дело обстоит так: если здесь

не найдется для меня места, мы с Джоем пойдем дальше одни. Интересно, подают ли нищим в окрестностях Батон-Ружа?

Но совершенно неожиданно Пит Харрис сказал, что берет меня на работу. При этом у него был такой вид, словно он поступает вопреки здравому смыслу и это причиняет ему боль.

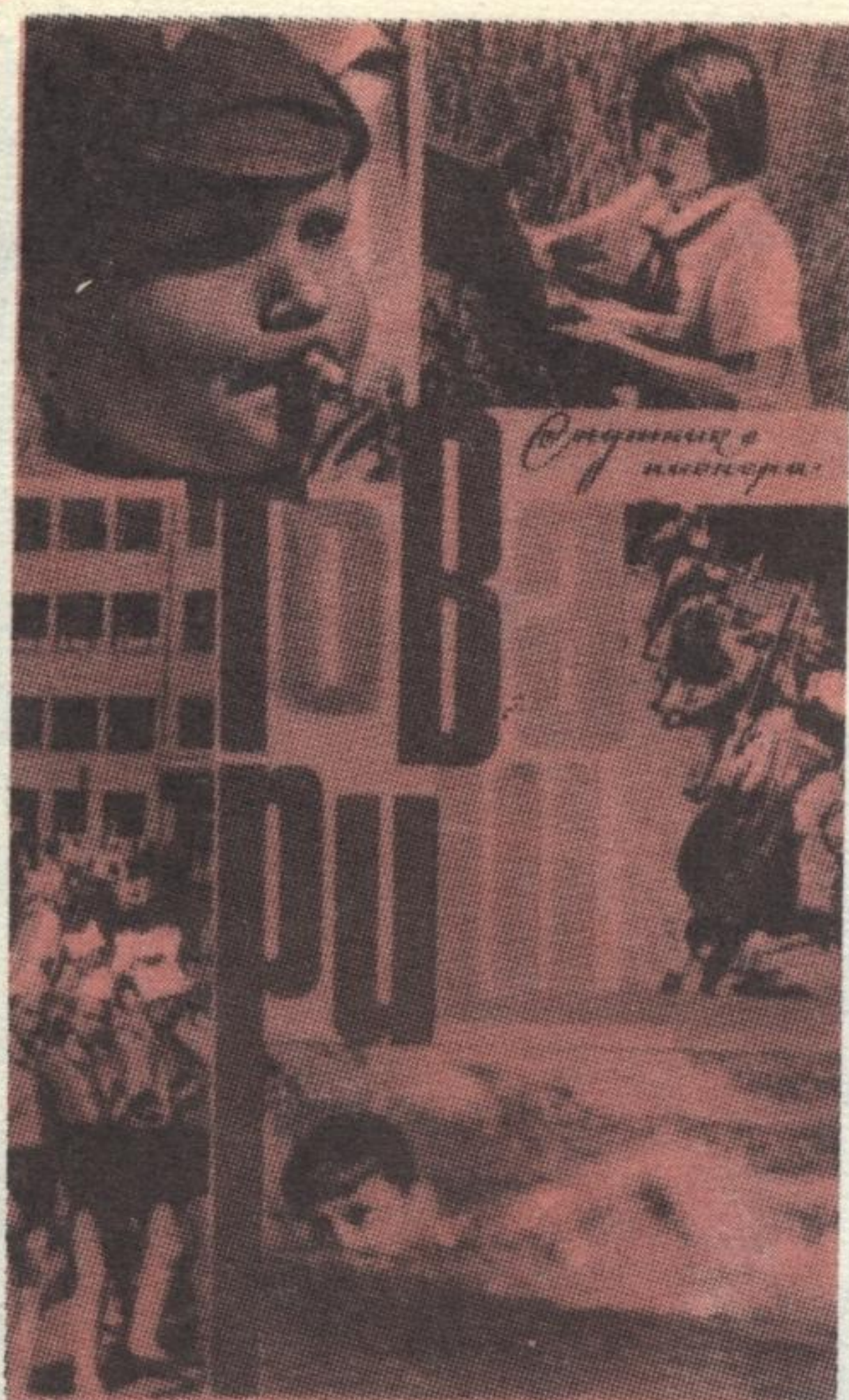
— Я тебя беру, малыш, — буркнул он, — ты здорово играешь. Если к тому же еще научишься зазывать зрителей, от тебя будет прок.

*Я сыграл
несколько
модных песенок,
стараясь
делать это
с наибольшим
блеском.*

Перевел
с английского
Виктор РАМЗЕС.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Еще один хороший товарищ

Вышел новый выпуск пионерского спутника «Товарищ». Что это за книга? Прежде всего это действительно твой верный спутник, готовый поддержать тебя в пионерских делах, дать совет, ответить на вопрос. Это умный спутник, он знает много такого, чего, может быть, не знаешь ты.

Как выглядят флаги и гербы всех наших Союзных республик? Ты сможешь с ребятами перерисовать их на большие листы и использовать на сборе, посвященном дружбе народов нашей страны.

Как начиналась история твоей пионерской организации? Когда и почему пионеров называли юными ленинцами?

Почему галстук красный? Что означает салют? Почему девиз пионеров «Всегда готов!»? Как строиться и рапортовать на линейке?

Все это расскажет тебе «Товарищ» в самом начале, потому что тебе, пионеру, это обязательно нужно знать и помнить.

А дальше «Товарищ» поговорит с тобой о самых разных вещах, которые необходимы тебе и твоим друзьям по дружине, отряду и звену в работе.

Создали в дружине клуб интернациональной дружбы. Что вы хотите делать? Ребята отвечают:

— Переписываться с пионерами других стран. Дайте нам адреса.

А где взять эти адреса? Редакции пионерских газет и журналов засыпаны письмами: «Пришлите адрес немецкого мальчика». «Срочно сообщите адрес венгерских ребят-шестиклассников. Мы в шестом классе и хотим с ними переписываться».

Теперь, когда у тебя есть «Товарищ», не надо обращаться далеко. Открой книгу, и перед тобой значки детских демократических организаций, красочные, очень разные. Здесь и значок пионеров Болгарии, и Польши, и Кубы. Здесь значок, который носят английские ребята из организации «Лесной народ». Интересно и полезно знать хотя бы немного про ребят разных стран, прежде чем садиться писать им письмо. И вообще, клубу интернациональной дружбы, сокращенно КИДу, «Товарищ» предлагает много интересных дел, кроме переписки. У тебя не хватило фантазии самому придумать эти разные дела? Не робей. «Товарищ» подсказывает по-товарищески, от чистого сердца.

Оказывается, пионеры, состоящие в таких КИДах, проводят митинги и форумы солидарности с борцами за свободу, мир и равноправие; они собирают подписи в защиту борцов - интернационалистов, преследуемых реакционными режимами.

Ребята знакомятся с работой пионерских организаций других стран. Ребята из КИДа — активные участники Международного пионерского клуба «Товарищ» в журнале «Пионер».

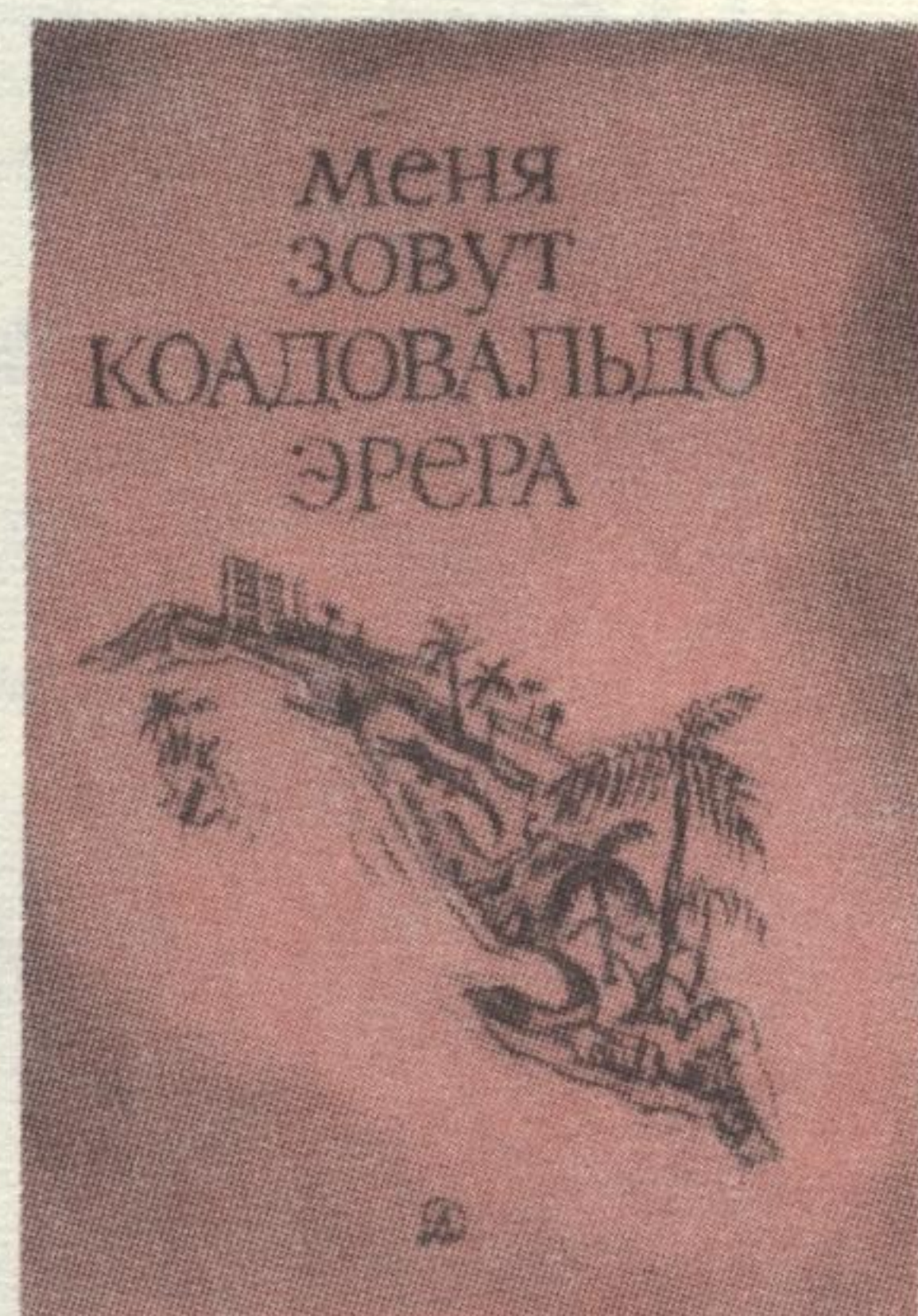
А откуда ты узнаешь о жизни других стран? «Товарищ» здесь же коротко расскажет тебе о братских пионерских организациях — венгерской, вьетнамской, кубинской, чехословацкой — о каждой расскажет, когда день

рождения пионерской организации той или иной братской страны, какими делами гордятся пионеры Германской Демократической Республики, а какими — пионеры Югославии.

И прочитав об этом, поняв что-то об их жизни, ты сможешь написать им. В книге указаны адреса пионерских организаций социалистических стран.

Какие книги читать? Как подготовиться к походу? Как затеять игру? Каждая страница этой книги насыщена полезными сведениями. Ты не раз обратишься к «Товарищу», он будет помогать тебе и твоим товарищам сделать вашу жизнь дружнее, интереснее, богаче. На то он и «Товарищ».

Людмила МАТВЕЕВА

**«Добрый день,
сеньор
и сеньорита,
добрый день,
мальчишка...»**

Открыв сборник рассказов современных писателей Кубы, прежде всего мы увидим перед собой остров, вечнозеленый, благоуханный остров, вытянутый в Карибском море, он покачивается под ударами океанских валов

**«...зеленая длинная
ящерица
с глазами, как влажные
камни».**

Мы увидим его сверху, с огромной высоты: на эту высоту не поднимается даже самый сверхмощный лайнер — с высоты поэзии. Стихами Николаса Гильена «Зеленая ящерица» открывается книга рассказов. Стихи поэта ведут нас в глубь острова, через его историю, историю рабства, нищеты и революционных битв, прямо в сегодняшний день. И это справедливо. Справедливо, что Николас Гильен знакомит с кубинской литературой советских читателей. Всему миру открыл Николас Гильен живую прелесть своей родины. Он родился на Кубе. Его бросали в тюрьмы кубинские диктаторы. Он долгие годы вынужден был жить в изгнании, но везде оставался кубинским поэтом. Повстанцы Фиделя Кастро читали у костров стихи Гильена. И сегодня их читают бекадос-школьники, — мальчишки и девчонки.

Чем интересны рассказы кубинских писателей: это как бы «куски» живой жизни. Писатели принимают участие во всех событиях своего народа и торопятся тут же отразить, подхватить и закрепить в слове те изменения, то новое, что принесла с собой революция. Литература и история здесь нераздельны, кубинские писатели творят летопись революции.

Вот, например, землю, сахарные плантации революция сделала собственностью народа. И когда начинается сафра — уборка сахарного тростника, — молодые и старые, черные и белые, вооруженные ножами-мачете, выходят на плантации, как на битву и как на праздник. Об этом рассказывают кубинские писатели.

И они рассказывают о том, как ринулась к образованию неграмотная страна: предстояло обучить миллион неграмотных, и тысячи студентов и школьников отправились с книгами в далекие горные деревни, потому что, как говорил революционер Хосе Марти: «Невежественный народ можно обмануть... и сделать рабом. Образованный народ всегда будет сильным и свободным...»

И разве не знаменательно, что в первые дни после

победы революции тюрьма на острове Пинос, в которую в 1956 году был брошен Фидель Кастро, сейчас превращена в сельскохозяйственное училище, а казармы стали школами. Где не было школ, занимались в тени деревьев. Так и называется один из рассказов: «Она пришла учить сюда... под дерево».

Герои многих рассказов — школьники. О школьниках пишет Анисия Миранда. Школьники — будущее молодой страны. И они не только герои произведений. Они авторы. Они сами рассказывают о себе. Есть на Кубе так называемые Школьные города. Дети здесь не только учатся, они работают на фермах, на заводах. Они сочиняют, рисуют, осваивают профессии. Ты прочтешь два рассказа мальчиков, живущих в таком городке.

Это удивительные рассказы! Удивительные тем, как активно, напряженно, одной со взрослыми жизнью живут кубинские ребята.

«Повстанец и связной» — называется рассказ Хиларго Кабальеро Дуран. Спокойно, эпически рассказывает подросток, как он был связным между партизанскими лагерями, как доставал для партизан фасоль, патроны, винтовки и ему, двенадцатилетнему мальчику, вручили нашивки капитана Повстанческой армии. В родную деревню Баракоа, где жила его семья, братья и сестры, он ворвался с боем, он стрелял из винтовки, и в него стреляли, как в солдата. А сейчас он за партой, он учится, учит крестьян. Он снова мальчишка.

Чем ближе к концу сборника, тем радостней звучат голоса, ликуют, радуются стихи Николаса Гильена.

**Добрый день, трактор,
Добрый день, сахар,
Добрый день,
демонстранты...**

А вот о «тракторе» и «сахаре» хочется еще сказать. Обратите внимание на то, с каким доподлинным знанием ребята из Школьного города пишут о возделывании кофе и какао, о приготовлении угля, какие они умелые, как нерасторжимо связаны со своей землей, зна-

ют ее. Тот мальчик, что в двенадцать лет стал связным, — как подробно и с интересом пишет он о подготовке зерен какао: «Чтобы вынуть зерно, надо сначала расколоть круглый и удлиненный плод какао, вынуть зерна и положить под пресс. Зерна ссыпают в деревянные ящики, затем перекладывают их листьями, а сверху на них кладут камни или еще что-нибудь тяжелое. Это и есть пресс. Должно прейти три дня, за это время весь сок из зерен выдавится, а потом зерна рассыпают на солнце для просушки. И тогда какао готово и его можно продавать». Он знает, сколько стоит фунт какао, какая цена «хорошая». И поразительно, что он нисколько не жалеет о тех героических боевых временах. У него к жизни хозяйское отношение.

Точно так же другой школьник — Коадовальдо Эрера не забудет отметить стоимость мешка угля. Он знает секреты обжига деревьев, и способы обработки, и породы деревьев. «Самые твердые деревья — яйя, екума и уэсо. Говорят, что «уэсо» так называется потому, что сердцевина у него очень твердая, как камень. Есть еще одно дерево, его называют «куэридуру» — «толстокожее». Эти деревья можно рубить только старым тупым топором.

Уголь можно получать и из мангле, касигуи, окухи, каролины, из белого уэсо и из миндального дерева. У нас многие хорошо разбираются, из каких деревьев можно выжигать уголь, а из каких нет. Им только стоит посмотреть на дерево, сразу поймут. Я тоже умею распознавать деревья по первому взгляду».

Потребность к труду у этих ребят в крови, умелость в руках, а в сердцах — любовь к своей свободной родине. Если надо, они возьмут в руки винтовку, но предпочитают они делать богаче и краше свою землю. Вот почему можно с уверенностью сказать: будущее Кубы в надежных руках. Почитайте эту книгу и вы узнаете о Кубе — стране XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов.

Т. КОМАРОВА

РУССКАЯ ДУБРАВА

Гляжу ль на дуб уединенный,
Я мыслю: патриарх лесов
Переживет мой век забвенный,
Как пережил он век отцов.

А. С. Пушкин

Дуб-летописец

В лесном словаре начала прошлого века я прочитал о дубе: «Дерево это поставлено на той же ступени, на какой лев находится между четвероногих, а орел между птиц. И дуб сделался эмблемой высоты, силы, долговечности».

Я вспомнил дуб возле литовского села Стелмужи — он родился около двадцати веков назад, а живет себе поживает. Под Москвой, в парке Ленинских Гор, я видел дуб — ровесник Москвы. Неподалеку от Запорожья сохранился дуб, которому более семисот лет, под ним запорожцы писали свое знаменитое письмо турецкому султану. В городском парке Риги я стоял возле дуба, посаженного Петром I.

Пушкинский дуб в Михайловском, лермонтовский дуб в Тарханах, дуб Адама Мицкевича, дуб Тараса Шевченко в Полтаве... В Ленинграде около Лесной академии вы увидите три дубка, посаженные в честь русского лесничего Э. И. Циолковского, его гениального сына К. Э. Циолковского и Юрия Гагарина.

Дуб-летописец... Это дерево как бы связало времена, сделало их осязаемыми. Угасшие эпохи прислали в наши дни своего живого свидетеля — они доверили прекрасному дереву память о себе, о былых делах и подвигах.

Да, есть что-то былинное и в самом слове «дубрава». Пойдешь осенью в лес и вдруг услышишь в тишине шлепок желудя о лесную подстилку — едва слышный, мягкий. Дубовая роща сбросила наземь еще одну коричневую каплю... Какая судьба будет у этого, будущего деревца, дано ли ему прорасти в последующие века?

Тревожная нотка в моем вопросе не случайна. Разговаривая с учеными, я узнал, что все меньше становится на земле дубрав.

Когда-то область дуба была куда шире — северный его пост касался берегов Белого моря, восточный — хребтов Урала. Две — три тысячи лет назад дуб в наших лесах был, говоря языком науки, основной лесообразующей породой.

Менялись условия жизни на земле. Да и человек менялся. Давно уже вместо дубинки он приохотился к топору — ладил струги, дома, морские суда. Для строительных целей дуб сам в руки просился — долговечный, крепкий, необманный в своей прочности. Редели дубравы, лесные земли распахивались. Дуб мало-помалу уступал свое господство иным породам, и теперь это царственное дерево редко поднимается выше шестидесятой параллели, а всего на долю дубовых насаждений сейчас приходится... чуть более процента от всех площадей наших лесов. Ви-

дишь, дубравы не столь безбрежны, как может показаться на первый взгляд.

Дуб-летописец взывает к тревоге. Он ждет помощи.

Про подгон и лесной ковер

Не так давно я побывал в знаменитом Теллермановском лесу в Воронежской области. Тут представлены все типы наших дубрав, и неспроста Теллермановский лес изучается лабораторией лесоведения Академии Наук СССР.

Я много ходил по прогалинам, опушкам, любовался дубами, дышал родниковой чистоты воздухом, поглаживал старые деревья с их толстой корой в морщинах. Глубокие старики со следами времени. Я держал в руке беловато-розовый, с красноватыми чешуйками молодой стебелек дуба. Чешуйки, знал я, это зачатки листьев. А вот светло-коричневый желудь — он сидит в бурой плюске, похожей на наперсток. Важный такой желудок, крепыш, семя будущего гиганта. Как помочь ему прорасти, как помочь дубовым лесам сохраниться, что для этого надо сделать? Все это тревожит ученых. День за днем, месяц за месяцем, год за годом они изучают дубравы. Хотят лучше понять их природу, вековую и в то же время такую изменчивую.

Надо ответить на множество вопросов.

Давай же проследим поиск ученых лесоводов, совершим путешествие по европейским границам дубовых лесов, и тогда многое станет понятнее, ближе.

Когда-то древние греки считали, что дуб обладает силой прорицания. «По различным изменениям шелеста листьев, — прочитал я в старинной книге, — колеблемых зефиром, или треска ветвей, ломаемых бурей, жрица предрекала легковверным умам счастливые или пагубные события».

Мы не станем прислушиваться к оракулам. Послушаем ученых.

«Дубравное государство», заключили они, двубоко. Это не образ. Это точное географическое определение. С одной, южной, стороны, дубовые леса упираются в степи — «сухой бок», с другой, северной, — в полосу владыхества ели, «влажный бок». Да и то это уже не чистые дубравы, а с примесью иных пород.

А теперь пойдем с запада на восток. Применяясь к природным условиям, дуб, как никакое другое дерево, своенравно меняет свою «зеленую свиту», окружает себя наиболее подходящими, я бы сказал, преданными породами. Самые богатые дубравы Заднепровья включили в свои царственные владения граб, явор. Продвигаясь на восток, дуб помаленьку расстается с ними. Появляется содружество дуба, ясеня и клена полевого. В за-

волжских степях этих пород почти не встретишь — тут, как в песне, к дубу перебралась рябина, а также липа, клен остролистный.

В самом деле, отчего дуб так непостоянен к своим приближенным?

Случайно? Нет.

Владыкой леса дуб еще когда станет, годы и годы пройдут, а вот в молодости в отличие от многих других пород дуб растет крайне медленно. Он не торопыга, как, например, тополь. В молодости дуб не тянется к небу, зато обильно кустится. И тут «зеленая свита» верой и правдой обязана послужить дубку. Ясень, клен, липа — подгон — затеняют боковые побеги дубка. И что же? Ветки, разрастающиеся в стороны, отмирают, а вершина тянется к живительному солнцу. Вот отчего говорят: дуб растет с открытой головой, но в шубе.

Так подгон помогает расти дубу.

Подтягивается дубок к солнцу — к истокам жизни. На образование ствола дуба расходуется полмиллиарда калорий солнечной энергии. Никакое другое дерево столько калорий не потребляет. Дубу солнечных лучей нужно больше всех!

Экспедиция наша продолжается. Мы видим: в одних дубравах деревья равного возраста малорослы, сухопары, в других — что тебе богатыри, руками нехватишь. В чем тут секрет?

Почвы... Их надо уметь читать, как книжку. Почвы определяют типы дубовых лесов, отвечают на вопрос, в каких местах выращивать дубравы.

Дуб придиричив к почвам — он любит плодородные земли. Ему нипочем сухой климат: корнями своими дерево проникает на десять метров вглубь и утоляет жажду, питаясь грунтовыми водами. В этом смысле никакая другая порода с дубом не сравнится.

Но лишь для несведущего человека дубравы на одно лицо. Это не так. Есть дубняк сухой, есть субдубрава, есть дубняк-лог, есть дубняк пойменный.

Сухой дубняк вплет в свой ковер перловник, мятлик, осоку волосистую, звездчатку. Субдубрава (растет на супесчаных почвах) рассыпала вокруг фиалку, герань лесную, пролеску. В дубняке-логе вы увидите таволгу, лютик ползучий, папоротник, овсяницу. Дубняк пойменный расстелил на берегу реки пушистый хмель, ирис, сабельник.

В нашей экспедиции мы познакомимся еще с одной примечательной особенностью дубового леса. Оказывается, каждый тип дубрав имеет не только свой разноцветный лесной ковер. Хищные птицы находят здесь свои «квартиры». Я просто поразился, когда узнал, что к дубраве-логу тяготеет орел-бвееяд, осоед и балобан привлекают сухие дубравы, ястреб и сарыч — субдубравы. Тайны тут нет. Птиц привлекают мышевидные грызуны — их десять видов в Теллермановском лесу. Видишь, в дубраве, как и во вся-

ком лесном сообществе, нет ничего случайного. Все взаимосвязано. Цельный живой организм. Свои правила. Их нельзя нарушать.

Вот мы говорили о «зеленой свите» дуба, о подгоне. Подгон — великолепное изобретение природы. Однако случается так, что «зеленая свита» может затенить не только боковые побеги дубка, но и закрыть его до вершинки. Тогда деревцу не выбраться из-под зеленого полога. Что ж, так и не вмешиваться ни во что? Нет, топором надо пройтись, изредить подгон. Прорубают для дуба «окна», чтобы он без помех глядел в небо, больше света получал.

Или грызуны. Сущее бедствие для дубрав. В особенно урожайные «желудевые» годы мыши так размножаются, что сладу никакого. Бывало, и в Теллермановском лесу грызуны растаскивали все опавшие желуди, весь самосев. Смотри: дубрава сама себя «высеивает», дуб продолжает свой род, а мыши подчистую сметаю семена. Вот почему лесоводы вынуждены применять разные средства химической борьбы с грызунами. Но самыми верными помощниками дубравы были и остаются хищные птицы, те самые, которые так любят селиться в дубовом лесу.

Что такое смена пород

Теперь я расскажу тебе о главной опасности, которая подстерегает дубравы.

В природе происходит смена лесных пород. Мы уже говорили: меняется климат, меняются погодные и географические условия. На месте одних деревьев появляются другие. В мире ничто не постоянно.

После отступления ледников на Скандинавском полуострове господствовала береза. Затем несколько тысячелетий подряд главной породой там считалась сосна. Теперь сосна уступает первенство ели.

Ель, однако, теснит не только сосну.

На северных рубежах «дубравного государства», в районе его «влажного бока» ель наступает и на дуб. Происходит это постепенно; ель не торопится. Смена пород для человека незаметна. На весах времени не годы, даже не десятилетия — века! Но попробуем представить и увидеть, как это происходит.

Вот дубовая роща дряхлеет. Тогда наиболее приспособленные и менее требовательные к условиям жизни деревья наступают на дубравы.

Дубу нелегко конкурировать с елью. Мы уже знаем, как он светолюбив, требователен к почвам. А ель? Она и в тени себя чувствует замечательно. Она и холодов не боится. Она и без подгона обойдется. А почвы? Ель — хитрющая порода. Там, где она селится, там она и почвы удобные для себя создает.

Словно в замедленной съемке, посмотрим, как елка устраивает свое новоселье.

Вот под полог дуба ветер занес еловое семя. Оно крошечное, это семя. Ему легче прикинуться к почве. И вот уже зеленая стрелка пробилась наружу. Выше, выше! Год, два, три... Тонкий ствол постепенно сбрасывает хвоинки. Со временем хвоя превратится в перегной, и этот перегной даст корешкам «поселенца» нужные питательные вещества. Так елка укрепляется на новом месте. Так происходит смена пород. Старый дуб угас, выросла молодая ель.

Печально. Жаль дубраву.

Неизбежен ли этот процесс?

Знаменитые русские лесоводы Г. Ф. Морозов и В. Н. Сукачев показали: человек в силах, если понадобится, приостановить такое нежелательное «лесное переселение». А что для этого надо делать? В первую очередь рыхлить в дубравах почвы, дабы в ней не укоренялись пришельцы.

Род дуба объединяет около двухсот пятидесяти видов, все не перечислишь. Семья, прямо скажем, многочисленная: дуб летний, дуб зимний, дуб пушистый, дуб монгольский, дуб красный, дуб крупнопольниковый. И у каждого свой характер, свои особенности. И все это надо знать.

Вот дуб летний. Всем хорош. Красавец! Богатырь! Но это когда вошел в возраст — богатырь. А в раннюю пору не силен — всходы его чувствительны к весенним заморозкам. До восьми лет еле-еле растет. К тому же поздно плодоносит. Мучительно растет. Конечно, при смене пород его елка забудет.

И вот дуб крупнопольниковый. Он не достигает таких размеров, как дуб летний. Но зато куда закаленнее! Да и к почвам не так придирчив. Он даже на голых камнях поднимется. Главное же «крупнопольник» растет куда быстрее.

Ты уже, наверное, догадался: их скрестили. Гибрид дуба крупнопольникового и летнего просто порадовал лесоводов. Не кустится. Споро вверх тянется. Самое же важное: дуб летний начинает плодоносить с тридцати лет. Новое дерево сбрасывает желуди на двадцать лет раньше — прямая выгода для дубравы. Ранний и обильный самосев — лучшая защита для любого леса. Больше сбросишь семян — больше шансов выжить.

Однако не подумай, что все вопросы решены. Это не так. Где-то дубравы усыхают, суховершиняют, как говорят ученые. Где-то поражаются пока еще неизлечимыми древесными болезнями.

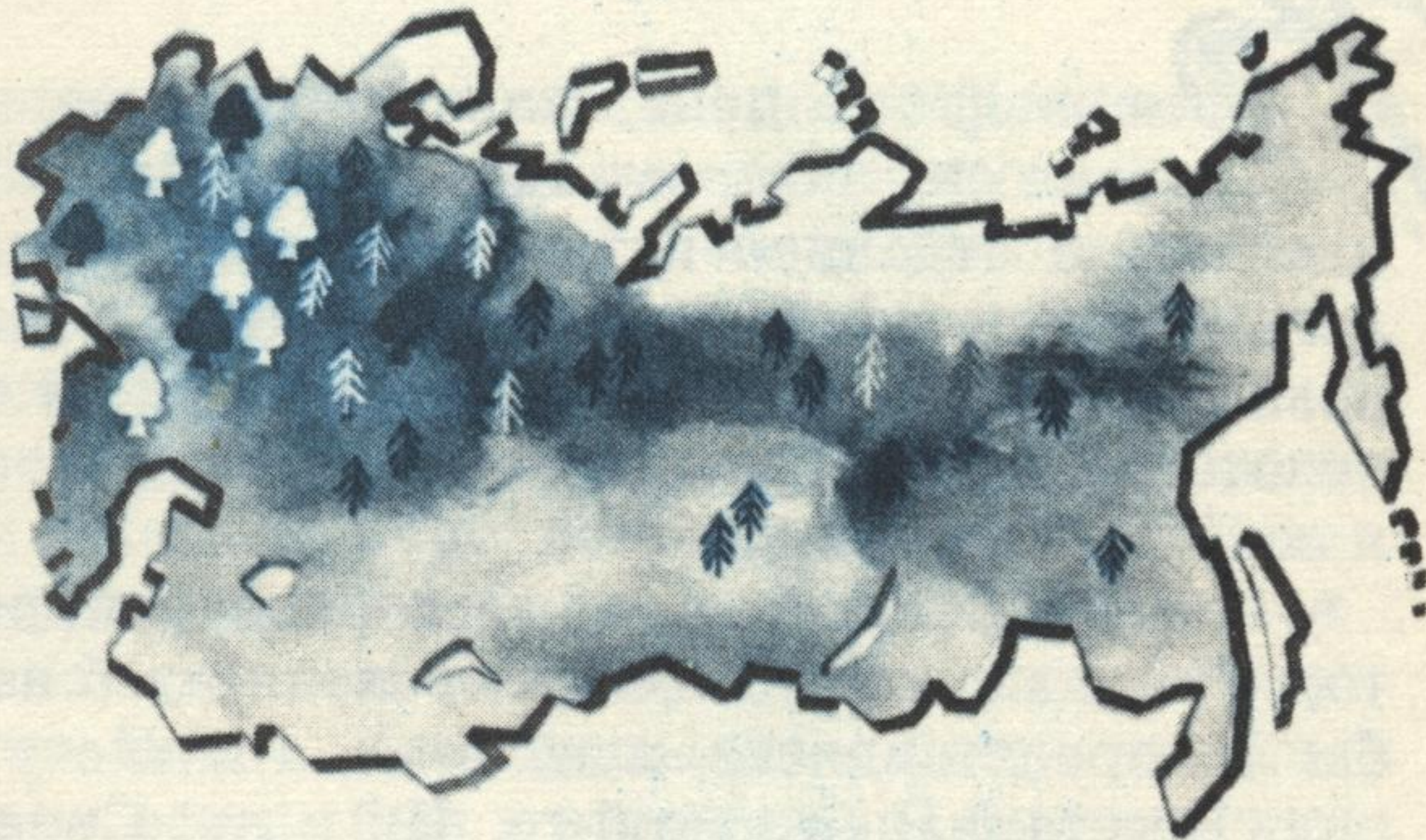
Я бы и рад сказать: причины суховершинности изучены. Мне приятно было бы сообщить: «зеленые доктора» умеют вылечивать дубы. Нет, рано еще... Экспедиция ученых по границам «дубравного государства» продолжается. Познавая его законы, изучая типы и особенности дубового леса, люди ищут

пути сохранения «зеленого патриарха». Впереди поиски, большая исследовательская работа.

...Перед тем, как покинуть Теллермановский лес, еще раз прошелся по его дивным опушкам и прогалинам. Была осень. Дубы сбрасывали желуди. Желтеющие листья, похожие на детские ладошки, слегка шелестели. Не знаю, что улавливали в этом шелесте древние прорицатели. Веру, сомнения, надежду?

Я уезжал домой с верой в то, что мой далекий-далекий потомок, придя однажды в лес, услышит в тишине, как и я, неожиданный шлепок желудя о траву, едва слышный, мягкий. Это для жизни, для продолжения рода дубрава сбросит наземь еще одну коричневую каплю...

С южной стороны дубовые леса упираются в степи, с северной — в полосу владычества ели.

ЗАДАНИЕ ЛАБОРАТОРИИ ЛЕСОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР ЧИТАТЕЛЯМ «ПИОНЕРА»

Дуб черешчатый имеет две формы, летняк и зимняк. Зимняк распускает листья и цветет на пятнадцать—двадцать дней позже летняка. В разных районах — в разные сроки. Хотя вегетационный период у этого дуба короче, но растет он энергичнее. Поэтому и желуди с зимняка более ценны.

Выявите в лесу дубы-зимняки.

Запишите число, когда распустились листья, когда началось цветение.

Осенью с дубов-зимняков соберите желуди, сдайте их в местное лесничество.

О своих наблюдениях и помощи лесничеству напишите в «Пионер». Ваши письма мы передадим в лабораторию лесоведения Академии наук СССР.

Борис Крушов

Вегетарианец

Рис.

Т. Батина

Рис.

Т. Батина

Дядя Иван был высок, богатырского сложения. Не трудно было понять, каким наказанием стала бы для него вегетарианская диета. Я, как умел, успокоил его.

В конце следующей недели приехал к нам крестьянин из соседнего села. Уезжая, он с досадой заметил, что кто-то вытащил у него из сумки хлеб. Там еще лежали брынза, сало, но жулик почему-то не обратил на них внимание.

Дядя Иван, который был в это время в конторе, услышав о пропаже, улыбнулся. Правда, сдержанно, чтобы новый директор не посчитал его за несерьезного человека. А я вскипел.

— Смейся, смейся... Не прошло и недели как я здесь, а уже две пропажи. Безобразие!

— Но, товарищ директор...

— Все смеешься, — продолжал я, — а тебе и дела нет до того, что люди станут говорить про нас.

— У нас нет воров... — произнес дядя Иван.

— Что ж тогда здесь происходит? — горячился я.

— Погодите, сейчас все сами увидите.

Дядя Иван взял кусок хлеба, положил в торбу и повесил ее сбоку к телеге.

— Теперь сами все увидите. Можем посидеть, выкурить по сигаретке. И ты, — обратился он к крестьянину, — тоже побудь с нами. Не бойся, голодным не оставим.

Спокойный вид дяди Ивана меня злил. Но все же мы закурили и молча стали посматривать в окошко.

Неподалеку от телеги, у корзины с кукурузой, появилась ручная косуля по имени Роза. Она принялась тереть крышку корзины, пытаясь добыть из нее кукурузный початок. Мимо проходил семилетний мальчик, он прикрикнул на Розу, хотел отогнать ее прочь. Но Роза вдруг сердито фыркнула и устремила к мальчишке. Тот испугался и побежал, споткнулся и упал. Роза подскочила к нему и несколько раз ударила мальчишку копытами. Мальчик заплакал.

Дядя Иван кинулся ему на выручку.

— Роза! Ах ты, негодница! Оставь сейчас же!

Мальчик поднялся и убежал, а Роза смотрела ему вслед, будто хотела сказать, что, мол, в следующий раз, когда взрослых не будет, я тебе еще не так задам.

— Надо же! — сказал я. — Ручная, а как себя ведет.

— Не любит детей, — пояснил дядя Иван, вернувшись. — Я поймал ее маленькую, выкармливал козьим молоком. Мальчишки вечно толпились возле нее — хватили ее за уши, стегали по лапам прутиками: хотели научить ее, как собаку, стоять на задних лапах. С тех пор она терпеть не может ребятишек. Увидит кого из них — тут же прогоняет.

— Нужно ее отучить от этой привычки, — сказал я и стал думать, как это сделать.

Роза тем временем продолжала бродить по двору с гордо поднятой красивой головой, она прядала ушами, шумно принюхивалась. Видно, учуяла что-то. Но вот она приблизилась к теле-

В первый же день, как только назначили меня директором охотничьего хозяйства, произошла странная история. Приехал я на телеге. Возчик помог мне внести вещи в дом и, пока лошади отдыхали, пошел к реке. А через некоторое время он заглянул ко мне в контору и сокрушенно сказал:

— Никудышный народ здесь, товарищ директор. Надо же: кто-то стащил у меня хлеб из торбы. И, представляете, хлеб взял, а котлету оставил. Вегетарианец какой-то. Ну и ну! Среди бела дня стащил!

Что я мог поделать? Только извиниться перед возчиком.

Но хотя у меня полным-полно было всяких забот, происшествие с куском хлеба не выходило у меня из головы. Сам того не желая, я внимательно приглядывался к лесникам, егерям, ко всем работникам заповедника. Разговаривая с ними, спрашивал, между прочим, есть ли здесь вегетарианцы. Они пожимали плечами, и на их лицах можно было прочесть сожаление: «Бедняга директор! Вегетарианец, а пошел работать в охотничье хозяйство!».

Несколько дней спустя егерь дядя Иван спросил меня:

— Товарищ директор, скажи мне... — он немного замялся, — ты мясо-то ешь?

— Ем, — ответил я удивленно. — А в чем дело?

— Да гляжу, все ищешь вегетарианца. Люди поговаривают: может, ты вегетарианец? Может, и нас хочешь к этому приучить? Я без мяса и за стол не сяду, честно скажу тебе.

ге, умело, будто проделывала это не раз, сунула морду в сумку и извлекла оттуда хлеб.

— Видели, товарищ директор? — торжественно спросил дядя Иван. — Вот он ваш вегетарианец. Маленькой я ей часто давал хлеб, вот она и ищет его.

— Ну и хитрюга! — виновато проговорил я. Неловко было за свое недавнее раздражение и за то, что мог подумать, будто в нашем хозяйстве есть вор.

Проделки «вегетарианки» не так уж и страшны. Нужно предупредить всех, чтобы не оставляли сумки открытыми, Роза не сможет достать из них хлеб. Хуже было то, что она гонялась за детьми. Вот с этим надо покончить.

Прикидывал я и так и сяк, что же предпринять? И придумал.

Взял я своего шестилетнего сына Йовчо, и пошли мы с ним к Розе. Она лежала в саду под яблоней. Подняла голову, подозрительно глядя на нас.

Я поманил косулю хлебом. Ноздри ее расширились от приятного запаха, она с опаской приблизилась к нам, взяла хлеб и тут же отскочила.

Несколько раз приходили мы к ней с Йовчо. Косуля уже спокойно брала у меня еду из рук. Но однажды я дал кусок хлеба сыну для того, чтобы он сам покормил Розу. Только он стал подходить к косуле, она повела ушами, фыркнула и перешла в наступление. Я прикрикнул на нее. Йовчо снова поманил косулю, но она так и не взяла у него угощение.

И все же мы с Йовчо решили не сдаваться.

Надо дать ей почувствовать доброту человека. Несколько недель ходили мы с Йовчо к Розе, и каждый раз он угощал ее хлебом. Потом мы стали брать с собой и других детей. В моем присутствии они тоже кормили ее хлебом.

Как-то раз я спрятался за кустом, и к Розе с куском хлеба в руке направился Йовчо. Роза настороженно посмотрела на приближающегося мальчика, огляделась вскруг. Видно, удивилась смелости Йовчо. Она привыкла к тому, что рядом с ним всегда был и взрослый. Я был начеку, готовый тотчас же выскочить из-за куста и прийти на помощь мальчику, если это потребуется.

Но мои опасения были напрасны. Йовчо ласково подзывал ее к себе, настойчиво протягивал хлеб, и Роза поняла: это не враг, это друг.

И она взяла хлеб из рук мальчика. Тронутый ее кротостью, Йовчо легонько погладил Розу.

С этого дня косуля перестала бояться ребят и никогда больше не нападала на них.

Перевел с болгарского
О. ТИХОМИРОВ

На этот раз
«Кораблик» —
фестивальный.
Специальным
рейсом
он доставил
стихи
юных поэтов
нашей страны,
Болгарии,
Югославии
и Вьетнама.

Солнышко

Солнышко светит везде и повсюду,
Моржу, и верблюду, и разному люду.
Солнышко светит взрослым и детям,
В солнечный день хорошо на планете!

Лена КОЛМАНОВСКАЯ,
11 лет, г. Москва.

*

Лена БАСОВА посвятила свои стихи
фестивалю «Пусть всегда будет солнце!».
Лене 10 лет, она живет на Северном Кавказе,
в городе Грозном.

* * *

В Артеке, в одной из палаток,
Собралось пятнадцать ребят.
— Марат, расскажи про Кавказ нам!
И начал рассказ свой Марат.
— У нас на Кавказе вершиной
Упирается в небо Казбек,
И в зеленых предгорных долинах
Стелет бурку чабан на ночлег.
За бурный поток ли нагорный,
Что радует сердце и глаз,
За все — и за реки, за горы
Люблю я родной свой Кавказ.

Сергей рассказал о Тайшете,
Тарас — о Карпат вышине.
... Долго звучали рассказы
О нашей любимой стране.

*

Стихи
болгарской школьницы
Антонии СТАНЧЕВОЙ.

Ленин

Залп «Авроры» новый,
Светлый день открыл,
И Октябрь Великий
Землю озарил.

Ленин — на планете
Слова лучше нет!
Ленинское знамя —
Это мир и свет!

Эти два стихотворения
пришли к нам из Вьетнама,
из города Хошимина.
Их автору, ТРАН ДАНГ КХОА,
сейчас уже 15 лет.
Но стихи про цыплят и про кокос
он сочинил давно,
когда ему было только 10.

Кокос

Вот старый-престарый кокос.
Сколько же лет он рос?
Засеребрился ствол,
Ветками ввысь ушел,
Ветерок к себе манит он,
А рук у него миллион,
И даже, кажется мне,
Делает знаки луне.
Видел я по ночам —
Звезды склонились к цветам,
Листья брались по утрам
Кудри чесать облакам.
Кто приготовил, кокос,
Питье из твоих слез?
И, словно темные флаги,
Плодов твоих вывесил флаги?
Ты полдня смягчаешь свет,
И шуму листвы в ответ
Крыльями бьют журавли.
Неба ты страж и земли,
Но делаешь вид почему-то,
Что вышел всего на минуту.

Цыплята

В нашем дворе пищат
Восемь желтых цыплят.
Не подымая голов,
Ищут они червяков.
Дождик. Они дрожат.
Вслед за мамой-наседкой
Едва поспевают детки,
Но разве поспеешь за ней?
Дождь все сильнее, сильнее
И вдруг становится редким.
Крылья водой набрякли.
Стали словно из пакли
Восемь желтых цыплят.
Глазки у них блестят,
Словно живые капли.

*

А эти четыре стихотворения
прислали в свой пионерский журнал «Змай»
югославские школьники.

Вера КЕРЕКЕШ,
7-й класс,
село Црвенки

Письмо

северному другу

У тебя меньше солнца,
У тебя меньше лета,
У тебя весна
Белого цвета.

Мои глаза
Не встречались с твоими.
У тебя такое
Чудное имя.

Но у нас одинаковые
Сердца и сны,
И мы одинаково
Не хотим войны.

Оливера МИЛИЧЕВИЧ,
ученица 5-го класса из Белграда.

Моя страна

Милая моя страна
Горами, как друзьями, окружена.

В каждом лесу твоём
Был партизанский дом.

За каждой высокой сосной
Стоял боец лесной.

Пусть спокойно текут
Рек твоих воды —
Дети твои не отдадут
Мира и свободы.

Марина ПАВЛОВИЧ,
шестиклассница
из города Ниш.

* * *

Плохо на свете
Без солнца и света.
Плохо на свете
Без теплого лета.
Плохо на свете
Листьям без веточек.
Плохо на свете
Без нас, девочек.
Плохо на свете
Без милого моря
И хорошо —
Без горя!

Дубравка СРЕТЕНОВИЧ,
ученица 4-го класса
из поселка Падунска Скела.

Мама

Есть у неба тысяча дождинок.
У земли есть тысяча песчинок.
Есть у леса тысяча дубов.
Есть у дуба тысяча листов.
У меня — два черных круглых глаза
И в глаза моей любимой маме
Я во все глаза
Гляжу двумя глазами.

Ребята учат рисовать
в детском саду
и в школе,
в студиях
Дворцов пионеров,
в студиях при жэках,
в кружках
домов культуры.
И какие замечательные
получаются рисунки!

Рисунки
Миши Макарова
«Я и мой друг Колька»,
Веры Пепитоки
«Московская старина»
мы взяли с выставки
«Моя Москва»,
которая была в начале
года.
Вере 10 лет,
а Коле еще меньше — 7,
но и Вера и Коля
награждены дипломами.

Встанем в круг

Все ребята любят играть.
Сегодня мы знакомим вас с играми
ваших сверстников из разных стран,
которые собрал венгерский журналист
Андраш ЛУКАЧИ
в своей книге
«Игры народов мира».
Может быть,
эти игры
понравятся и вам.

НАРОДНЫЙ МЯЧ

Эта болгарская игра — родственница нашей лапты. Играют на волейбольной площадке, только без сетки, две команды по 10—15 человек. Каждая команда стоит на своей половине площадки, но по одному игроку посылает на территорию противника. Он находится там в течение всей игры.

Игрок одной из команд бросает мяч на чужую половину так, чтобы осалить игрока противника. Тот, кого осалят, выбывает из игры. Но если игрок поймает мяч, он получает право бросить мяч, чтобы осалить игрока другой команды.

Команды по очереди кидают мяч, и число выбывших игроков растет.

А что же делает игрок, «засланный» на территорию противника? Если мяч никого не осалит, а просто покатится дальше, он хватает его и перебрасывает своей команде.

Рисунки Ю. КАРПОВОЙ.

САЛОЧКИ ПО-АНГЛИЙСКИ

У английских ребят несколько видов салочек.

Перекрестные салки похожи на наши. Как обычно, есть водящий, но если он, предположим, вот-вот настигает кого-нибудь, другой может выручить этого игрока: если он пересечет путь водящего, водящий должен кинуться вдогонку за ним.

Цепные салки. Если водящий осалит игрока, он берет его за руку, и они водят уже вместе. Постепенно образуется цепочка водящих. Кажется, теперь-то им ничего не стоит переловить всех. Но только при одном условии: цепь не разрывать. А чем больше цепь, тем труднее ловить ребят.

Смешные салки, их еще называют «обезьяньи». Водящий должен подражать тому, за кем гонится. Убегающий старается придумать неожиданные и смешные позы, а его преследователь должен все в точности повторить.

САЛОЧКИ С МЯЧОМ

Любимая игра юных алжирцев. Играют тоже две команды, в каждой не меньше пяти игроков. Команды выстраиваются у двух линий друг против друга на расстоянии четырех-пяти метров. В середине стоит ведущий. Он начинает игру — бросает мяч какой-нибудь из команд. Игрок, поймавший мяч, быстро бросает его в команду противника, стараясь осалить кого-нибудь. Если ему это удастся, осаленный игрок выбывает. Мяч можно бросать три раза. Противник, поймавший мяч, тоже получает право на три броска. Выигрывает команда, которая выбивает всех игроков противника.

КОРЗИНА С ФРУКТАМИ

Чилийские ребята садятся в круг на расстоянии метра друг от друга на корточки. Каждый называет себя каким-нибудь фруктом: апельсином, грушей, ананасом — кому что по вкусу. Водящий-покупатель стоит в кругу. Ребята спрашивают: «Что ты купил?» Покупатель отвечает, к примеру, так: «Я пришел с рынка, принес яблоко и грушу». Тогда «яблоко» и «груша» быстро меняются местами, а покупатель старается занять место кого-нибудь из них. Тот, кто остается без места, отправляется на базар — становится водящим.

*

КТО САМЫЙ МЕТКИЙ?

Наверное, в вашем пионерском лагере есть лучники. Предлагаем им игру индейских мальчиков. Две команды выстраиваются на одной линии. Отметьте 15 метров от линии и укрепите на какой-нибудь возвышенности стрелу, очертите вокруг нее круг.

Команды стреляют по очереди. Кто попадает в стрелу или в круг, получает очко. А в конце игры очки подсчитывают.

Турнир в пионерском лагере

О нем просят рассказать Пешкина Слава Шевцов из Красноярска и саратовский школьник Володя Фисенко. А Сережа Никаноров из Томска хочет знать, можно ли, участвуя в таком турнире, получить спортивный разряд.

Вот что отвечает Пешкин своим друзьям.

Конечно, в пионерском лагере найдется немало ребят, любителей шахмат, и они с удовольствием будут играть в турнире. Турнир может быть классификационный: участники его получают спортивный разряд.

Но для этого надо, чтобы турнир прошел организованно и чтобы каждый участник сыграл не менее десяти партий. Лучше всего, если на турнире будут сражаться 12—14 рыцарей шахмат. Если их окажется больше, следует провести несколько турниров.

Игра должна проходить строго по правилам. Ни в коем случае нельзя брать ходы обратно, партии записывать. Не торопитесь, не играйте больше одной партии в день.

За порядком в турнире наблюдает выбранный ребятами староста. Он записывает результаты

игр на таблице. После окончания турнира ее надо заверить у инструктора физкультуры и написать в районный или городской комитет по физкультуре и спорту.

В турнире новичков все набравшие 50 процентов возможных очков получают четвертый спортивный разряд. Те, у кого уже есть этот разряд, получают третий, если они наберут 70 процентов возможных очков.

«Белая ладья» в Рязани

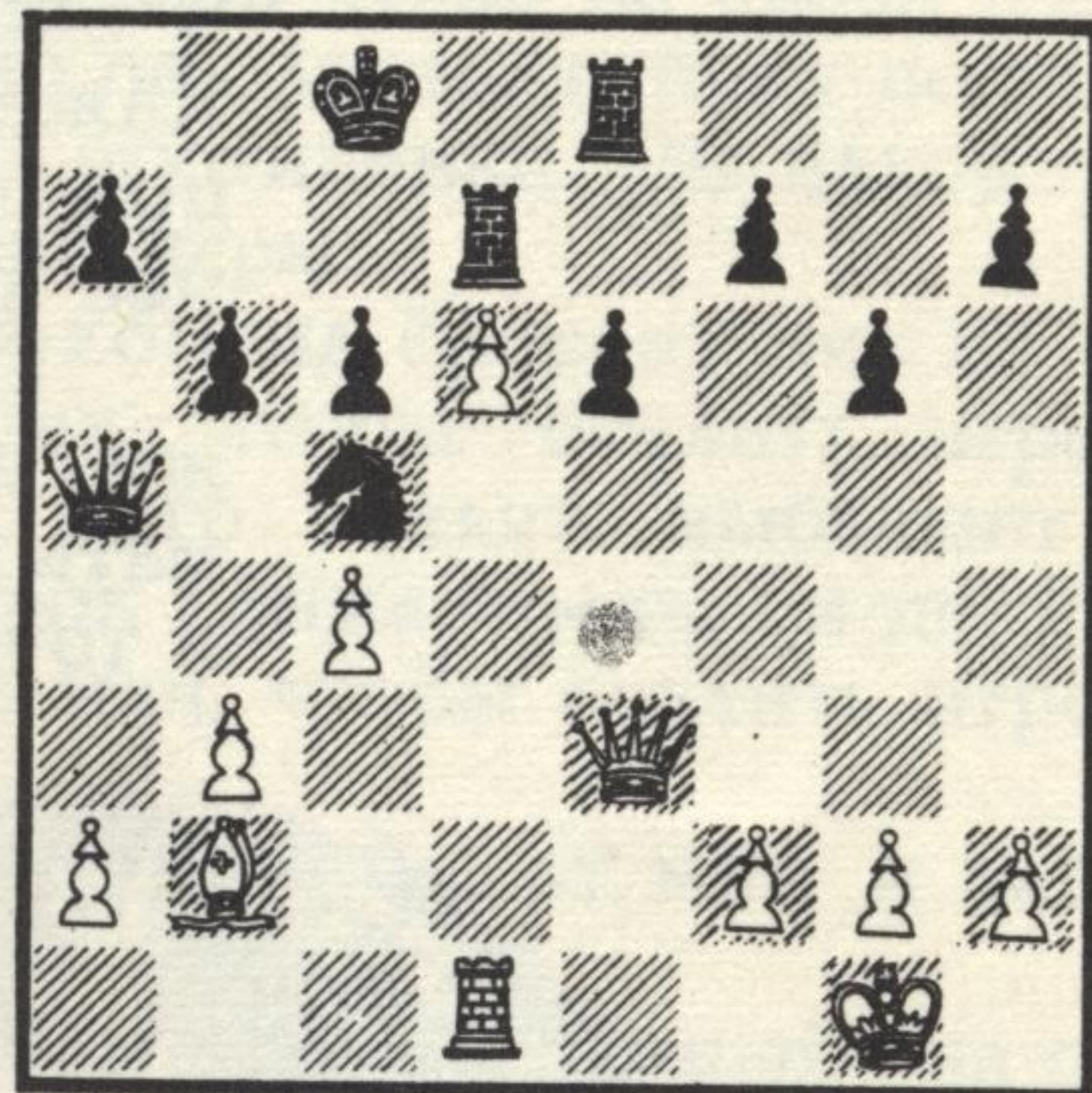
Команды из тридцати областей, краев и автономных республик съехались в Рязань на финальный турнир клуба «Белая ладья» на первенство Российской Федерации.

Большого успеха добились ребята из волгоградской школы № 8. В нее входили: Вит. Леви, Александр Суворов, Сережа Харькин, Лилия Карамышева и Светлана Либакова. Они уверенно заняли первое место.

На второе место вышла команда архангельской школы № 28, на третье — команда школы № 40 города Горького.

На турнире было сыграно много интересных партий. Вот окончание одной из них. Белыми играл Игорь Сорокин (г. Горький). Игорю четырнадцать лет, но он уже кандидат в мастера. Черными играл перворазрядник Александр Проскуряков (Архангельск).

У белых бесспорное позиционное преимущество, очень сильна проходная пешка d6. Игорь Сорокин отлично реализовал свой перевес. Вот как развивались события дальше:

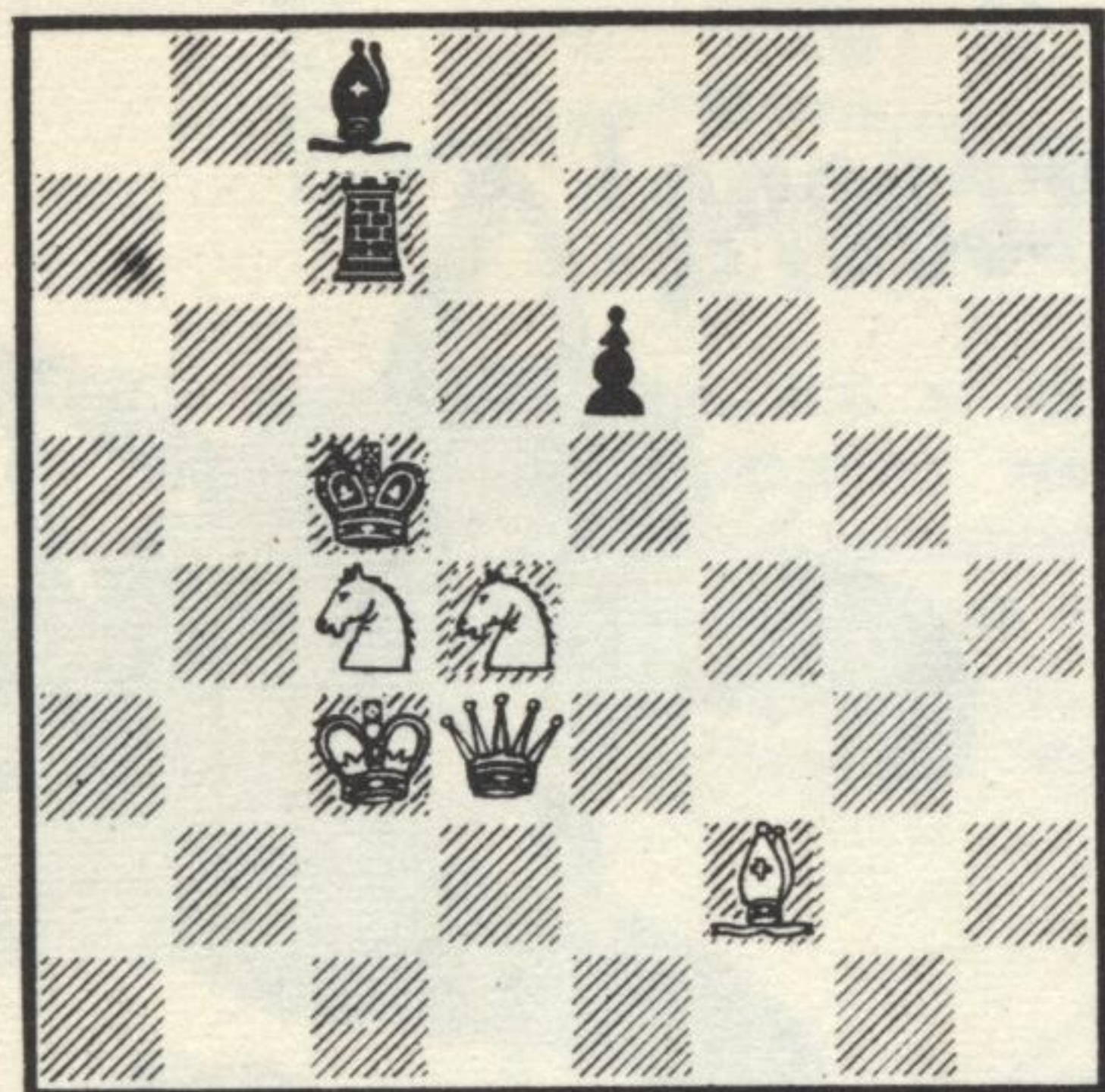
27. a2—a3 Kc5—b7 28. Fe3—e4 Kb7—d8 29. Cb2—e5 f7—f5 30. Fe4—d4 Kd8—f7 31. f2—f4 Le8—d8 32. b3—b4 Fa5—a4 33. c4—c5 b6—b5 34. Fd4—c3, Ld8—g8 35. Ld1—e1 Kf7—d8 36. Ce5—f6 Ag8—e8 37. Le1—e3 Fa4—a6 38. La1—e1 Fa6—b7 39. Cf6 : d8 Ld7 : d8 40. Le3 : e6 Fb7—d7 41. Le6—e7 Le8 : e7 42. Le1 : e7; черные сдались.

Пешкин советует всем своим друзьям внимательно разобрать это поучительное окончание.

Конкурс Пешкина

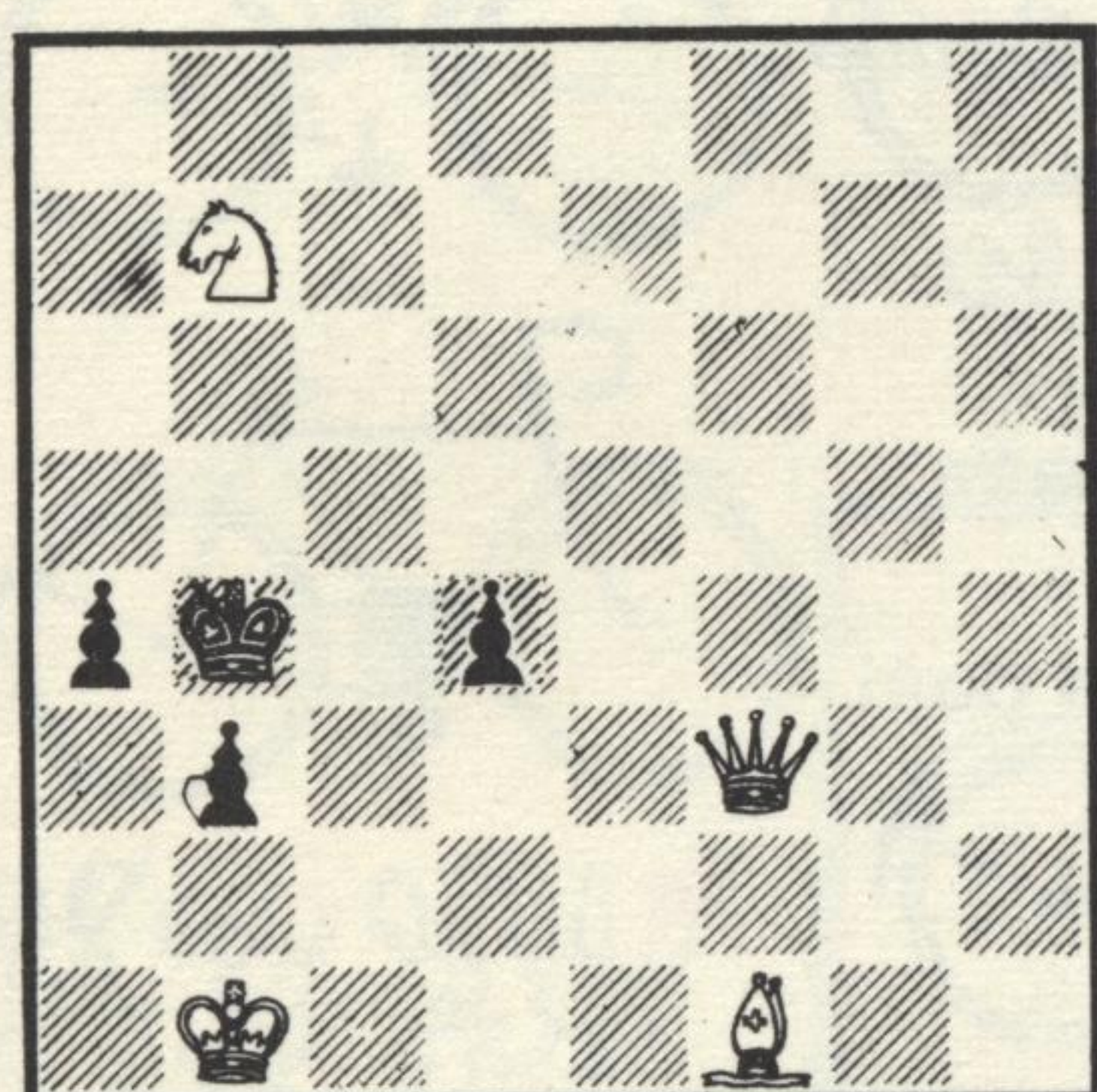
Три задания были напечатаны в предыдущем номере «Пионера». А вот еще три (всего будет десять заданий).

Найдите, как в этом положении белые, начиная игру, дают мат в два хода.

И в следующей позиции белые, начиная игру, дают мат в два хода.

Шестое задание — этюд.

Напомним, чем отличается задача от этюда. В задаче цель должна быть достигнута в точно указанное число ходов. В этюде число ходов не ограничивается.

Расставьте на доске такую позицию:

Белые: Крс4, Сс2, Кd2 пешка с3. Черные: Кра3 пешки а4, а2, b2.

Начиная игру, белые добиваются победы.

Рисунки Н. МАРКОВОЙ.

Им очень нравится в «Артеке».

— Пионерская организация Йемена с большой радостью встретила весть о проведении в СССР Международного детского фестиваля «Пусть всегда будет солнце!». Уверен, что он станет еще одним шагом к объединению всех миролюбивых и прогрессивных сил Земли.

МОХАММЕД СОЛТАН ОМЕР,
секретарь Центрального совета
пионерской организации
Народной Демократической Республики Йемен.

— Солнышко выглянуло...
Решено! Нарисую солнышко!

— Разрешите от имени пятидесяти тысяч пионеров Франции приветствовать Международный детский фестиваль «Пусть всегда будет солнце!» и пожелать больших успехов его участникам. Фестиваль поможет воспитывать ребят в духе дружбы и солидарности. А это основная наша задача. Ведь от того, какими вырастут наши дети, зависят судьбы мира в будущем.

ЖАК БУРГУАН,
национальный секретарь организации
пионеров Франции.

Слышите?
Это играют
румынские пионеры.

Из пословицы в КРОССВОРД!

Вот задача непростая
Для смысленных —

лучший спорт:

Надо буквы переставить
Из пословицы

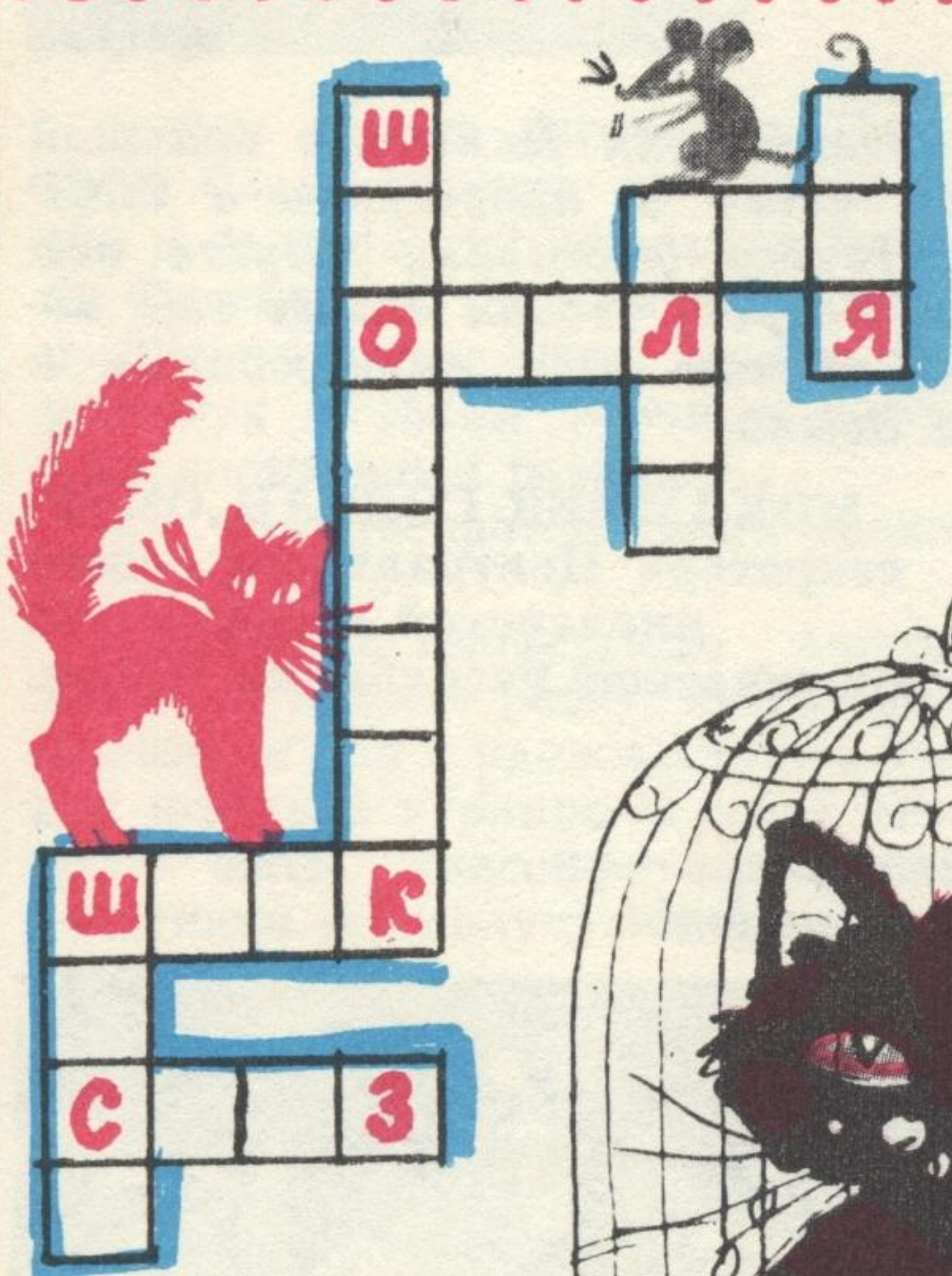
в кроссворд.

В нарушение строгих правил:
— Без подсказок!

Прямо в бой!

Восемь я уже расставил!
Девятнадцать

за
тобой!

Отольются кошке мышьины слёзки

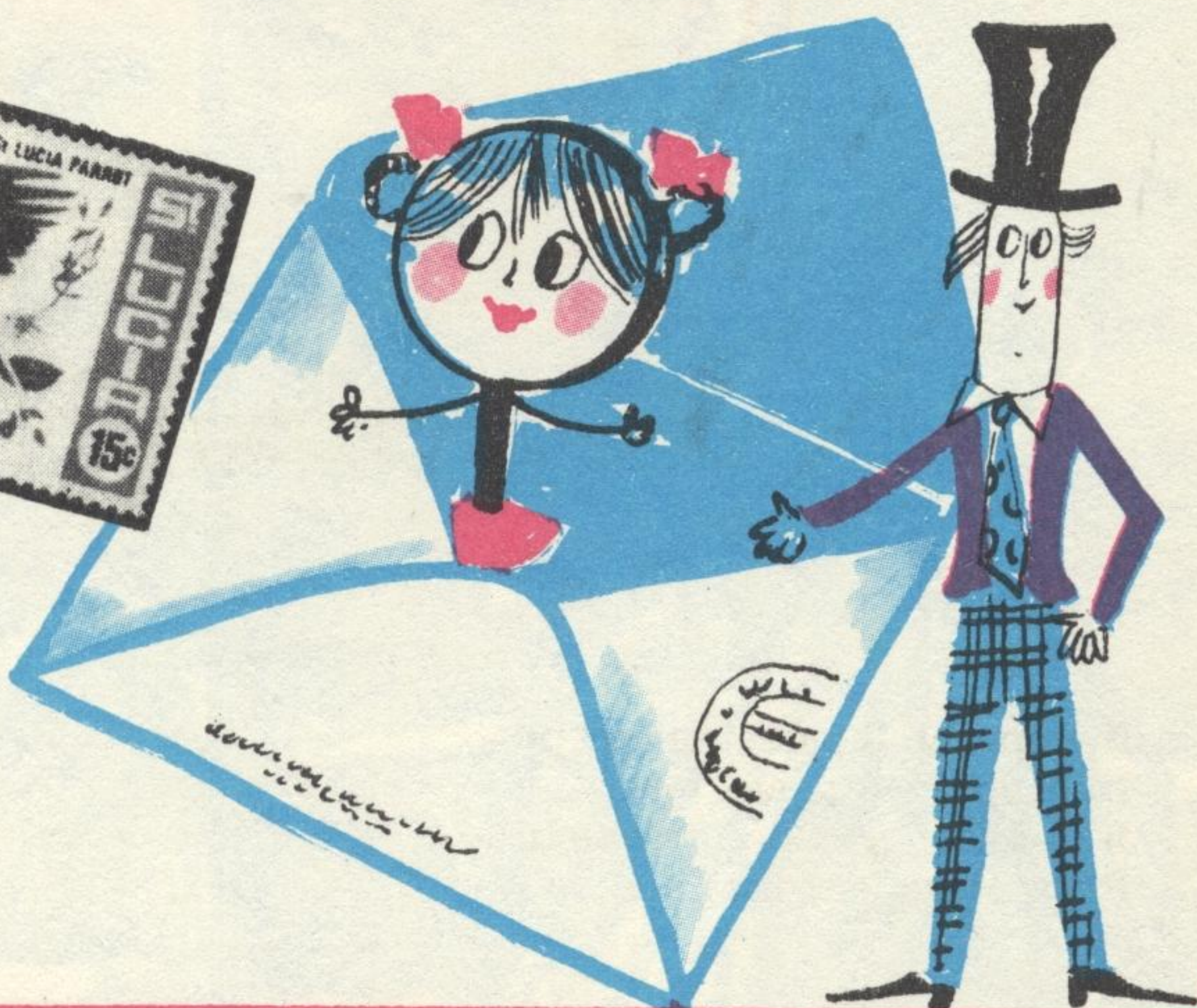

ИГРЫ Луны и Пинцета

ИКСАМ ВХОД ЗАПРЕЩЁН

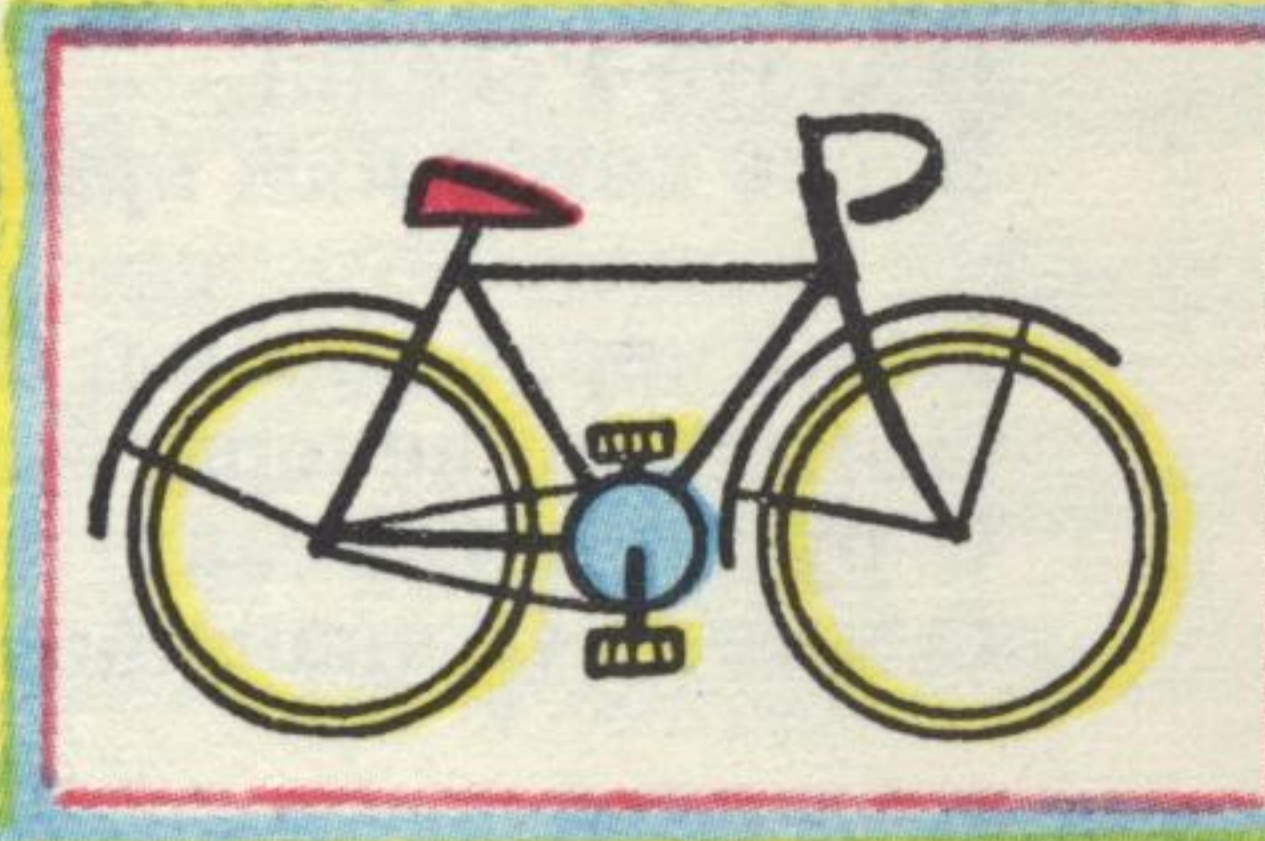
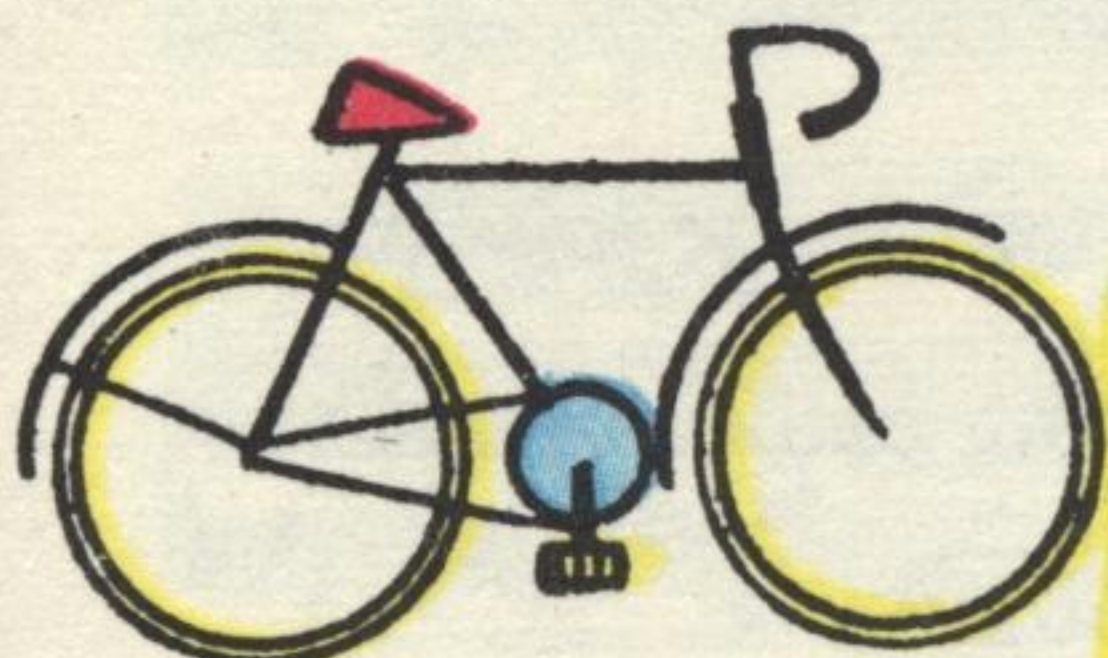
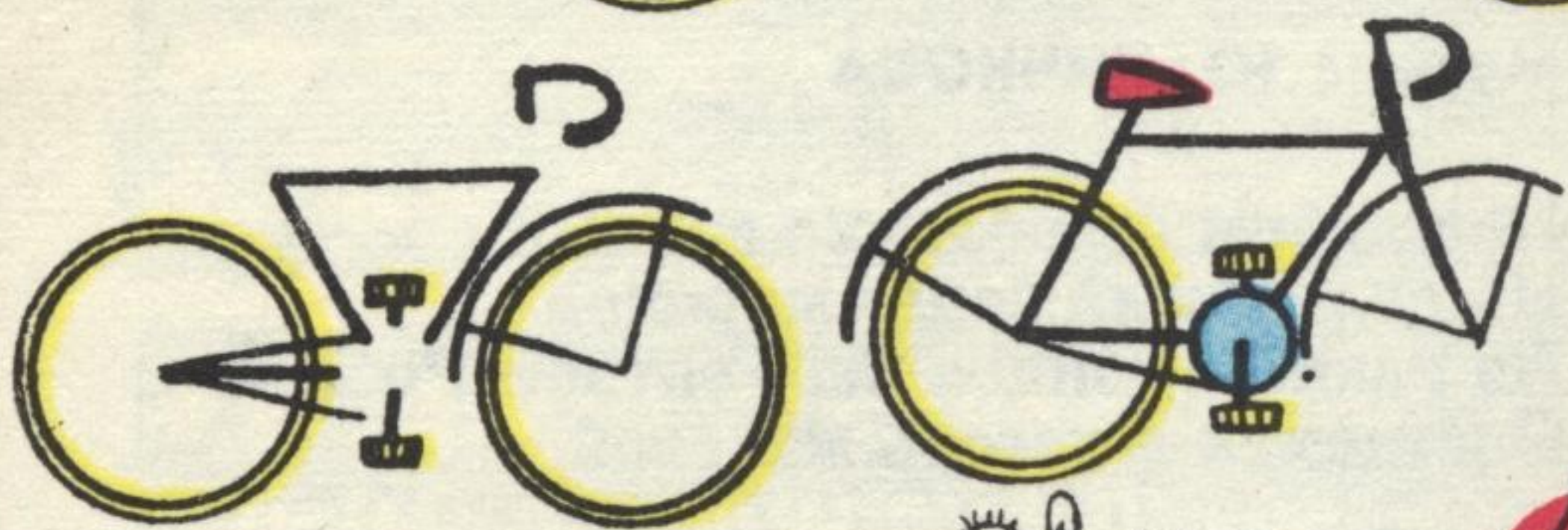
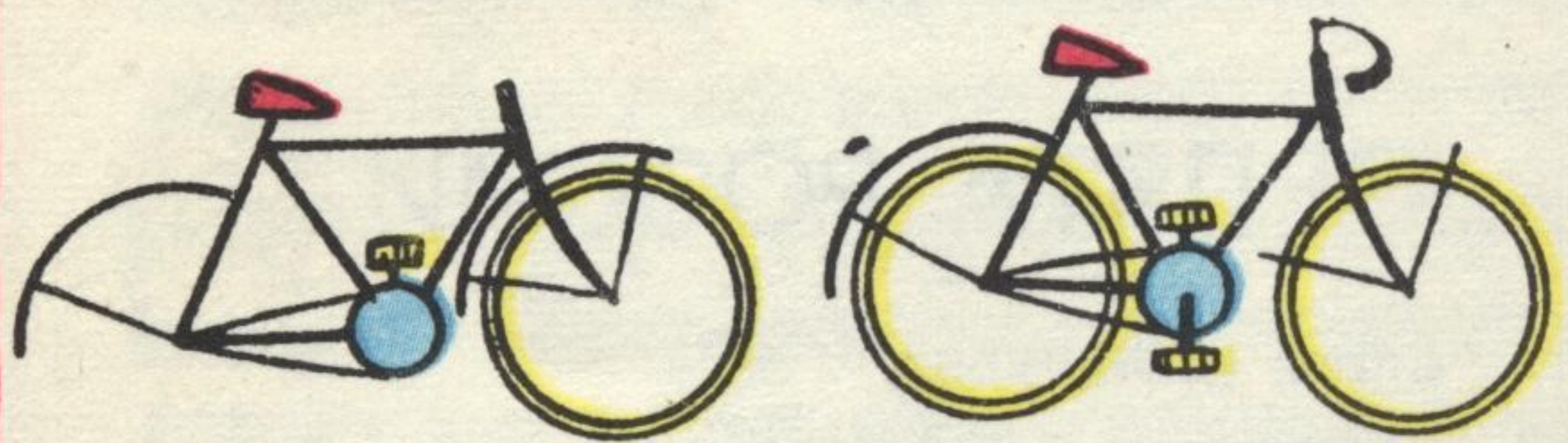
Ура!
Мы получили
целый конверт новых марок.
Половина из них плюс еще одна марка посвяще-
ны фауне. Половина оставшихся плюс еще одна
марка — космосу и последние три — спорту.
Мы рассказали об этом капитану Перо и Жив-
живке и спросили: сколько всего марок в конвер-
те? Капитан Перо стал составлять уравнение с
иксами, а Живживка немного подумал и все ре-
шил в уме.
А ты что ответишь на наш вопрос?

ВЕЛОКРОСС

ПЯТЬ зайчат готовились к велосипедному кроссу. И вдруг в последнюю минуту гонщики обнаружили, что все их машины не в порядке. Я отдал им свой велосипед для того, чтобы они разобрали его и починили свои. Как вы думаете, хватит ли зайцам деталей и что останется от моей машины?

Живживка

НОВЫЙ ПАРОЛЬ РЕЗИНОК

Карандаши передали мне записку, перехваченную у Резинок. В ней было написано:

+ ЩЕНОК
ЩЕНОК

СОБАКА

пароль — 7241

Я сразу догадался, что одинаковые буквы означают одинаковые цифры, но значение всех букв пока еще не установил. Жду вашей помощи!

Капитан Перо

ВОЛШЕБНЫЙ КРУГ

В черном фраке на эстраде
Маг искусный выступал.
Я тайком в своей тетради
Руки мага рисовал.

Только тот сумеет смело
Разобрать волшебный круг,
Кто ответит, сколько левых
На моем рисунке рук!

Живживка

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 6

Игры Лупы и Пинцета

Япония, Франция, Норвегия,
Италия, Португалия.

Кривое зеркало

Отражение мяча на рисунке
«А».

Чьи стихи?

Щука, ерш, сазан, налим,
лещ, плотва, осетр, судак.

Камешек-из-горного ручья

9 воинов, 45 стрел.

Ответственный дежурный
Никита РАЗГОВОРОВ

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Посвящается Международному фестивалю
«Пусть всегда будет солнце!»

ПЕСНЯ ДРУЗЕЙ

Слова К. ИБРЯЕВА

Музыка Ю. ЧИЧКОВА

В темпе марша

Музыка Ю. ЧИЧКОВА. Песня в темпе марша. Текст: Мы у ме. ем здо. ро. вать ся с солн. цем, слу. шать вет. ра се. реб. ря. ный сме. х, в на. ших пес. нях о сча. стьи по. ёт. ся, о без. об. ла. ч. ном сча. стьи для всех. Лу. чис. то. е солн. це не де. лит. ся на ча. сти. ти и веч. ну. ю зем. лю не. ль. зя раз. де. лить, но ес. ли ты сча. стлив, то ис. ко. ди. ку сча. стья, ты мо. жешь ты дол. же. н. дру. зьям. ям по. да. рить, ты мо. жешь ты дол. же. н. дру. зьям по. да. рить. Зна. чит. // рить.

Для повторения
Для окончания

Слова песни
напечатаны
на последней
обложке.

Посвящается Всероссийскому
празднику творчества школьников

ОРЛЯТА РОССИИ

Слова К. ИБРЯЕВА

Музыка Ю. ЧИЧКОВА

Под небом безоблачно-синим
На солнечный берег морской
Из разных концов необъятной России
Слетаемся в лагерь мы свой.

ПРИПЕВ:

Орлята России!
Здесь солнце и море прибавят нам сил!
Орлята России!
Здесь ветер нам крылья свои подарил!

Поют черноморские волны
Нам часто вечерней порой:
О русских березах, о звездах московских —
О нашей Отчизне большой.

ПРИПЕВ.

В урочное время отсюда
Разъедемся мы, улетим;
Но юную дружбу, как доброе чудо,
Навеки в сердцах сохраним.

ПРИПЕВ.

В темпе вальса

Музыка Ю. ЧИЧКОВА. Песня в темпе вальса. Текст: Под не. бом бе. зоб. ла. чно-си. ним, на сол. не. чный бе. рег морс. кой, из раз. ных кон. цов не. об. ъят. ном Рос. си. и сле. та. ем. ся в ла. герь мы свой. Ор. ля. та Рос. си. и тут солн. це и мо. ре при. ба. вят нам си. лу. Ор. ля. та Рос. си. и, Ор. ля. та Рос. си. и. Здесь ве. тер нам кры. лья сво. и по. да. рил. Здесь ве. тер нам кры. лья сво. и по. да. рил. Зна. чит. // рил.

Для повторения
Для окончания

Посвящается 60-летию Октября

ИДЕМ ДОРОГОЙ ЛЕНИНА — ДОРОГОЙ ОКТЯБРЯ

Слова К. ИБРЯЕВА

Музыка Ю. ЧИЧКОВА

Рассветное солнце встречаем мы песней,
Ему отдаем мы салют.
Дорогою славы, дорогою чести —
Дорогой отцов пионеры идут.

ПРИПЕВ:

Идем дорогой Ленина,
Дорогой Октября.
Горит на наших галстуках
Весенняя зоря.
Как совестью нам велено,
Идем дорогой Ленина,
Идем дорогой Ленина,
Дорогой Октября.

Нам Родина крылья могучие дарит,
И мы отдаем ей салют!
В таежные дебри и в звездные дали
Нас звонкие, дерзкие ветры зовут.

ПРИПЕВ:

Нас партия учит бороться за счастье,
И мы отдаем ей салют!
Мы знаем, что в жизни, распахнутой настезь,
Победные мирные битвы нас ждут.

ПРИПЕВ:

СОДЕРЖАНИЕ

Здравствуй, фестивалы! — Е. Рыбинский. Фотографии В. Постникова	1
Пусть всегда будет солнце! — Фотографии В. Гусева и В. Постникова	4, 5, 13, 41, 77
Международный пионерский клуб «Товарищ». — Рисунок Ю. Карповой	6
Улица. — Стихи Б. Стойковича. Перевел с сербско-хорватского Л. Кондрашенко	14
«Вега». Летом. Гора, которая называется «Ю». — Стихи И. Фонякова	14
Автор добрых и веселых книг. — М. Прилежаева	15
Лето на колесах. — Повесть В. Разумневича. Рисунки И. Урманче	17
Снова в Америке: борьба продолжается. — Г. Айзман. Рисунки Т. Ларионовой	34
Их подружил «Артек». — М. Матвеева. Рисунки В. Шолохова	37
Малая пионерская энциклопедия	38
Почта дружбы. — Н. Белов. Рисунок Е. Гладиковой	39
История в картинках В стихах и бронзе. — Э. Гусева. Фотография В. Песляка	42
Марш Буденного. — Стихи Н. Асеева	42
Международный пресс-центр. Ведет Вл. Васильев	44
Сколько он стоит? — И. Токмакова	47
Недобрый ветер. — Повесть А. Хант. Перевел с английского В. Рамзес. Рисунки Н. Тодорова	48
Что нам читать?	64
Лесная школа Русская дубрава. — Очерк Ю. Крутогорова. Рисунки Ю. Бондаренко	67
Вегетарианец. — Рассказ В. Крумова. Перевел с болгарского О. Тихомиров. Рисунки П. Багина	70
«Кораблик». — Перевели Е. Гулыга и Л. Яхнин	72
Встанем в круг. — А. Лукачи. Перевела с венгерского Л. Васильева. Рисунки Ю. Карповой	74
В стране шаха — владыки черных и белых полей. — Международный мастер М. Юдович. Рисунок Н. Марковой	76
Ума палата. — Ответственный дежурный Никита Разговоров. Рисунки А. Вовиковой	78
Песня друзей. Орлята России. Идем дорогой Ленина, дорогой Октября. — Слова К. Ибряева. Музыка Ю. Чичкова. Рисунки И. Красулина	80
На обложке: Международный детский фестиваль. Рисунок С. Острова.	

Главный редактор С. А. ФУРИН.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

О. И. ГРЕКОВА, А. А. ДЕРКАЧ, В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, Н. В. ИЛЬИНА, Е. Л. КОВАЛЕНКО (ответственный секретарь), В. П. КРАПИВИН, Ф. В. ЛЕМКУЛЬ, С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, В. А. ПОДДУБНАЯ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, С. Ю. САХАРОВА (главный художник), Л. С. СИМОНОВА (зам. главного редактора), Ю. М. ЧИЧКОВ.

Технический редактор Е. Г. ЕВДОКИМОВА.
Макет А. М. ГРИШИНА.

© Издательство «Правда», «Пионер», 1977.

Адрес для писем: 101459, ГСП-4, Москва, А-15.
Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон 253-30-73
Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 22/IV 1977 г. А 02073.
Подписано к печати 31/V 1977 г. Формат 84×60¹/₈.
Усл. печ. л. 9,33. Учетно-изд. л. 11,24.
Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 1477. Заказ № 647.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина,
125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

МИР
 PEACE
 FRIEDEN
 МИР
 LA PAZ
 МИР
 PAIX
 PAIX
 МИР
 PEACE
 PEACE
 МИР
 PEACE
 МИР
 PEACE
 МИР
 FRIEDEN
 FRIEDEN
 МИР
 LA PAZ
 FRIEDEN

Значит, чаще встречаться нам надо,
 Чтобы руку друг другу пожать,
 Чтобы нашу лучистую радость
 Миллионам друзей передать.

Слова К. ИБРЯЕВА

**Значит, чаще встречаться нам надо,
Чтобы руку друг другужать,
Чтобы нашу лучистую радость
Миллионам друзей передать.**

ПРИПЕВ.

**Наша дружба чиста, беззаветна,
Мы верны ей навек всей душой.
Значит, будет родная планета
Вечно юной, всегда голубой.**

ПРИПЕВ.

Ноты песни
напечатаны
на 80 странице.

